НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

СТАНКЕВИЧЪ.

МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ И СЛОВОЛИТНЯ О. О. ГЕРБЕКА, ЧЕРНЫШЕВСКІЙ ПЕР. 5.

1890.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

[illegible] Владиміровичъ

Станкевичъ

[illegible]

Москва

[illegible]

[illegible]

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ
СТАНКЕВИЧЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.—ТРАГЕДІЯ.—ПРОЗА.

МОСКВА
ТИПОГРАФІЯ И СЛОВОЛИТНЯ О. О. ГЕРБЕКА, ЧЕРНЫШЕВСКІЙ ПЕР. 5.
1890.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Н. В. Станкевича. Значеніе этой симпатичной, высоконравственной личности въ исторіи умственнаго развитія русскаго общества, центра того кружка, которому русская литература преимущественно обязана своимъ разсвѣтомъ въ сороковые года, достаточно опредѣлено и извѣстно. Я ограничусь поэтому лишь тѣмъ, что напомню здѣсь вкратцѣ главные отзывы нашихъ выдающихся литературныхъ дѣятелей о Н. В. «Его очень вѣрно сравнивали съ подземнымъ ключомъ, о существованіи котораго свидѣтельствуетъ роскошная зелень. Подобно такому ключу Н. В. питалъ и живилъ всѣхъ его окружавшихъ. Благотворное вліяніе его свѣтлаго ума, благороднаго сердца и строгихъ нравственныхъ требованій сказывалось чуть не на каждомъ, кто только былъ знакомъ съ нимъ, не говоря уже о друзьяхъ, и это одно уже участіе

въ развитіи людей, которыми никогда не перестанетъ дорожить русская литература и русское общество, даетъ ему право на общественное значеніе. Онъ не оставилъ послѣ себя цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, но дѣятельно участвовалъ въ выработкѣ тѣхъ сужденій и взглядовъ, которые потомъ такъ ярко и благотворно выразились въ критикѣ Бѣлинскаго. Философски-поэтическій элементъ, присутствовавшій въ Станкевичѣ, былъ именно тѣмъ дѣятелемъ, который волновалъ сердца и выводилъ ихъ изъ летаргіи. Куда-бы животворный элементъ этотъ ни обращался въ теченіи своемъ, онъ увлекалъ за собою даже самыя упорныя, самыя лѣнивыя натуры. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ—писалъ Т. Н. Грановскій, получивъ извѣстіе о кончинѣ друга—его вліяніе на меня такъ безконечно и благотворно. Въ Станкевичѣ, этомъ типѣ удивительно-благороднаго, возвышеннаго молодаго существа, отразилась юность одной эпохи нашего развитія: онъ какъ будто собралъ и совокупилъ въ себѣ лучшія нравственныя черты, благороднѣйшія стремленія и надежды своихъ товарищей. Въ немъ сошлось, какъ въ центрѣ, все прекрасное, которое было разсѣяно въ толпѣ окружавшихъ его людей. Мысль и поэзія составляли основу его существованія, находясь между собою въ гармоніи и подчиняясь чувству мѣры».

Приведеннаго, кажется мнѣ, достаточно для того, чтобы оправдать появленіе настоящей

книги. Она имѣетъ цѣлью: способствовать возобновленію въ памяти людей, участливо относящихся къ исторіи русскаго просвѣщенія, свѣтлаго образа молодаго дѣятеля, преждевременно сошедшаго въ могилу, но оставившаго глубокіе слѣды по себѣ. Извѣстный трудъ П. В. Анненкова[1] дѣлаетъ лишнею всякую попытку новой біографіи, а въ сочиненіи А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ[2] подробно выясненъ общій характеръ кружка Н. В-ча и помѣщены личныя подробности о его членахъ. Обращаю вниманіе читателей, интересующихся подробностями, на эти два сочиненія; имена авторовъ ручаются за интересъ и научное достоинство содержанія.

Сочиненія Н. В. не сохранились въ рукописяхъ (автографахъ или, по крайней мѣрѣ, современныхъ спискахъ), и мнѣ пришлось ихъ отыскивать въ альманахахъ и журналахъ 20-хъ и 30-хъ гг. Отсюда — первое затрудненіе при редактированіи: кому принадлежитъ то или другое правописаніе? Автору, или редактору книги или журнала? Не имѣя данныхъ для рѣшенія этого вопроса, я рѣшилъ сохранить правописаніе и пунктуацію первопечатнаго текста,

---

[1] *«Николай Владиміровичъ Станкевичъ». — Первоначально этотъ трудъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1857 г. т. VII стр. 441—490; 695—738; и т. VIII стр. 357—398.—Затѣмъ, въ 1858 г. онъ вышелъ отдѣльною книгою, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, съ приложеніемъ переписки Н. В., двѣнадцати стихотвореній и прозаическихъ статей.—Въ третій разъ онъ напечатанъ въ «Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ» названнаго автора, въ 3-мъ отдѣлѣ, стр. 268—383. Спб. 1881 г.*

[2] *Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. Т. I гл. 3-я.*

за исключеніемъ немногихъ случаевъ, когда отступленіе отъ современнаго было очевидно лишь недосмотромъ корректора. Порядокъ расположенія принятъ мною хронологическій, но и тутъ я не всегда могъ точно опредѣлить времени написанія пьесы и указывалъ годъ приблизительно. Такъ пьесы: «Раскаяніе поэта», «Жаворонокъ» и «Два мгновенья» помѣчены у меня 1833 г., тогда какъ, по свидѣтельству П. В. Анненкова, онѣ написаны раньше, вѣроятно въ 1831—32 г. Въ печати онѣ появились въ 1836 г. Стихотвореніе «На могилу сельской дѣвицы» напечатано въ 1834 г., но самъ Н. В., въ письмѣ по поводу этого стихотворенія[*], *говоритъ, что оно было послано имъ О. М. Сомову нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т. е. около 1831 г. При остальныхъ произведеніяхъ выставленные года можно считать вполнѣ вѣрными.*

Къ моему большему сожалѣнію мнѣ не удалось избѣгнуть въ настоящемъ изданіи двухъ недостатковъ. Первый изъ нихъ — неполнота собранія. Нѣсколькихъ стихотвореній, упоминаемыхъ г. Анненковымъ, я не могъ найти, равно какъ и статьи: «О возможности философіи какъ науки». Кажется, все это надо считать безвозвратно погибшимъ, особенно юмористическія стихотворенія, какъ «Хоръ духовъ надъ спящимъ Т. Н. Грановскимъ, возвѣщающій ему скорое пришествіе бутерброда, и горькія жалобы героя, при пробужденіи, на отлетѣвшее блаженство,

[*] *См. Приложенія, II.*

къ которому онъ уже былъ такъ близокъ»; «Посланіе къ Н-ву, по случаю печальныхъ звуковъ, которые онъ извлекалъ изъ мусикійскаго струмента»; «Возвращеніе въ Берлинъ»; «Поясненіе Гегелевой логики», и др..*

Второй недостатокъ, на который прошу обратить вниманіе, и который необходимо исправить, прежде чѣмъ приступить къ чтенію,— это опечатки. На стр. 23, въ стихотвореніи «Грусть», стихи 7—9 сверху должно читать въ такомъ порядкѣ:

Снова небо просвѣтлѣетъ,
Снѣгъ сбѣжитъ съ высокихъ горъ,
Вновь цвѣты утѣшатъ взоръ, ...

На стр. 45, ст. 5 сверху, вмѣсто «объятія», надо «объятья»; на стр. 48, ст. 8 сверху, вмѣсто «дружнаго», надо «дружняго»; на стр. 62, ст. 3 сверху, вмѣсто «примѣренъ», надо «измѣренъ».

Приложенный къ настоящей книгѣ фототипическій портретъ Н. В. издается здѣсь въ первый разъ и исполненъ съ гипсоваго медальона, работы Эйхлера въ Берлинѣ. По отзыву родственниковъ, онъ отличается наибольшимъ сходствомъ, тогда какъ другіе, литографическіе, не могутъ считаться удовлетворительными.

Вотъ все, что я имѣю сказать вмѣсто предисловія. Я уже говорилъ выше о цѣли, съ которою я предпринялъ настоящее изданіе. Быть можетъ я не достигъ ея,—въ такомъ случаѣ

* *См. книгу Анненкова. стр. 183 (по изданію 1858 г.). Нѣсколько отрывковъ напечатаны тамъ, въ отдѣлѣ переписки.*

утѣшаю себя мыслью, что мой трудъ будетъ полезенъ, какъ матеріалъ, будущему, болѣе опытному издателю. Смѣю думать однако, что во всякомъ случаѣ собраніе произведеній Н. В. Станкевича можетъ разсчитывать на сочувствіе и интересъ со стороны любителей русской литературы.

Алексѣй Станкевичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* Отмѣченныя звѣздочкою (*) стихотворенія и статьи напечатаны въ книгѣ П. В. Анненкова «Николай Владиміровичъ Станкевичъ». Москва, 1858 г. 8°.

ПРОЗА.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАММА.

«Кутейникъ всѣхъ обрекъ съ Парнаса на изгнанье;
Одинъ лишь онъ имѣть тамъ хочетъ пребыванье.» —
Ты шутишь? Можно-ли мнѣ согласиться въ томъ?—
«Клянуся—истина: онъ даже Музъ поноситъ».
Да какъ священный Фебъ все это переноситъ?
«Гдѣ смѣхъ, тамъ гнѣва нѣтъ: онъ у него—шутомъ.»

1829 г.

ЭПИГРАММА.

«Я знаю свѣтъ!» —
Такъ говорилъ Тарасъ, любезный мой сосѣдъ,—
«А въ свѣтѣ жить—великое умѣнье!
Я людямъ, нужнымъ мнѣ, поклоны отдавалъ,
Дамъ модныхъ красоту я громко выхвалялъ,
Всегда мнѣ нравилось ихъ мнѣнье;
Чтȯ имъ не нравилось, я то всегда бранилъ,
Въ глаза былъ другомъ всѣхъ, и всякъ меня любилъ.
Мнѣ подражай, когда счастливымъ быть желаешь!....»
«А правда? Долгъ?...» «Ты свѣта, братъ, не знаешь.»

1829 г.

ЭПИГРАММА.

Есть русская пословица одна:
Что всякій и въ *грязи* на *золото* укажетъ;
Но, видя *Кличкина*, невольно всякій скажетъ:
Что *грязь* и въ *золотѣ* видна.

1829 г.

ЛУНА.

(подражаніе французскому.)

Какъ бы стыдливая краса
Сребристымъ облакомъ прикрыта,
Луна взошла на небеса:
Земля сіяніемъ облита.
И дочь счастливая небесъ,
На свѣтлояхонтовомъ лонѣ,
Въ огнисто-золотой коронѣ
Течетъ, златитъ и долъ и лѣсъ,
Блестящей свитой окруженна.
Скажи-жъ, прекрасная луна,
Въ тончайшій облакъ облеченна,
Чтò въ небѣ дѣлаешь одна,
Скрывая кроткое сіянье?
Идешь-ли ты какъ Оссіанъ,
Грустить въ убѣжище страданья—
О дочь счастливыхъ неба странъ!—
И тамъ сокрыть красы младыя?
Несчастье знаемо-ль тебѣ? . . .
Но вотъ: въ лазурной вышинѣ,
Одѣта въ ткани золотыя,
Катишься по вершинамъ горъ,
Собой плѣняешь снова взоръ!
Теки-же долѣе надъ нами
И наши взоры восхищай!
И насъ до утра озаряй
Твоими кроткими лучами!

1829 г.

НАДПИСЬ

къ памятнику Пожарскаго и Минина.

Сыны отечества! кѣмъ хищный врагъ попранъ,
Вы русскій тронъ спасли,—вамъ слава достоянье!
Вамъ лучшій памятникъ—признательность гражданъ,—
Вамъ монументъ—Руси святой существованье.

1829 г.

ЭКСПРОМТЪ

по прочтеніи стихотвореній Козлова.

Съ прекрасною и твердою душой,
Съ покорностью прiявъ судьбы велѣнья,
Умѣлъ онъ вознестись надъ грозною судьбой
И въ бѣдствiи нашелъ источникъ вдохновенья.

1829 г.

НА ИГРУ Г-ЖИ ОСТРЯКОВОЙ*).

Талантъ твой насъ обворожаетъ,
Твой нѣжный взглядъ, твой милый видъ
Невольно въ душу проникаетъ
И сердцу внятно говоритъ.
Равно въ Амаліи**), Аглаевой***) прелестна,
Какъ и свободы дочь въ толпѣ цыганъ****).
Ты обрѣла въ природѣ талисманъ,
Неподражаемый, чудесный.
Прiятенъ голосъ твой и нѣженъ, какъ свирѣль.
Ты всѣхъ собой очаровала;
Искусства ты постигла цѣль
И тайну сердца разгадала!

1829 г.

---

*) Актриса Воронежскаго театра.
**) Въ трилогіи: «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока».
***) Въ комедіи: «Воздушные зàмки».
****) Въ одномъ изъ дивертисментовъ, здѣсь (въ Воронежѣ) данныхъ.

СТАНСЫ.

Прекрасно Божіе созданье,
Плѣнителенъ надзвѣздный міръ,
Когда въ звѣздахъ горитъ эѳиръ,
И льетъ сребристое сіянье
Небесъ красавица—луна:
Священнымъ жаромъ вдохновенья
Тогда душа моя полна!

***

Ты къ смертнымъ благъ, Творецъ вселенной,
И души ихъ—Твой свѣтлый храмъ!
Огонь рукой Твоей возженный
Пылаетъ въ нихъ—и къ небесамъ
Куренье всходитъ благовонно,
Святыхъ сердецъ гремитъ тимпанъ,
И міръ—хвалы Твоей оргàнъ,
Тебѣ поётъ хваленье стройно!

***

Съ надеждою подъемлю длани,
Паду во трепетѣ лица,
Молю Предвѣчнаго Отца,
Чтобы смирилъ душевны брани,
Чтобъ въ сердцѣ утвердилъ покой,
Чтобъ не терновою стезей
Чрезъ бурную прошелъ я младость.

***

Молю! и слезы умиленья
Струею льются по щекамъ;
Святаго полный вдохновенья,
Я волю далъ моимъ слезамъ—
Быть можетъ жаръ мольбы усердной,
Отцовскимъ сердцемъ примешь Ты!

***

Творецъ! священною десницей
Ты отвращаешь козни злыхъ,
Ты милуешь рабовъ Твоихъ—

И награждаешь ихъ сторицей;
Любовь къ Тебѣ свята, чиста—
Ты міръ блаженствомъ наполняешь
И жизни свѣтлыя врата—
Рабамъ покорнымъ отверзаешь!

1830 г.

ПРОСТИ!

Прости! тебѣ моей не быть!
Съ твоей холодной красотою,
Съ твоей безчувственной душою,
Ты не назначена—любить.
Тебѣ безвѣстенъ нѣжный пламень;
Одинъ обманъ—твой страстный взглядъ,
Улыбка—нектаръ, сердце—камень,
А поцѣлуи—сладкій ядъ!
Прошла пора очарованья,
Прошли въ груди моей терзанья...

***

Знавалъ я радость и любовь,
Живилось сердце упованьемъ,
Огнемъ любви пылала кровь,—
Когда съ несбыточнымъ желаньемъ
Тебѣ на вѣкъ отдался я,
И полный страстнымъ упоеньемъ,
Съ самолюбивымъ увѣреньемъ
Твердилъ въ душѣ: *она моя!*
Я долго сею жилъ мечтою,
Я долго по тебѣ грустилъ,
Страдалъ, тобой надеждой жилъ,
Но ты смѣялась надо мною!...

***

Теперь... Прости! прости на вѣкъ!
Любви мнѣ тяжко вспоминанье!
Не вырвешь болѣе признанья;

Но сердца горестный упрекъ,
Тебѣ напомнить лишь заставилъ,
О томъ, что было... полно! я
Свой жребій небу предоставилъ...
Прости! ты больше *не моя!..*

1830 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРНОЙ ПОВѢСТИ.

Прекрасны звѣзды золотыя,
Когда по синимъ небесамъ
Онѣ ліютъ въ часы ночные
Лучи алмазно-огневые;
Прекрасенъ блещущій сапфиръ
Въ коронѣ пышнаго султана;
Прекрасно небо Персистана—
Темно-лазуревый эѳиръ;
Милѣй божественные взгляды
Елены—чуда красоты;
Она жива—какъ лётъ мечты,
Какъ бѣгъ плѣняющей Наяды,
Мила—какъ чистая любовь;
Власы, какъ лёнъ, заря—ланиты;
Заныла грудь, зажглася кровь—
И братъ и горе позабыты....
Зачѣмъ ее увидѣлъ ты,
О сынъ неопытный природы?..
И за невѣрныя мечты
Отдалъ все счастіе свободы?
Зачѣмъ души своей покой
Смѣнилъ на рой надеждъ игривыхъ,
Живыхъ, плѣнительныхъ, — но лживыхъ?
И юной пламенной душей
На вѣкъ отдался неизвѣстной?
Зачѣмъ?... но поздно . . . .
. . . .

***

Вечернею одѣлись мглою
И лѣсъ и чистыя поля,
И предана давно земля
Ея урочному покою.
Предвѣстникъ ночи, въ небесахъ
Алмазный Весперъ появился,
Рубины въ пламенныхъ лучахъ
Разсыпались — и озарился
Огнями ночи небосклонъ.
И царь ихъ — свѣтлый мѣсяцъ юный,
Вперенъ въ таинственныя думы,
На огненно-прозрачный тронъ
Съ нѣмымъ величіемъ восходитъ,
Плыветъ въ эѳиръ отъ выси горъ
И на землю сребристый взоръ
Съ безмолвной грустію наводитъ.
Едва катитъ струи потокъ,
Едва душистый вѣтерокъ
Листы шиповника колышетъ,
И воздухъ ароматомъ дышетъ.

***

Вотъ чуть примѣтною стопой,
Елена по росѣ сребристой
Идетъ въ раздумьи, ...
. . . .

1830 г.

УТѢШЕНІЕ.

Съ душею, полной упованья,
Я скромно въ море жизни вплылъ —
И всѣмъ прекраснымъ ожиданьямъ
Младое сердце отворилъ.

—

Съ какою вѣрой простодушной
Боготворилъ я этотъ міръ, —

Стремленью чувствъ младыхъ послушный—
Веселье было мой кумиръ.

—

Я дружбѣ чистыя объятья
Отъ сердца чистаго открылъ;
Всѣ были мнѣ друзья и братья
И я всегда имъ вѣренъ былъ.

—

Но скоро взгляды милой дѣвы
Зажгли огонь въ груди моей,
И лиры томные напѣвы
Мнѣ были даръ—ея очей.

—

И жаръ святаго пѣснопѣнья
Сильнѣй горѣлъ въ груди младой;
И духъ мой жаждалъ вдохновенья,
Какъ пищи—сладкой, неземной.

—

Но скрылися очарованья,
Престалъ надеждамъ вѣрить я,
Не совершились ожиданья
И разбрелись мои друзья.

—

И все, что̀ жизни прежде льстило,
Что̀ оживляло дни мои—
Она—она мнѣ измѣнила!...
И въ сердцѣ хладномъ нѣтъ любви!...

—

Лишь ты, святое вдохновенье,
Одно осталось вѣрнымъ мнѣ,
Блаженства память, утѣшенье
Ты мнѣ приносишь въ тишинѣ!

—

И успокоенъ духъ мой юный
Въ бесѣдѣ пламенной съ тобой:
Возьму цѣвницу я, и струны
Кропятся сладостной слезой.

1830 г.

ВЕСНА.

Жизнь на праздникѣ природы,
Цвѣтъ и зелень на поляхъ,
Неба радужные своды
Рдѣютъ въ солнечныхъ лучахъ,
И текутъ, красуясь, воды.

—

Все цвѣтетъ, благоухаетъ,
Всюду радость разлита;
Въ сердце пламень проницаетъ,
И волшебная мечта
Духъ невольно увлекаетъ.

—

Вновь родятся упованья,
Вновь душа отворена
Обольстительнымъ желаньямъ,
И, какъ легкій призракъ сна—
Проявились вспоминанья.

—

Гдѣ-же все, что̀ сердцу льстило?
Чѣмъ питалася мечта?
То, что̀ къ жизни приманило?
Безъ чего она пуста,
Какъ безмолвная могила.

—

Къ славѣ гордое стремленье,
Упованья юныхъ дней,
Жаръ священный вдохновенья,
Вѣра полная въ людей
И восторговъ упоенья?—

—

Погубилъ все ранній опытъ,
Рано палъ на сердце хладъ!
Зависти презрѣнный шопотъ,
Добродѣтель безъ наградъ....—
Но,—откинемъ тщетный ропотъ!

—

Всѣ безсильны укоризны,
Побѣдить судьбу—кто могъ?
Утѣшенье въ бурной жизни
Мнѣ да будетъ—вѣра, Богъ
И любовь къ святой отчизнѣ!

—

Прочь-же грѣшныя роптанья:
Богъ властитель надъ душей,
Погребу мои страданья—
И, быть можетъ, вновь со мной
Примирятся упованья.

—

Не погибнетъ въ буряхъ младость,
Западетъ во глубь души
Вновь—потерянная радость—
И въ нерушимой тиши
Я признаю рока благость.

—

Прилетай же наслажденье!
Тяжкій мракъ души разсѣй,
Посели мнѣ въ грудь терпѣнье
И отвагу юныхъ дней!
Начинай перерожденье!

—

Жизнь на праздникѣ природы,
Цвѣтъ и зелень на поляхъ,
Неба радужные своды
Блещутъ въ солнечныхъ лучахъ
И текутъ, красуясь, воды.

1830 г.

ЭЛЕГІЯ.

Когда на западѣ горитъ
　　Послѣдній солнца лучъ
И яркимъ свѣтомъ золотитъ
　　Края угрюмыхъ тучъ;

Когда безмолвная луна
Встастъ печальна и блѣдна
От сумрачныхъ полянъ—
И звѣзды въ небесахъ горятъ,
Люблю недвижный взоръ вперять
Въ эѳирный океанъ.

—

И мнится мнѣ, что та страна
Знакомое хранитъ;
Что тамъ, гдѣ теплится луна,
Мой братъ, иль другъ сокрытъ;
Что на лазурныхъ небесахъ
Сіяютъ въ пламенныхъ лучахъ
Погибшіе давно,
И души ихъ въ тиши ночной
Съ моей бесѣдуютъ душой—
Невнятно и—темно!

—

Ей не повѣдаютъ онѣ
Тайнъ жизни не земной,
И ни о томъ, что̀ въ ихъ странѣ,
Надъ бѣдною землей?
Но ихъ нѣмая рѣчь во грудь
Нашла прямой и чистый путь;—
Отрадна мнѣ она!
Внимать ее—готовъ и радъ,
Тогда не помню я утратъ—
Душа моя свѣтла!

—

Когда на западѣ горитъ
Послѣдній солнца лучъ
И яркимъ свѣтомъ золотитъ
Края угрюмыхъ тучъ;
Когда вечернею зарей
Зефировъ свѣжихъ рѣзвый рой
Разноситъ ароматъ;

Когда луна идетъ съ полянъ,—
Люблю въ эѳирный океанъ
Я взоры устремлять.

1830 г.

ИЗБРАННЫЙ.

Дня румяное свѣтило
Ярко западъ озлатило;
Чуть катитъ струи рѣка:
Разноцвѣтною грядою
Въ ней трепещутъ облака...
Вотъ полнеба, какъ каймою,
Опоясалось зарею;
Весперъ въ пламенныхъ лучахъ
Загорѣлся въ небесахъ.
Надъ зелеными холмами,
Ночи свѣтлая краса—
Мѣсяцъ всплылъ; его лучами
Озарились небеса.
Онъ на землю взоръ унылый—
Землю взоръ осеребрилъ;
На потокъ—потокъ игривый
Заблисталъ, заговорилъ.

—

Тихо все. Сребро и злато
Пышно блещутъ на водахъ,
Разлилися ароматы
Въ очарованныхъ поляхъ.
Вдругъ надъ влагой зашумѣло,
Скрылась въ облакѣ луна,
Небо въ мракѣ просвѣтлѣло,
Запылало, загремѣло...
И, какъ прежде, тишина
Землю спящую одѣла.
Отъ полночи, отъ полдня,

Отъ заката, отъ восхода,
Волны шумныя народа
Съ дикимъ ропотомъ текутъ
Черезъ дебри, черезъ горы,
Возводя на небо взоры,
Притекли, чего-то ждутъ...

—

Вотъ опять луна златая,
Изъ-за облакъ выплывая,
Кроткій свѣтъ на землю льётъ;
Въ рощѣ соловей поётъ—
И опять, сребро и злато
Пышно блещутъ на водахъ,
Вѣютъ снова ароматы
Въ очарованныхъ поляхъ.

—

Но толпы безмолвны, тихи:
Въ область свѣтлую луны
Ихъ глаза устремлены;
Пришлецы уныло-дики!
Иль не милъ земной пріютъ?
Иль чего отъ неба ждутъ?

—

Въ вышинѣ блеснуло,—клики
Раздались: «Гряди Великій!
Свѣтлый тронъ Тебѣ готовъ.»
И на грядахъ облаковъ,
Пересыпанныхъ звѣздами,
Льются волны за волнами
Ясныхъ, пурпурныхъ лучей:
Заиграли, засіяли
Средь эѳирныхъ областей,
Солнце свѣтлое соткали.

—

Но кому-же сей престолъ,
Кто на немъ возсядетъ смѣло?

Громъ по небесамъ прошелъ,
Глухо въ дебряхъ зашумѣло!
«Онъ грядетъ!» я гласъ внемлю.
Чью-жъ безсмертную главу
Пышно радуга одѣла?
Передъ кѣмъ во прахъ падетъ
Полный радости народъ?
Кто сидитъ на свѣтломъ тронѣ,
Въ семицвѣтной сей коронѣ?
Чей небесный, кроткій взоръ
Сладко душу проницаетъ?
Загремѣлъ народа хоръ,
Цѣлый міръ ему внимаетъ:
Тихъ стоитъ угрюмый боръ,
Въ брегъ не бьютъ сѣдыя волны,
Цѣпи лишь кремнистыхъ горъ,
Въ прахъ предъ нимъ склоняясь дольній,
Предаютъ одна другой
Славословья гласъ святой.

Хоръ народа.

Царь! сильна Твоя держава,
Твердъ, блистателенъ Твой тронъ,
Чадъ Твоихъ любовь и слава,
Правда, милость и законъ—
Да пребудутъ вѣкъ съ Тобою!
Да вѣнецъ Твой процвѣтетъ,
Просіяетъ не земною
И нетлѣнной красотою;
Да изъ рода въ дальній родъ
Слава дѣлъ Твоихъ прейдетъ!

—

И Избранный съ умиленьемъ
Славословья гласъ внималъ:
Онъ, казалося, съ моленьемъ
Взоры къ небу обращалъ.

—

Вдругъ покрыли небо тучи,
Вихорь шумный набѣжалъ,
Поднимаетъ прахъ летучій,
Закачался лѣсъ дремучій,
Вѣтеръ въ поляхъ забушевалъ;
Небо молніи раздрали,
Въ тучахъ громы рокотали,
Бездна цѣлая огня
Въ мрачныхъ высяхъ буревала;
Устрашенная земля
Въ основаньи трепетала.

—

Въ тучахъ мрачныхъ и громахъ,
Въ огнецвѣтной колесницѣ,
Подъ кровавой багряницей,
Ярой бури на крылахъ,
Мчится духъ ужасный брани;
Мечъ въ могущественной длани,
Въ грозномъ взорѣ огнь и кровь.
Милосердіе, любовь—
Все, что̀ близитъ человѣка
Къ порожденію боговъ,—
Мнилось, въ грудь его отъ вѣка
Зарониться не могли.
Онъ надъ племенемъ земли
Ужасъ мчитъ и разрушенье
За погибельной рукой;
Вотъ онъ сталъ; концы вселенной
Вторятъ голосъ громовой.

Духъ брани.

Въ молньеносной колесницѣ,
Ярой бури на крылахъ,
Я могучею десницей
Обращаю въ дольній прахъ—
Царства міра и народы.
Мечъ и гибель—мой законъ

Надъ законами природы,
А вселенная—мой тронъ.
Выси горъ, морей пучину
Я съ грозой перелечу,
На противныхъ гибель кину,
Кровью мечъ мой насыщу;
Смолкнетъ слабый гласъ гордыни,
Треснувъ, въ прахъ падутъ твердыни
Подъ могучею рукой;
Тщетны слезы и моленья:
Надъ противною страной
Опочіетъ гробовой
Геній бѣдъ и разрушенья.

Хоръ духовъ.

Тщетны слезы и мольба
Надъ могучимъ духомъ брани:
Непремѣненъ, какъ судьба,
Мановеньемъ сильной длани
Онъ подвигнетъ молній строй—
Всюду пламень истребленья!
И надъ цѣлою страной
Опочіетъ гробовой
Геній бѣдъ и разрушенья.

Духъ брани.

И протекши какъ гроза,
Покоривъ перуномъ землю,
Зажигаю небеса,
Гласъ громовъ хвалебный внемлю;
Но, наскучивъ тишиной,
Въ грудь царей земли влетаю,
Жаждой славы истомляю,
Власть даю имъ надъ землей:
И питомецъ духа брани,
Какъ всесильный богъ земной,
Возсѣдитъ, съ перуномъ въ длани,
Надъ плодомъ завоеваній.

Хоръ духовъ.

Славенъ сынъ кровавой брани:
Онъ, какъ сильный богъ земной,
Возсѣдитъ съ перуномъ въ длани,
Надъ плодомъ завоеваній.

Духъ брани.

Ты, могучій! чья рука
Освятилась скиптромъ царства;
Громъ прими, рази коварство—
Устрашай весь міръ; въ вѣка
Передамъ твою я славу,
Возвеличу пышный тронъ,
Укрѣплю твою державу;
Ты вселенной дашь законъ,
Завоюешь землю, море,
Кто-жъ тебѣ противный—горе!

Хоръ духовъ.

Пріими, могучій царь,
Духа брани дивный даръ:
Онъ тебя покроетъ славой,
Возвеличитъ пышный тронъ,
Укрѣпитъ твою державу,
Ты вселенной дашь законъ,
Завоюешь землю, море—
И противнымъ—горе, горе!

—

Страшно, дико въ небесахъ
Громы ярые рокочутъ;
Огнь блистаетъ на крылахъ;
Дебри темныя грохочутъ:
За ударомъ вслѣдъ ударъ!—
Облеченные въ пожаръ,
Духи, шумною грядою,
Мчатся, вьются надъ землею.

Въ страхѣ, въ трепетѣ народъ
Предъ *Избраннымъ* упадаетъ,
На колѣнахъ слезы льетъ;
Но великій созерцаетъ
Безъ боязни сонмъ духовъ:
Въ небѣ молньи блещутъ рѣже;
Тише, тише гулъ громовъ;
Расхолмились—и какъ мрежи
Стали гряды облаковъ.
Царь взираетъ свѣтлымъ окомъ—
Загорѣлась надъ востокомъ
Утра юная звѣзда;
Веселѣй заколебалась
Въ берегахъ своихъ вода—
Зарябѣла и помчалась.
Кто-жъ, эѳира по зыбямъ
Въ ризы утра облаченный,
Доблій, царственный, смиренный,
Встрѣчу дня златымъ лучамъ,
Мчится съ кроткимъ, яснымъ взоромъ?
Блещетъ радость на челѣ;
Небо свѣтло. На землѣ
Все творенье стройнымъ хоромъ
Духу мира гимнъ поётъ,
Радость въ даръ ему несётъ.

Общій хоръ.

Въ ризы утра облаченный,
Съ вѣтвью звѣздной на челѣ,
Пріиди, благословенный,
Миръ посѣять на землѣ:
Да смирится горделивый!
Да познаетъ благость злой!
Орошенны кровью нивы,
Какъ прохладною росой,
Освѣжи своей слезой?

Залѣчи народовъ раны,
Снова троны укрѣпи
И святую длань простри
Надъ могучимъ, надъ Избраннымъ!

Духъ мира.

Небомъ данный царь земли!
Духу мира ты внемли:
Онъ не жаждетъ битвъ и крови;
Не прострётъ онъ скиптръ златой
Надъ разрушенной страной;
Въ царствѣ правды и любви,
Тамъ, гдѣ милость и законъ,
Гдѣ небесъ прообразитель
Милосердье,—тамъ мой тронъ
И любимая обитель.
Я кровавою рукой
Не предамъ тебѣ вселенной;
Ты не будешь богъ земной,
Горемъ міра вознесенный:
Я бездушному мечу
Свѣта участь не вручу;
Ты не будешь врагъ природы,
И у ногъ твоихъ народы
Съ рабскимъ страхомъ не падутъ;
Ни стенанья, ни желѣзы,
Ни убійственныя грёзы
Духъ спокойный не смятутъ.
Но съ слезой въ очахъ отрадной,
Освященный, благодатной,
Счастливый любовью чадъ;
Сердцемъ чистъ, душою свѣтелъ,
Тихъ и святъ—какъ добродѣтель,
Сладко будешь созерцать
Добрый плодъ твоихъ дѣяній.
Крови чуждъ, завоеваній,

Не померкнетъ твой вѣнецъ;
Смерти гласъ забудешь бранный,
Неба сынъ драгой, Избранный
И отечества отецъ!

Хоръ.

Не померкнетъ твой вѣнецъ,
Неба сынъ драгой, Избранный
И отечества отецъ.

—

Съ полнымъ сердцемъ, умиленный,
Духу мира царь внималъ—
И, казалось, скиптръ вселенной
Такъ его не утѣшалъ.
Слезы чистою росою
Заструились изъ очей;
Подъ короной неземною,
Въ блескѣ огненныхъ лучей,—
Онъ, какъ свѣтлый Искупитель,
Кроткимъ взоромъ созерцалъ
Славы царственной обитель,
Свой народъ—и сей припалъ
Со слезами и моленьемъ
Освященнаго къ стопамъ.
«Не грозой, не разрушеньемъ,
«Я величіе создамъ
«Мнѣ врученнаго народа,»—
Царь изрёкъ: «нѣтъ, мечъ врагамъ!
«Охранится имъ свобода:
«Я приму его изъ рукъ
«Громоносца *Духа брани*,
«Миртъ возьму изъ *мирной* длани,
«И громовый славы звукъ
«Возвѣститъ въ предѣлахъ міра
«Счастье скромной тишины,
«Сладкій плодъ златого мира—

«Благоденствіе страны,
«Мнѣ врученной Провидѣньемъ.»
Онъ умолкъ—и съ восхищеньемъ
Каждый подданный лобзалъ
Кроткую его десницу—
И, віясь кругомъ станицей,
Шумный хоръ духовъ вѣщалъ:

Хоръ духовъ.

Царь! сильна твоя держава,
Твердъ, блистателенъ твой тронъ.
Чадъ твоихъ любовь и слава,
Правда, милость и законъ—
Да пребудутъ вѣкъ съ тобою!
Да вѣнецъ твой процвѣтетъ,
Просіяетъ неземною
И нетлѣнной красотою,
Да изъ рода въ дальній родъ
Слава дѣлъ твоихъ пройдетъ.

1830 г.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Палящій огнь сокрытъ въ груди моей,
Я напоёнъ губительной отравой,
Во мнѣ бушуетъ вихрь страстей—
И кто смиритъ его?—Одна десница славы!

—

Небесная! скажи: узнаю-ль я
Безсмертія святыя наслажденья?
Предъ взорами вѣковъ, при кликахъ удивленья,
Усыновишь-ли ты меня?

—

Всѣ блага—прочь! съ тобой лишь въ жизни радость!
Мой путь—къ одной мечтѣ!
Блюди-жъ меня, блюди! да не погибнетъ младость
Въ пыли мірской, въ безплодной суетѣ!

1830 г.

ФИЛИНЪ.

(Переводъ.)

Ночной вѣщунъ! буди твои лѣса,
Долины оглашай могильнымъ крикомъ:
Густѣетъ мракъ, и въ тучахъ небеса—
Пой смерть, пой смерть! въ твоемъ взываньи дикомъ,
Въ ужасныхъ пѣсняхъ, средь ночной тиши,
Есть тайная отрада для души;
Твой праздникъ—смерть; тебя страшатъ живые,
Дни гибели—то дни твои златые.
Дѣти персти бренной, пробуждайтесь!
Одръ покоя бросьте—и внимать!
Прозвучалъ кому-то часъ послѣдній:
Пробуждайтесь,—прокричалъ вѣщунъ.
Когда изъ нѣдръ могилы, въ часъ полночной,
Ея печальный житель возстаётъ,
Когда земля трепещетъ и гудётъ,
Колеблема его стопою мощной,—
Лишь ты одинъ, съ любовію, крыломъ
Подъявъ его могильные покровы,
Пѣснь гибели поёшь надъ мертвецомъ,
Ласкаешь ликъ его суровый.
Дѣти персти бренной, пробуждайтесь!
Одръ покоя бросьте—и внимать!
Прозвучалъ кому-то часъ послѣдній:
Пробуждайтесь,—прокричалъ вѣщунъ.
Твой зоркій глазъ въ дали читаетъ смутной,
Узришь-ли смерть,—и, крылья расширивъ,
Летишь туда, гдѣ гость земли минутной,
Земной свой жребій тихо совершивъ,
Отшелъ къ отцамъ: надъ свѣжею могилой
Ты вновь поёшь, ужасный бардъ ночной,
И внемлетъ вѣчность гласъ унылой
И страннику готовитъ кровъ родной.

1831 г.

ГРУСТЬ.

Ночь темна, снѣгъ валитъ,
Вѣтеръ по полю шумитъ;
Пріунылая бесѣда
Въ даль пустынную глядитъ.
Полно, братья, горевать!
Даль прояснится опять,
Вновь цвѣты утѣшатъ взоръ,
Снова небо просвѣтлѣетъ,
Снѣгъ сбѣжитъ съ высокихъ горъ,
Поле вновь зазеленѣетъ.
Въ нашихъ вольныхъ лугахъ,
На обширныхъ степяхъ,
Какъ и прежде, ружья грянутъ;
Но, почившіе въ гробахъ
Не проснутся, не возстанутъ!
Намъ ихъ участь не видна,
Ихъ постеля холодна;
Братцы, въ память ихъ, наполнимъ
Чашу стараго вина!
На холмѣ гробовомъ
Громко пѣсню пропоемъ,
Пѣсню ту, что̀ мы пѣвали
Въ дни, какъ въ ихъ кругу живомъ
Шумно, весело живали!

1831 г.

НОЧНЫЕ ДУХИ.

Три духа, показываясь надъ скалою.

Время, духи! вылетайте:
Гаснетъ алая заря.
Боръ дремучій покидайте,
Долы, горы и моря.
Мчитесь легкою толпою
За серебряной луною;

Прилегая на ручьи,
Тихострунные, катитесь;
Иль по звѣздному пути
Дружно вѣтромъ пронеситесь.

—

Тихо: волны въ брегъ не бьютъ,
Звѣзды по небу плывутъ;
Покидайте, покидайте,
Духи ночи, вашъ пріютъ!

Отдаленный хоръ духовъ.

Тихо.... волны въ брегъ не бьютъ....
Звѣзды по небу плывутъ...
Время, други! вылетайте,
Бросимъ дикій нашъ пріютъ!

Толпы духовъ показываются надъ скалою.

Рѣже сумракъ надъ землею,
Слабо даль озарена;
Вотъ урочною тропою,
Въ небо катится луна.
Други! рѣзвою толпою,
Шумно, быстро, веселѣй,
Полетимъ на встрѣчу ей!

Вьются вокругъ луны; къ нимъ присоединяются еще духи.

Кратокъ часъ волшебной ночи,
Какъ златые, смертныхъ, сны:
Не надолго свѣтъ луны,
Скоро гаснутъ неба очи!
Но доколѣ сей намётъ
Надъ безгранною вселенной,
Яркимъ златомъ испещренной,
Пышный свѣтъ на землю льётъ,
И доколь на лонѣ водъ
Утра лучъ не отразится,
Станемъ въ воздухѣ рѣзвиться.

ОДИНЪ ИЗЪ ДУХОВЪ.

Дня стряхнувъ земную ношу,
Чрезъ міры я полечу.
Въ небѣ пламень засвѣчу
И въ пустыя бездны сброшу;
Въ видѣ бѣлой пелены,
Обовьюсь вокругъ луны,
Блескомъ звѣздъ свой взоръ натѣшу;
Облака огнемъ разрѣжу;
И, гремя, во слѣдъ вѣтрамъ
Прокачусь по облакамъ.

Улетаетъ; за нимъ толпа духовъ.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Я въ молчаньи мирной ночи
Пронесуся надъ землей,
Ослѣпляя смертныхъ очи
Чародѣйственной мечтой.
Тихо крыльями повѣю —
И видѣнія сотку;
Закоснѣлому злодѣю
Гибель ада пореку.
Страхъ стѣснитъ ему дыханье,
Ужасъ члены окуётъ:
Глухи дикія стенанья,
На челѣ—печать страданья—
Выступитъ холодный потъ.
Кучей жемчуга и злата
Я скупого надѣлю;
Въ золоченыя палаты
Сибарита поселю;
Честолюбцу, надъ вселенной—
На мгновенье, скипетръ дамъ;
Въ ткань златую облеченный,
Онъ узритъ къ своимъ стопамъ
Въ страхѣ падшіе народы

Съ горькой жертвою свободы;
Чтò желалъ—всего достигъ:
Мощенъ, славенъ,—но на мигъ.
Кто-же тяжкіе удары
Въ битвѣ съ рокомъ получилъ;
Кто любви всесильной чары
Испыталъ и пережилъ—
Пусть въ часъ ночи безмятежной,
Ослѣпленъ мечтою нѣжной,
Позабудетъ горе онъ!
Ей не исцѣлить недуга!
Но родные, но подруга—
Несчастливцу сладкій сонъ!

Улетаетъ; за нимъ другая толпа духовъ.

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Продлись, продлись, часъ ночи безмятежной!
Рѣзвитесь, братья! Мнѣ идти другимъ путемъ:
Минувшаго въ покровы облеченный,
Я сяду на утесѣ вѣковомъ—
Считать года дряхлѣющей вселенной,
Зрѣть ветхій міръ въ его величьи гробовомъ.
Тамъ царства падшія, забвенные народы—
Я маніемъ изъ праха воззову!
Ихъ сонмы дикіе заропщутъ, будто воды....
Заноетъ грудь земли—и смертнаго главу
Оледенитъ непостижимый трепетъ...
А я—во мракъ временъ свой углубивши взоръ—
Торжественно внимать могильный стану лепетъ...
То гласъ вѣковъ, то съ рокомъ разговоръ!
Лечу.... гробà свой алчный зѣвъ раскрыли...
Забилась жизнь въ груди развалинъ; громъ
Изъ нѣдръ земли рокочетъ—и кругомъ
Вертепы дикіе завыли!...

Улетаетъ. За нимъ толпа духовъ. Ночь. Небо усѣяно звѣздами. Полная луна сіяетъ надъ скалою.

1831 г.

КРЕМЛЬ.

—

Склони чело, Россіи вѣрный сынъ!
Безсмертный Кремль стоитъ передъ тобою:
Онъ въ буряхъ возмужалъ,—и, рока властелинъ,
Собравъ вѣка надъ древнею главою,
Возвысился могучъ, неколебимъ,
Какъ геній славы надъ Москвою!
О чернь! пади! страшися осквернять
Твоею пылью эти стѣны:
На нихъ горитъ безсмертія печать,
Онѣ вѣками освященны!

—

Здѣсь гордый умъ смиренъ, окованы мечты,
Но сердце русское исполнено отрады;
Порой устремлены къ землѣ нѣмые взгляды:
Тамъ, въ прахѣ—искрятся великіе слѣды.

1831 г.

ПѢСНЬ ДУХОВЪ НАДЪ ВОДАМИ.

(изъ гёте.)

Душа человѣка
Волнамъ подобна:
Съ неба нисходитъ,
Стремится къ небу;
И вѣчной премѣнѣ
Обречена,
Снова должна
Къ землѣ обратиться.

—

Съ крутой скалы
Бѣжитъ ручей
И влажной пылью
Сребритъ долины.
Но, заключенъ въ предѣлы,
Съ журчаньемъ кроткимъ,
Все тише, тише
Катится въ глубь.

—

Крутые-ль утесы
Ему поставляютъ
Къ паденью препоны:
Нетерпѣливый,
Онъ пѣну вздымаетъ
И льется по нимъ,
Какъ по ступенямъ
Въ бездну!

—

Въ гладкой постелѣ, долину
Онъ пробѣгаетъ;
А въ зеркальномъ морѣ
Звѣздное небо горитъ.
Вѣтеръ, мо́ря
Кроткій любовникъ,—
Вѣтеръ изъ глубины
Волны вздымаетъ.

—

О душа человѣка,
Какъ волнамъ ты подобна!
О судьба смертныхъ,
Какъ ты подобна вѣтрамъ!

1832 г.

СТАРАЯ, НЕГОДНАЯ ФАНТАЗІЯ.

—Сѣрыя тучи по небу бѣгутъ,
Мрачныя думы душу гнетутъ!—
«Тучи промчатся, солнце блеснетъ;
Горе невѣчно, радость придетъ!»

—

—Ясное солнце блещетъ высоко,
Радость былая умчалась далеко;
Людямъ до солнца не доходить,
Радость былую не воротить.—

—

—Звѣзда горѣла средь небесъ,
Но закатилась—свѣтъ исчезъ.—
«Въ небѣ другихъ милліоны сіяютъ,
Блескомъ отраднымъ взоры плѣняютъ.»

—

—Сколько ни будутъ плѣнять и свѣтить—
Той, что погибла, не воротить.

1832 г.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Покину міръ—среди могилъ
Влачить мнѣ долгое изгнанье!
Покину міръ—я въ немъ забылъ
Свое высокое призванье!
Не блескъ его, не суеты
Во мнѣ гласъ неба заглушали:
Меня томятъ мои мечты,
Мои мечты меня убили!
Мнѣ память въ казнь! передо мной
Витаетъ образъ вѣчно-милый—
Любовью грѣшной и тоской
Душа томится, гаснутъ силы...
Но я разрушу тяжкій плѣнъ,
Я жизнь найду во тьмѣ могилы
И вольность среди мрачныхъ стѣнъ.

—

Тамъ вновь душа молиться станетъ,
Вдали отъ бурь созрѣетъ плодъ,—
И падшій духъ опять воспрянетъ,
И небо въ грудь мою сойдетъ.
Я понесу святое иго,
Я тьмы стерплю мученій, золъ;
Согнусь подъ тяжкою веригой...
Но небо дастъ мнѣ свой глаголъ.

—

Тогда покину мракъ гробовый,
Тогда явлюсь передъ людей,—
И грянетъ гласъ судьбы суровый,
Какъ громъ надъ бездною морей.
Глаголъ небесъ прейдетъ пучины,
И тьмы во прахъ предъ нимъ падутъ,
Главы преклонятъ властелины,
Рабы свободу обрѣтутъ.

1832 г.

ДВА ПУТИ.

Я на распутіи стоялъ,
Съ самимъ собой въ борьбѣ тяжелой:
То мрачный путь, то путь веселый
На полѣ жизни мнѣ мелькалъ.
Манила радость—въ отдаленьи
Знакомый образъ видѣлъ я:
Къ нему съ тоской, къ нему въ томленьи
Душа просилася моя.
И уступалъ я... улетали
Сомнѣнья быстрою чредой:
Туда!.. Но можетъ, путь печали
Скрываетъ небо за собой!
Въ раздумьѣ сталъ я: блескъ обманетъ,
Любовь коварна, жизнь летитъ,

Душа отъ радости устанетъ
И рано сердце загруститъ.
Забуду-жъ свѣтъ! Къ безвѣстной цѣли
Пойду чрезъ тернистый путь!
Къ гробамъ!—чтобъ страсти омертвѣли,
Чтобъ охладѣла къ міру грудь!
И, заглушивши сердца злобу,
Благословилъ я мрачный входъ.
Что нужды? Жизнь ведетъ ко гробу—
Быть можетъ, къ жизни гробъ ведетъ.

—

Но что-же мнѣ въ замѣну свѣта?
Брожу одинъ въ могильной мглѣ,
Взываю къ небу и землѣ—
Земля и небо безъ отвѣта.

1832 г.

КАЛМЫЦКІЙ ПЛѢННИКЪ *).

(отрывокъ изъ романтической поэмы.)

ГЛАВА I.

Этьенъ и блѣдный и печальный,
Разставшись съ Питеромъ, летитъ.—
Бубенчикъ, будто стонъ прощальный,
Протяжно въ слухъ ему звенитъ.
«Прощай мой Питеръ, Питеръ милый!»
Онъ пѣснь прощальную поётъ.
«Ахъ долго, странный и унылый,
Я буду помнить блѣдный сводъ
Твоихъ небесъ—и мостовую,
Вдоль по которой я леталъ,

---

*) Эта пародія на поэмы бездарныхъ подражателей Пушкина и Баратынскаго написана Н. В. Станкевичемъ въ сообществѣ съ Н. А. Мельгуновымъ.

Ред.

И прелесть—дѣву молодую,
Которой думы посвящалъ.
Куда несусь теперь судьбою?
Въ пустой, далекой сторонѣ,
Въ разлукѣ, милая, съ тобою
Какой искать отрады мнѣ?» —
Онъ скачетъ вдоль—дожди и грозы
И вѣтръ, и молнія, и все
Надъ нимъ бушуютъ—льются слёзы,
И вдаль катится колесо.
Взойдетъ луна и долъ освѣтитъ
И звѣзды въ небѣ голубомъ;
Но кто его съ улыбкой встрѣтитъ
На полѣ дикомъ и пустомъ!
Онъ въ первомъ цвѣтѣ жизни, молодъ,—
Но, ахъ! узналъ уже любовь,
Любовь несчастную, и холодъ
Въ его душѣ остался вновь.
Онъ ѣдетъ, бѣдный; погляди-ко,
Какъ онъ печалію томимъ,
И сердце пусто, сердце дико,
Какъ степь, которая предъ нимъ.
Печаленъ онъ—лихая тройка
Бѣжитъ, летитъ; ямщикъ-Пострѣлъ!
«Товарищъ горести! запой-ка...»
Товарищъ горести запѣлъ:
«Ахъ вы, синіе глаза!
Ахъ ты, русая коса!
Присушили, изсушили,
Загубили, уходили,
Вы Пострѣла-молодца!
Я-ль тебя ужъ не любилъ?
Я-ль тебя ужъ не дарилъ?
Бѣднымъ сердцемъ не крушился;
Не метался, не мутился,
Ночь безъ сна не проводилъ?...»

1832 г.

РАЗДУМЬЕ.

Скроюсь отъ свѣта, угасну въ тиши!
Некому ввѣрить горе души!
Звѣздамъ—въ нихъ чувства иль нѣтъ, иль сокрыто;
Людямъ—прекрасное въ людяхъ убито.

* * *

Край есть далекій; въ далекомъ краю
Бѣдное сердце—его я люблю;
Ноетъ, тоскуетъ оно за горами;
Горы не горе—судьба между нами.

1832 г.

МЕЧТА.

Люблю я смотрѣть какъ ночною порой
Толпятся міры въ вышинѣ голубой;
Какъ тихія воды въ брегахъ отдыхаютъ
И синее небо въ раздумьѣ лобзаютъ.

* * *

Но время наступитъ, но часъ прозвучитъ,—
И воды изсякнутъ, и небо сгоритъ;
Глаголъ пронесется—онъ мертвыхъ пробудитъ:
Проснутся, возстанутъ—а міра не будетъ.

1832 г.

ПѢСНИ.

(ФАНТАЗІЯ ПОДЪ ВАЛЬСЪ БЕТХОВЕНА.)

Когда въ колыбели дитя я лежалъ,
Веселую пѣсню мнѣ духъ напѣвалъ;
За нею душа улетала далеко,
И пѣсня запала мнѣ въ душу глубоко.
—Отрадные звуки проснутся порой,
Веселые годы встаютъ предо мной—
И духъ напѣваетъ—гдѣ дѣнется горе?—
Про дальнее небо, про синее море...

* * *

Когда я безумной любовью пылалъ,
Дурную мнѣ пѣсню мой духъ напѣвалъ;
То звуки блаженства, то стоны печали
Далекіе—грудь молодую вздымали.
—Душа къ нимъ летѣла—казалося ей,
Что пѣсня звучала изъ милыхъ очей;
Но очи не блещутъ, любовь отлетѣла,
И звуки затихли, и грудь охладѣла.

* * *

Я въ жизни утратой утрату смѣнялъ—
Унылую пѣсню мнѣ духъ напѣвалъ;
И въ сумракѣ ночи на пѣсню печали
Знакомыя тѣни ко мнѣ прилетали.
—Напрасно теперь въ отдаленномъ краю
Веселыя старыя пѣсни пою:
Нѣтъ! жизнь обнажилась! Нѣтъ! бездна зіяетъ—
Ужасную пѣсню мнѣ духъ напѣваетъ.

1832 г.

НЕ СОЖАЛѢЙ!

Va, l'homme qui vit seul ne saurait être heureux!
La solitude encore rend nos maux plus affreux.
La mort d'Abel, acte 2.

Ты говоришь: «жалѣй, онъ губитъ
«Въ кругу невѣждъ свои мечты:
«Толпа прекраснаго не любитъ...
«Сѣкирой острой клеветы,
«Она безжалостно изрубитъ
«Его завѣтные цвѣты!»

—

Не сожалѣй, онъ жертва чести....
Но не дерзнетъ толпа невѣждъ
Врубить клеймо позорной мести
На лучшій цвѣтъ его надеждъ;

—

Не сокрушитъ она святыни,
Враждебной силой не дохнетъ;
И только ворономъ пустыни
Вдали добычу стережетъ.

Не сожалѣй, онъ гордо вянетъ,
Дождись, пока его не станетъ,
И погляди на мертвеца,
Когда презрѣніе проглянетъ
Въ чертахъ холоднаго лица....

Не сожалѣй—онъ не печаленъ!
Увы! Онъ только одинокъ....
Не разъ бывалъ, среди развалинъ,
Заброшенъ бурями цвѣтокъ!

1832 г.

МГНОВЕНІЕ.

Есть для души священныя мгновенья:
Тогда она чужда земныхъ заботъ,
Просвѣтлена лучемъ преображенья
И жизнію небесною живетъ.

Борьбы ужъ нѣтъ; стихаютъ сердца муки:
Въ немъ царствуютъ гармонія и миръ—
И стройно жизнь перелилася въ звуки,
И зиждется изъ звуковъ новый міръ.

И радужной блеститъ тотъ міръ одеждой,
Имъ блескъ небесъ, какъ-будто отраженъ;
Все дышетъ въ немъ любовью и надеждой,
Онъ вѣрою, какъ солнцемъ освѣщенъ.

И зримъ тогда незримый Царь творенья:
На всемъ лежитъ руки Его печать:
Душа свѣтла.... Въ минуту вдохновенья
Хотѣлъ бы я на Божій судъ предстать!

1832 г.

КЪ МѢСЯЦУ.

(ПОДРАЖАНІЕ ГЁТЕ.)

Снова блескъ твоихъ лучей
Землю осребрилъ;
Снова думамъ прежнихъ дней
Сердце онъ открылъ.

—

Ты глядишь печально въ даль
На мои поля:
Иль тебя, мой другъ, печаль
Трогаетъ моя?

—

Какъ отрадна для души
Память прежнихъ дней!
Я храню ее въ тиши —
Грусть и радость съ ней!

—

Мчися, быстрая вода!
Не разцвѣсть мнѣ вновь:
Такъ умчались навсегда
Вѣрность и любовь!

—

Я сокровищемъ владѣлъ —
Съ нимъ погибло все!
Сердце, рвись!— но твой удѣлъ —
Не забыть его.

—

Мчися, быстрая рѣка,
Мчися вдоль полей!
Душу мнѣ гнететъ тоска:
Пѣснѣ вторь моей:

—

Въ осень бурною волной
Бьешь-ли о брега,
Или раннею весной
Льешься чрезъ луга!

—

Счастливъ, кто среди степей
Съ другомъ сердца жилъ;
Кто безъ злобы на людей
Про людей забылъ.

—

То, что̀ чуждо ихъ душамъ,
Что̀ ихъ не манитъ,
Въ смутный часъ ночной мечтамъ
Смутно говоритъ.

1832 г.

БОЙ ЧАСОВЪ
НА СПАССКОЙ БАШНѢ.

—

Какъ часто, вечеромъ, часовъ услыша бой,
О Кремль! съ высотъ твоихъ священныхъ,—
Я трепещу средь помысловъ надменныхъ!
Невольнымъ ужасомъ, мольбой
Исполнена душа и, мнится, надо мной
Витаютъ тѣни незабвенныхъ!

—

Въ сихъ звукахъ жизнь, сей гулъ краснорѣчивъ!
Въ немъ слышится отцовъ завѣтъ великій;
Ихъ замогильный гласъ, ихъ неземные клики,
И прошлыхъ лѣтъ задумчивый отзывъ.

1832 г.

Я. М. НЕВѢРОВУ *).

—

Его зовутъ Январь,
Но смотритъ онъ веселымъ Маемъ,
За то мы пѣснь ему поемъ
И велегласно величаемъ.

—

*) Стихотвореніе это было поднесено авторомъ Я. М. Невѣрову, когда тотъ только-что кончилъ курсъ въ университетѣ и поступилъ на службу. Къ сожалѣнію, г. Невѣровъ, сообщившій мнѣ это стихотвореніе, не могъ припомнить его вполнѣ.

Ред.

Его плѣняете не вы,
Невы красавицы младыя,—
Онъ вѣренъ прелестямъ Москвы
И вамъ, студенты удалые.
. . . .
. . . .
Кто вѣренъ такъ друзьямъ, какъ онъ,
Хоть называется Невѣровъ.

1832 г.

ДВА МГНОВЕНІЯ.

Мнѣ знакомы два мгновенья
Полныхъ дивной красоты,
Два высокихъ наслажденья
Избалованной мечты!

—

Сильно первое мгновенье
Къ упоенію страстей:
Это солнца восхожденье,
Это блескъ его лучей.
Въ немъ порывъ души могучей
Тайны неба обнажитъ,
Какъ роскошный и кипучій,
Разметавъ покровы тучи,
Лучъ разсвѣтный заблеститъ!

—

Но второе наслажденье
И роскошнѣй и сильнѣй:
Это дѣвы пробужденье,
Это свѣтъ ся очей!
Тайны дѣвственной свѣтлицы
Мнѣ всю душу раскалятъ,
Какъ подымутся рѣсницы,
И какъ два огня зарницы
Прелесть—очи заблестятъ!

—

Мнѣ знакомы два мгновенья,
Полныхъ дивной красоты,
Два высокихъ наслажденья
Избалованной мечты!

1833 г.

ЖАВОРОНОКЪ.

Предтечъ весны, мой жаворонокъ,
Люблю тебя въ степной глуши:
Тамъ голосъ твой отрадно-звонокъ,
Какъ вѣсть спасенья для души!
Люблю тебя, когда гулливой
Ты быстро вьешься надо мной,
Иль вдругъ, по волѣ прихотливой,
Летишь падучею звѣздой!
И тамъ и здѣсь въ одно мгновенье,
То сынъ небесъ, то гость земной,
Свершаешь быстро путь стремленья
Своей таинственной стезёй!
То смолкнешь вдругъ, то вновь зальешься,
И вдохновенный, полный силъ,
Къ родному небу вновь несешься
На раменахъ священныхъ крылъ;
То въ зыбкихъ волнахъ эмпирея
Сребристой точкой тонешь ты,
И вновь земной, и вновь слабѣя,
Падешь на землю съ высоты!...

—

Но ты не даромъ тамъ носился
Звучитъ сильнѣе пѣснь твоя;
Въ ней духъ пророчества разлился,
И жадно внемлетъ ей земля.
Тобою пѣсни вдохновенья

Землѣ не даромъ снесены:
Въ нихъ тлѣютъ искры искупленья...
Онѣ—предвѣстницы весны!...

***

Иной весны предтечъ чудесный,
Поэтъ, съ восторженной душой,
Груститъ по родинѣ небесной,
Но жаль ему и край земной!
И надъ толпою безотвѣтной,
То на землѣ, то въ небесахъ,
Вездѣ съ надеждою завѣтной,
Звучитъ онъ пѣснію въ устахъ!
И тамъ и здѣсь отрадно блещетъ
Онъ свѣтлой мыслію своей,
И вдохновеньемъ гордо плещетъ
На души черствыя людей.
То смолкнетъ вдругъ, то встрепенется,
И жаждой творчества дыша,
Онъ къ свѣтлой родинѣ несется...
И весь восторгъ, и весь душа,
Тамъ тонетъ въ волнахъ вдохновенья...
Но въ немъ земныя есть мечты;
И, вновь земной, въ ея селенья
Падетъ онъ съ горней высоты!..

—

Но онъ не даромъ тамъ бываетъ,
Сильнѣе пѣснь его звучитъ,
Въ ней духъ пророчества витаетъ,
И искра творчества горитъ;
Въ ней думы дивныя поэта,
Землѣ не даромъ снесены:
Имъ не погибнуть безъ привѣта...
Онѣ предвѣстницы весны!..

1833 г.

НА МОГИЛѢ ЭМИЛІИ.

Привѣтъ могилѣ одинокой!
Печальный мохъ ее покрылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ смерти сонъ глубокой
Отъ насъ ея жилицу скрылъ.
Оконченъ рано подвигъ трудный,
Загадка жизни рѣшена!
Любовь почила безпробудно
И радость тлѣнью предана.
Какіе тайные законы
Тебя-бъ въ сей жизни ни вели;
Но участь горькую Миньоны
Ты испытала на земли.
Ты съ горемъ свыклась съ колыбели;
Тебя не видѣлъ отчій кровъ,
Звѣздой падучей пролетѣли
И жизнь, и младость, и любовь.
Но надъ печальною могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы,
Она терзаетъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты.
Пусть люди ждутъ судьбы со страхомъ,
И чѣмъ бы ни былъ сынъ земной,
Повсюдной жизнью, или прахомъ—
Благословеніе съ тобой!
Но если утро воскресенья
Придетъ на свѣтлыхъ облакахъ,
Возстань съ лучемъ преображенья
Въ твоихъ лазоревыхъ очахъ.
Лети, лети въ края отчизны,
Оковы тлѣнья разорви—
Будь съ нимъ одна въ единой жизни,
Въ единой зиждущей любви.

1833 г.

Я имъ былъ чуждъ, я въ нихъ отвѣта
Моей душѣ не находилъ,
Ихъ міръ былъ гробомъ для поэта
И для огня душевныхъ силъ!
А здѣсь три вѣрныя подруги
Меня не будутъ покидать,
И всѣ душевные недуги
Отрадно станутъ врачевать!

V.

Ты прелесть, дѣва темноокая,
Подруга первая моя,
Твоя душа, душа высокая,
Отрада неба для меня!
Твой поцѣлуй, какъ вѣсть спасенія,
Меня съ восторгомъ вновь сроднилъ,
И я не разъ въ самозабвеніе
Въ твоихъ объятьяхъ приходилъ!
Ты знаешь, дѣва, пѣснь чудесную
О дивныхъ радостяхъ любви,
Ты ею страсть зажгла небесную
Въ моей бунтующей крови.
Съ улыбкой тихой вдохновенія
Мечты высокія храня,
Ты—роскошь Божьяго творенія
Отъ искры Божьяго огня!—

VI.

Порой вакханкой обольстительной,
Ко мнѣ какъ духъ ты прилетишь,
Станъ обовьешь рукой плѣнительной
И вся трепещешь, вся горишь!
Къ устамъ прильнешь въ изнеможеніи
И мнѣ твердишь: «цѣлуй, цѣлуй!»
И льется въ душу упоеніе,
И длится страстный поцѣлуй!

А кудри, верхъ очарованія,
Упавъ къ пылающимъ устамъ,
Прервутъ неистовость лобзанія,
Разливъ волшебный ѳиміамъ!
И я въ объятія сладострастія
Тебя прижму не въ первый разъ,
И геній нѣги, геній счастія
Вновь осѣнитъ покровомъ насъ!

VII.

Порой-же, ангеломъ смиренія
Сидишь задумчива со мной,
И тихо въ горнія селенія
Паришь восторженной душой!
И вдругъ внезапно пробужденная,
Ко мнѣ ты взоръ свой обратишь,
И силой неба вдохновенная,
Мнѣ о безсмертьи говоришь!
Дрожитъ твой голосъ отъ волненія,
Но, какъ эдемскіе цвѣты,
Блестятъ лучами убѣжденія
Твои роскошныя мечты!
Такъ, прелесть дѣва темноокая,
Подруга первая моя,
Твоя душа, душа высокая,
Отрада неба для меня!..

VIII.

Природа, съ своей красотой безпредѣльной,
Сроднилася также не меньше со мной:
Безъ правилъ искусства, здѣсь всё неподдѣльной,
Здѣсь всё самобытною дышетъ красой!
Рука человѣка, рука разрушенья
Ее не настигла въ пустынной глуши,
И чистымъ осталось здѣсь Божье творенье:
Природа, вторая подруга души!

О сколько высокихъ ты думъ порождаешь!
Но рѣдкій разгадку тѣмъ думамъ нашелъ,
Не многихъ ты въ тайны свои посвящаешь,
Какъ многимъ не внятенъ твой мощный глаголъ!
Меня-жъ избрала ты, подруга святая,
Открывъ предо мною свой дивный тайникъ,
Въ него, какъ въ блаженства безбрежныя рая,
Душой я безсмертной глубоко проникъ!

IX.

Не ты-ль и безсмертья мнѣ служишь залогомъ,
Гармоніи вѣчный источникъ храня,
Таинственной цѣпью, съ таинственнымъ Богомъ,
Не ты-ли связуешь такъ тѣсно меня?
Сынъ праха, но весь обновленный тобою,
Я чувствую силы, чтобъ небо обнять,
Чтобъ сбросить оковы и съ общей душою
Единой безвременной жизнью дышать!
Въ минуты печали, въ минуты сомнѣнья,
Природа,— какъ сладко съ тобой отдохнуть!
Здѣсь каждая дума огнемъ вдохновенья
Вздымаетъ высоко-кипучую грудь.
Здѣсь бури и громы, и волны сѣдыя,
И звѣзды и мѣсяцъ въ густыхъ облакахъ,
Поютъ о безсмертьи мнѣ пѣсни родныя,
Баюкая душу въ надзвѣздныхъ мечтахъ!—

X.

И для тебя, поэтъ унылый,
Туманной Англіи поэтъ,
Она была подругой милой,
Ты въ ней нашелъ душѣ отвѣтъ!
Какъ ты постигъ красы природы,
Съ какимъ восторгомъ ты любилъ!
Ея незыблемые своды
Не разъ ты пѣснью огласилъ!

И, весь любовь и весь стремленье,
Ты общей жизни съ ней желалъ,
И гордой воли упоенье
Въ полетахъ дерзкихъ обрѣталъ!
За мѣсто ссылки, очищенья,
Считалъ ты дольній кругъ людей,
И весь горѣлъ отъ нетерпѣнья
Съ крылъ сбросить хладный грузъ цѣпей!

***

Но—миръ съ собратомъ, миръ съ тобой!
Поэтъ, свершились упованья,
И ты теперь своей душой
Слился съ душою мірозданья!!..

XI.

Поэзія, источникъ упоенья,
Какъ сильно ты волнуешь грудь мою,
Какъ часто я, въ нѣмомъ благоговѣньи,
Отъ струй твоихъ блаженство неба пью!
О! я тобой не даромъ очарованъ,
Мнѣ вѣрная подруга третья ты!
Къ тебѣ душой не даромъ я прикованъ,
Ты родила въ ней лучшія мечты!
Восторженный, тебя благословляю,
Поэзія, отрада грустныхъ дней,
Свободный я съ тобою тамъ бываю,
Гдѣ не бывалъ и взоръ земныхъ дѣтей!
Чудесная, надъ хладною толпою,
Какъ высоко меня ты вознесла,
И въ знакъ любви, съ улыбкой неземною,
Мнѣ лучшій даръ, даръ творчества дала!

XII.

О, нерѣдко, вдохновенный,
Я тебя благодарилъ
За залогъ любви священный,

За избытокъ дивныхъ силъ!—
Я творилъ, и всё смирялось
Предъ могучею душой,
И въ гармоніи являлась
Мысль, одѣтая тобой!—
Я парилъ, и волны свѣта
Ниспадали съ высоты
Силой дружнаго привѣта
Освѣжить мои мечты!—
Я рукою дерзновенной
Тайны неба обнажилъ,
И, какъ часто, вдохновенный
Я тебя благодарилъ,
За залогъ любви священный
За избытокъ дивныхъ силъ!—

XIII.

Шиллеръ, Шиллеръ необъятный,
Ты давно повѣдалъ мнѣ
Объ отчизнѣ благодатной,
Объ родимой сторонѣ!
Ты вѣщалъ, что для поэта
Съ вдохновеньемъ на челѣ,
Нѣтъ роднаго здѣсь привѣта,
Что онъ странникъ на землѣ;
Что предъ нимъ земнаго края
Блескъ обманчивый исчезъ,
И объятья разверзая,
Въ небѣ ждетъ его Зевесъ!
Я поэтъ; къ чему-жъ страданья?
Есть отчизна, есть отецъ:
Тамъ меня въ лучахъ сіянья
Ждетъ обѣщанный вѣнецъ!—

XIV.

Три неизмѣнныя, волшебныя подруги,
Надолго среди васъ я жизнь похоронилъ,

И, утоливъ души болѣзненной недуги,
Какъ много съ вашихъ устъ блаженства я испилъ!
Но, ахъ! одна изъ ранъ во глубь души запала:
То—къ человѣчеству безсильная любовь....
Её вся ваша власть напрасно заглушала:
Нѣтъ, часто свѣжая изъ раны каплетъ кровь!
. . . .

Вдалекѣ слышны звуки арфы и голосъ дѣвы. Юноша жадно внимаетъ.

XV.

РОМАНСЪ.

Міръ эгоизма, міръ страданья
Покинь безъ горести, поэтъ!
Свое высокое призванье
Тебѣ свершить преграды нѣтъ!
    Но въ безлюдной тиши,
    Для восторговъ души,
    Міръ просторнѣй, яснѣй.
    Отчужденныхъ людей
    Изъ него ты скорѣй,
    Силой воли своей,
    Оживишь, какъ ручей
    Даль безплодныхъ полей!
    Ты, какъ фокусъ лучей,
    Пылъ высокихъ страстей
    Здѣсь въ тиши соберешь;
    Ты какъ геній вспорхнешь,
    Прозвучишь, пропоешь
    Пѣснь взаимной любви,
    И въ холодной крови
    Огнь священный зажжешь!
Міръ эгоизма, міръ страданья,
Покинь-же пламенный поэтъ!
Повѣрь: высокаго призванья
Тебѣ свершить преграды нѣтъ!

Голосъ умолкаетъ. Юноша, послѣ нѣкотораго молчанія:

XVI.

Дѣва, въ звукахъ обольстительныхъ
Приговоръ ты изрекла!
Да! не тамъ міръ силъ зиждительныхъ,
Гдѣ стѣсненъ размахъ крила.
Тамъ людскія заблужденія
Тяготѣли надо мной,
Съ странъ надзвѣзднаго селенія
Повергая въ край земной.
Я страдалъ, и вдохновеніе
Разлучалось тамъ съ душой:
Здѣсь подруги благодатныя,
Здѣсь мнѣ легче облачить
Душу въ силы необъятныя,
Чтобъ великое свершить!

Солнце, предшествуемое туманами, начинаетъ всходить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДУОДРАМА.

Прибѣгаетъ дѣва.

ДѢВА.

Ты здѣсь одинъ, мой другъ, столь раннею порою,
И на челѣ твоемъ лежитъ избытокъ думъ...
Прочь, прочь, я ихъ сгоню горячимъ поцѣлуемъ!

Пламенно цѣлуетъ юношу.

ЮНОША.

О нѣтъ, я не одинъ; смотри, какъ хороша
Природа въ свѣтлую минуту пробужденья,
И какъ она душѣ роскошно говоритъ!

Нѣтъ, нѣтъ, я не одинъ, вокругъ меня порхаетъ
Рой фантастическій святыхъ, высокихъ думъ
И душу въ горнію отчизну увлекаетъ!

Указывая на чело:

Да, грозная одна лежала дума здѣсь...
Но пѣснью ты своей ее преобразила
Въ мечтанье свѣтлое восторженной души!..

ДѢВА *(ласкаясь).*

О, эту пѣснь, мой другъ, я про тебя сложила:
Не правда-ль, счастливъ ты, согласенъ ты со мной,
Не правда-ль, больше здѣсь и силъ и вдохновенья?
Забудь-же міръ, людей, и улыбнися мнѣ!

ЮНОША *(едва внимая дѣвѣ, указываетъ на востокъ).*

Смотри, съ туманами какъ борется тамъ солнце,
И, какъ тамъ грозныя тѣснятся облака!
Вотъ, вотъ они свились могильной пеленою
Чтобъ первые лучи востока затушить!
Но нѣтъ! напрасный трудъ, ужъ часъ насталъ разсвѣта,
И солнце распахнетъ торжественно врата,
И море выплеснувъ отраднаго сіянья,
Прогонитъ сумрака испуганную тѣнь!
Еще одно, одно послѣднее усилье—
И въ бездну грянетъ ночь и водворится день!!..

Въ порывѣ восторга приподымая дѣву:

Смотри, смотри: плыветъ роскошное свѣтило,
Туманъ упалъ, и нѣтъ обманчивыхъ преградъ,
И разбѣгаются, какъ сонмы привидѣній,
Предъ нимъ безсильныя, блѣднѣя, облака!

Послѣ нѣкотораго молчанія:

Да, счастливъ я! съ тобой какъ много наслажденья
Взирать на дивную картину пробужденья!..
Но для чего-жъ слеза въ очахъ твоихъ блеститъ?..

ДѢВА.

Оставь её, оставь мою слезу святую,
Восторга чистаго она живая дань!
Не извлекай меня изъ міра наслажденья,
О, продолжай, забудь меня на этотъ часъ...
Я такъ люблю твои порывы вдохновенья!—

ЮНОША.

Благодарю тебя, мой другъ, ты поняла
Вполнѣ высокій смыслъ божественной картины;
Благодарю тебя, вся глубь твоей души,
Въ одной, одной слезѣ, какъ солнце отразилась!

Послѣ нѣкотораго молчанія:

Смотри, на поцѣлуй пылающихъ лучей
Какъ улыбается торжественно природа,
Какъ всё привѣта пѣснь желанному поётъ!
Вотъ древо, и оно отраднѣй зашумѣло
И плачетъ съ радости жемчужною росой!!
. . . .
. . . .
О, сколько пищи здѣсь для пѣсни прорицанья,
Какъ силенъ я теперь, какъ много думъ кипитъ
Въ душѣ взволнованной приливомъ вдохновенья;
Какъ проницателенъ души орлиный взоръ;
Огнемъ его я сжегъ могильную завѣсу
И мракъ невѣдомый теперь доступенъ мнѣ,
На самомъ днѣ его я будущность провидѣлъ,
И я готовъ её вполнѣ пересказать!—
Внимайте мнѣ теперь, пророку обновленья,
Вѣсть благодатную глаголъ мой прозвучитъ,
Скорѣй стекайтеся на вѣче вдохновенья,
Пока во мнѣ огонь всевѣденья горитъ...
Внимайте . . . .

Вдругъ останавливается, смотритъ вокругъ себя и говоритъ тихо, послѣ нѣкотораго молчанія:

Горе мнѣ, напрасны всѣ призванья,
Я увлеченъ судьбой далеко отъ людей:
Кто будетъ здѣсь внимать глаголу прорицанья?
Въ комъ воскреситъ онъ здѣсь потухшій огнь страстей?
Не вамъ-ли мнѣ вѣщать безчувственныя волны,
Утесы хладные, таинственный гранитъ?
Нѣтъ, вы пророчеству останетесь безмолвны,
И въ васъ другую жизнь оно не возбудитъ!
Здѣсь думы свѣтлыя напрасно разцвѣтаютъ:
Онѣ къ стремленію людей не призовутъ,
И только лишь въ душѣ кипятъ, перекипаютъ,
И ѣдкой горечью на днѣ ея ростутъ!
Нѣтъ, нужно мнѣ людей: я примирился съ ними,
Ихъ души я хочу пророчествомъ согрѣть,
Хоть на мгновеніе назвать ихъ вновь родными,
И безъ возмездія, съ усилья умереть!!—

ДѢВА.

Ты позабылъ меня,—меня, твою подругу
Въ часъ дивной радости и въ часъ нѣмой тоски;
Ты позабылъ меня, забылъ любовь святую,
Гдѣ вся душа моя съ твоей душой слилась!
Я всюду за тобой, какъ демонъ искушенья!
Я отыщу тебя въ аду и въ небесахъ,
И снова привлеку въ объятья наслажденья
Съ любовью на душѣ, съ любовью на устахъ!

ЮНОША.

Я не забылъ тебя, мой демонъ искушенья,
Мой ангелъ радости, мой адъ и рай души;
Сильна къ тебѣ любовь, но есть любовь иная,
Ты, дѣва слабая, не вѣдаешь ея!
Да, слишкомъ широки души моей объятья:
Всё человѣчество я долженъ въ нихъ принять,
Чтобъ утолить вполнѣ потребность наслажденья,
Потребность пламенной, возвышенной любви.

Одна твоя любовь не укротитъ стремленья,
Она божественна, я знаю цѣну ей;
Но надъ главой моей пусть прогремятъ проклятья,
Когда забуду я отчизну и людей,
Васъ, дѣти падшія, но мнѣ родные братья!

ДѢВА.

Ты грустенъ, бѣдный другъ, я знаю талисманъ.
То пѣснь любви моей и Шиллеръ вдохновенный...
Они вдвоемъ въ тебѣ всю душу обновятъ,
Ты снова будешь мой... Послушай пѣснь мою!

Поётъ:

РОМАНСЪ.

Если жажда наслажденій
Разцвѣтетъ въ душѣ твоей,
Не жалѣй земныхъ селеній,
Брось отчизну и людей!
Что тебѣ до ихъ паденья?
Пусть въ ихъ жилахъ стынетъ кровь!
Ты сынъ неба, вдохновенья,
Всѣ души твоей стремленья
Пересозданы въ любовь!

* * *

Но въ священную обитель
Не на мигъ ты приходилъ,
Не напрасно неба житель
Насъ душою обручилъ.
Здѣсь твои земные братья
Не похитятъ тебя вновь;
Нѣтъ, на нихъ падутъ проклятья,
Ты-жъ падешь въ мои объятья,
И сольемся мы въ любовь.

* * *

ЮНОША (*прерывая дѣву*).

Умолкни! пѣснь твоя звучитъ о преступленьи;
Она, какъ лезвіе кинжала, холодна,
Я не хочу душой предаться искушенью
И всѣ мечты мои во мглѣ похоронить...

Дѣва приближается къ юношѣ и беретъ его за руку.

Не улыбайся мнѣ улыбкой сладострастья,
Я не могу тебѣ улыбкой отвѣчать...
Нѣтъ, нѣтъ инымъ богамъ мы молимся съ тобою:
Твой жертвы требуетъ, мой жертвовать велитъ!..

ДѢВА.

Я принесу тебѣ любимаго поэта,
Быть можетъ онъ въ тебѣ тоску искоренитъ!

Убѣгаетъ.

ЮНОША (*одинъ, послѣ нѣкотораго молчанія*).

Ты сорвала густое покрывало;
Да, права ты: я обновленъ душой,
И истины священное зерцало
Таинственно возстало предо мной!
Я въ немъ прочелъ съ какимъ-то содроганьемъ
Моей судьбы торжественный укоръ:
«Разстанься ты съ возлюбленнымъ созданьемъ
«И вновь будь тамъ, гдѣ слава и позоръ!
«Ты-ль смѣлъ бросать свой камень обвиненья
«И упрекать въ паденіи людей;
«Ты эгоистъ, въ объятьяхъ наслажденья,
«Ты жалкій рабъ неистовыхъ страстей!» —
Безумецъ я, внезапно пробужденный

Теперь вполнѣ, но поздно сознаю,
Какъ оторвалъ рукой окровавленной
Отъ сердца я родимую семью!
Чѣмъ выше я моихъ смиренныхъ братій?
Въ нихъ вѣры нѣтъ, въ нихъ нѣтъ избытка силъ...
Гдѣ создался весь міръ моихъ понятій,
Но, эгоистъ, я все похоронилъ,
Какъ жадный духъ, въ моемъ уединеньи,
Все затушилъ въ взволнованной крови...
О, сила—прахъ безъ воли исполненья,
О, вѣра—тьма безъ силы и любви!!..
Возстану я изъ праха униженья,
И снова гордъ, и снова чистъ, какъ богъ,
Отдамся имъ какъ жертва очищенья,
Спасенія торжественный залогъ!—
Не уносилъ никто свою идею
Въ холодный гробъ, не передавъ ее...
Я вѣрую и жаждой пламенѣю
Осуществить мечтаніе мое!
Безплодное лишь древо погибаетъ,
Не принеся землѣ родимой дань;
Оно одно безъ жизни отживаетъ,
Не перейдя поставленную грань.
Но гдѣ есть плодъ, то древо горделиво
Снесетъ вихрь бурь и топора ударъ;
Оно въ борьбѣ разноситъ торопливо
Своихъ сѣмянъ землѣ священный даръ.
Чѣмъ вихрь сильнѣй, тѣмъ больше расширяетъ
Оно свой кругъ. Падетъ... и сѣмена
Вдаль отъ себя торжественно бросаетъ...
И вотъ придетъ ихъ убирать весна,
Согрѣетъ ихъ, какъ мать, своимъ дыханьемъ...
И новыя возстанутъ племена,
И нѣтъ конца божественнымъ созданьямъ,
Въ нихъ новыя созрѣютъ сѣмена!

Вдалекѣ показывается дѣва.

Но ты, моя божественная дѣва,
Своей душой разлуки не снесешь;
Родная вѣтвь возвышеннаго древа,
Ты мной жила, со мною и падешь!
Нѣтъ, нѣтъ!...

Погружается въ глубокую задумчивость. Дѣва подаетъ ему книгу Шиллера.

ДѢВА.

Прочти, хотя одно творенье
Пѣвца души, свободы и любви:
Онъ пробудитъ тебя изъ усыпленья,
Онъ воскреситъ потухшій огнь крови!

Юноша въ разсѣяніи бросаетъ взоры на развернувшуюся предъ нимъ книгу и читаетъ съ возрастающимъ вниманіемъ:

—«Gieb mir das Weib, so theuer deinem Herzen,
«Gieb deine Laura mir!
«Jenseits der Gräber wuchern deine Schmerzen!» —
Ich riss sie blutend aus dem wundem Herzen,
Und weinte laut, und gab sie ihr! *)

ЮНОША *(подбѣгая къ дѣвѣ):*

Послѣднее свершилось искушенье,
Послѣднюю ты нить оборвала:
Пріемлю я судьбы опредѣленье,
Свой приговоръ сама ты принесла!
Я вѣрую, за гробомъ жизнь иная
Готова насъ въ объятія принять,—
Жизнь общая, безвременно святая,

*) «Отдай мнѣ женщину, столь дорогую твоему сердцу, отдай мнѣ твою Лауру; за гробомъ вознаграждены будутъ твои горести!» — Я оторвалъ ее окровавленную отъ моего растерзаннаго сердца, зарыдалъ громко, и отдалъ!—Schiller, Resignation.

Гдѣ свѣтлые мы будемъ созерцать
И мысль Творца, и жизнь родной природы,
Гдѣ умертвимъ свое земное я,
И, полные небесныя свободы,
Проникнемъ вдругъ всѣ тайны бытія!
Но не хочу напрасныхъ воздаяній,
И страшенъ мнѣ ничтожества конецъ,
Пока изъ мглы и скорбей и страданій
Не вырву я безсмертія вѣнецъ!
Нѣтъ, снова въ путь! мое уединенье
Не хладный гробъ мечтѣ моей родной,
Оно души больной успокоенье
И новыхъ силъ источникъ не земной!
Я адъ пройду, за нимъ достигну рая
И обрѣту обѣщанный вѣнецъ...
О, памятна мнѣ мысль твоя святая,
Мой дивный Дантъ, мой пламенный пѣвецъ,
Пѣвецъ небесъ, чистилища и ада,
И ты едва въ сомнѣнье не пришелъ,
Ты гордыхъ думъ возлюбленное чадо!
Но спасъ тебя Виргилія глаголъ:
«Кто не свершитъ начатое стремленье,
«Тому позоръ!» вѣщалъ твой проводникъ,
Когда безъ силъ и весь въ изнеможеньи,
Чтобъ отдохнуть средь ада ты приникъ.
И вспрянулъ ты, внезапно обновленный,
И закричалъ: «Я силенъ, бодръ и смѣлъ!»
И, волею поэта окриленный,
Ты адскіе вертепы пролетѣлъ!
О Дантъ, и я, какъ ты, безъ содроганья
Пройду весь адъ, всѣ степени круговъ,
И насмотрюсь, по силѣ душъ страданья,
На силу ихъ пожизненныхъ грѣховъ!
И я, какъ ты, изъ тьмы отдохновенья
Виргилія глаголомъ извлеченъ,
Мой гордый духъ вспорхнулъ отъ убѣжденья

И далеко уже летаетъ онъ!
Ужъ передъ нимъ, заманчиво блистая,
Готовы тамъ развернуться врата
Роскошнаго, таинственнаго рая:
Меня зоветъ горячая мечта—
Туда, туда, гдѣ море вдохновенья,
Гдѣ воли нѣтъ предѣла и конца,
И гдѣ душа въ избыткѣ наслажденья
Потонетъ вся въ объятіяхъ Творца!
Пора! иду я въ путь труда и славы,
Ты, дѣва другъ, прости любви моей,
И ты чертогъ природы величавый,
Прости и ты, я снова братъ людей!
Я совершу свое предназначенье,
Я все отдамъ: подругу, славу, честь,
Я принесу себя во всесожженье!
О! тяжекъ крестъ, но должно его несть!!!

Пламенно цѣлуетъ удивленную дѣву, потомъ отталкиваетъ ее и убѣгаетъ.

Солнце совершенно взошло и въ полномъ величіи озаряетъ роскошную природу и безчувственную дѣву.

1833 г.

НА МОГИЛУ СЕЛЬСКОЙ ДѢВИЦЫ.

Мирно спи, Господь съ тобою!
Кратокъ, горекъ былъ твой путь;
Ты брела по немъ съ тоскою,
Ты спѣшила отдохнуть.

—

Жизнью ты не веселилась:
Горе—жизнь твоя была!
Не на счастье ты родилась,
Не на радость разцвѣла!

—

Полно въ мірѣ неутѣшномъ
Бѣдной дѣвѣ горевать;
Знать, не въ нашемъ свѣтѣ грѣшномъ
Тѣмъ цвѣточкамъ разцвѣтать.

—

Счастья здѣсь они не знаютъ,
Ихъ не радуетъ земля;
Нужны Богу; засѣваютъ
Ими райскія поля.

1833 г.

СЛАБОСТЬ.

Въ борьбѣ напрасной сохнетъ грудь,
Влачится юность безъ отрады;
Скажи, судьба, куда мой путь?
Какой и гдѣ мнѣ ждать награды?

—

Безпечный, дикій, полный силъ,
Изъ урны я свой жребій вынулъ,
И тяжкій путь благословилъ,
И весело людей покинулъ.

—

Я зналъ: не радость мой удѣлъ—
По ней душа не тосковала,
Высокой жаждой духъ горѣлъ,
Надежды неба грудь питала. . .

—

Давно, давно я на пути;
Но тщетно цѣли ищутъ взгляды—
Судьба! что̀ мнѣ твои награды?
Былую вѣру возврати!

1833 г.

ЗАВѢТНОЕ.

Въ моей душѣ живутъ прекрасныя видѣнья,
И звуки чудные звучатъ;
Но никогда творящія мгновенья
Ихъ для людей не воплотятъ.
Мои друзья—они сжились со мною,
Со мною въ тихій гробъ сойдутъ;
Но никогда предателя рукою
Я ихъ толпѣ не выставлю на судъ.
Понять ли ей, какъ тѣ мечтанья святы?
Какъ сердце юное живятъ,
И щедро платятъ за утраты
И съ небесами жизнь дружатъ?
Благодарю! Ты мнѣ ихъ далъ, спаситель!
Мнѣ съ ними чуждъ другихъ людей кумиръ:
Они мнѣ жизнь, любовь; но сердце—*ихъ* обитель:
Имъ безотвѣтною пустыней былъ бы міръ.

1833 г.

ПОДВИГЪ ЖИЗНИ.

Когда любовь и жажда знаній
Еще горятъ въ душѣ твоей,
Бѣги отъ суетныхъ желаній,
Отъ убивающихъ людей.

Себѣ всегда предъ всѣми вѣренъ,
Иди, люби и не страшись!
Пускай твой путь земной примѣренъ—
Съ *непогибающимъ* дружись!

—

Пускай гоненье свѣта взыдетъ
Звѣздой злосчастья надъ тобой,
И міръ тебя возненавидитъ:
Отринь, попри его стопой!

—

Онъ для тебя погибнетъ дольный;
Но спасена душа твоя!
Ты притечешь самодовольный
Къ предѣламъ страшнымъ бытія.

—

Тогда свершится подвигъ трудный:
Перешагнешь предѣлъ земной—
И станешь жизнію повсюдной—
И все наполнится тобой.

1833 г.

ТАЙНА ПРОРОКА.

Возьмите, возьмите предвѣдѣнья даръ,
И дивную тайну возьмите,
Смирите души утомительный жаръ,
Волненье души утолите!
Ахъ! дайте мнѣ каплю забвенья одну,
Чтобъ могъ я предаться отрадному сну.

* * *

Я слышалъ, я знаю,—зачѣмъ не забылъ?
Мои сокрушаются силы!
Въ грядущемъ отважно я мыслью парилъ,
Я тайну исторгъ изъ могилы!

Я тайну похитилъ—вѣнокъ въ глубинѣ—
И радость съ тѣхъ поръ недоступна ко мнѣ.

***

Сказать-ли?... Но міръ такъ спокоенъ и тихъ,
И небо такъ чисто и ясно,
И солнце стремится, какъ юный женихъ,
Въ объятья природы прекрасной,
И люди привыкли такъ весело жить,—
Зачѣмъ же мнѣ тайной въ нихъ радость губить?

***

Погибни-жъ, зловѣщая, въ мракѣ души!
Ахъ, дайте мнѣ прежніе годы,
Когда я, стадъ пастырь, въ безвѣстной тиши
Свѣтилъ созерцалъ хороводы,
И, тайный свидѣтель высокихъ чудесъ,
Былъ свѣтелъ душою, какъ звѣзды небесъ.

1833 г.

ДВѢ ЖИЗНИ.

(Я. М. НЕВѢРОВУ.)

Was ist das Leben ohne Liebesglanz?
Schiller.

Печально идутъ дни мои,
Душа свой подвигъ совершила:
Она любила—и въ любви
Небесный пламень истощила.

—

Я два созданья въ мірѣ зналъ,
Мнѣ въ двухъ созданьяхъ міръ явился:

Одно я пламенно лобзалъ,
Другому пламенно молился.

—

Двѣ дѣвы чтитъ душа моя,
По нимъ тоскуетъ грудь младая:
Одна роскошна, какъ земля,
Какъ небеса свята другая.

—

И мнѣ-ль любить, какъ я любилъ?
Я-ль память счастія разрушу?
Мой другъ! двѣ жизни я отжилъ,
И затворилъ для міра душу.

1834 г.

ТРАГЕДІЯ.

(1830 г.)

Примѣчаніе. Три отрывка изъ этой трагедіи (именно: дѣйств. 3, явл. 2 и 3-е; дѣйств. 4-е, явл. 2, 3 и 7-е) были, до выхода ея отдѣльнымъ изданіемъ, напечатаны въ журналѣ «Бабочка» за 1830 г. въ №№ 21, 22 и 47. Отступленія, встрѣчающіяся въ этихъ отрывкахъ, отъ текста отдѣльнаго изданія, приводятся въ выноскахъ, какъ первоначальная редакція. Поправки, данныя въ опечаткахъ отдѣльнаго изданія—оговорены. *Ред.*

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. НИКОЛАЯ СТАНКЕВИЧА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1830 г.

Его Превосходительству

Господину

Тайному Совѣтнику

Сенатору

Предсѣдателю Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и орденовъ Св. Анны 1-й степени, Св. Георгія 3-го класса, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 3-й степени, Прусскаго военнаго: за заслуги и Св. Маврикія и Лазаря

Кавалеру

Александру Александровичу

ПИСАРЕВУ

съ глубочайшимъ почтеніемъ
посвящаетъ сочинитель.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Осмѣливаясь поднести Вамъ первый мой опытъ на поприщѣ Словесности, слѣдую чувствамъ глубокаго къ особѣ Вашей уваженія, какъ Предсѣдателю знаменитаго Европейскаго Общества и какъ Покровителю Отечественной Литтературы.—Снизхожденіе Вашего Превосходительства къ моему слабому труду поощритъ меня къ дальнѣйшимъ занятіямъ на поприщѣ прекрасномъ и близкомъ сердцу каждаго истинно-Русскаго.

Примите благосклонно сей несовершенный трудъ мой, какъ слабый знакъ того душевнаго къ Вамъ уваженія, которымъ совершенно проникнутъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Николай Станкевичъ.

ВАСИЛІЙ
ШУЙСКІЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Василій, Царь Россійскій.

Марія, жена его.

Димитрій Шуйскій, братъ Царя.

Екатерина, жена его.

Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, племянникъ Царя, предводитель войска Россійскаго.

Іаковъ Делагарди, союзный Шведскій полководецъ.

Анна***, приближенная Маріи.

Ольга, невѣста Михаила.

Мать ея.

Князь Воротынскій.
Князь Засѣкинъ.
Захарій Ляпуновъ.
} Начальники заговора.

Бояре и народъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I-е.

(Театръ представляетъ тронную Василія. Вдали слышна музыка. Царь, окруженный рындами и боярами, встрѣчаетъ Михаила и Делагарди).

МИХАИЛЪ.

Великій Царь! Защитникъ правоты
Невидимый, отъ бѣдствій насъ избавилъ;
Онъ хищниковъ достойно покаралъ —
И царство вѣрныхъ защитилъ, прославилъ.
Твой царственный, блистающій вѣнецъ
Одѣлся новыми лучами славы:
Разбитый врагъ бѣжитъ въ свои вертепы,
Влача съ собой проклятье и позоръ!
И миръ, желанный миръ, крылами неба
Пріосѣнилъ священный твой престолъ,
И Русскіе, опять друзья и братья,
Согласныя къ Творцу несутъ мольбы
И съ благодарностью падутъ предъ алтарями.
Веселіе, покой и тишина
Вездѣ,—какъ-будто всѣ переродились!
Побѣда, миръ—и лавры и оливы,
Великій Царь, падутъ къ твоимъ стопамъ.
Хвала Творцу — пусть блещутъ свѣчи въ храмѣ,
Гремитъ хвалебный ликъ, курится ѳиміамъ.

ВАСИЛІЙ.

Въ объятія родныя, юный вождь,
Достойный сынъ державныя отчизны!
Ты не жалѣлъ для ней, ни юности, ни жизни, —
Ты кровію позоръ ея омылъ
И раны ранами своими залѣчилъ;
Мятежниковъ отвергнулъ предложенья,
Злодѣйствомъ купленный презрѣлъ вѣнецъ,
Отчизнѣ миръ принесъ и избавленье —
И положилъ всѣмъ проискамъ конецъ.

МИХАИЛЪ.

Ему, Ему — единому хвала!
Разрушилъ Онъ иноплеменныхъ ковы;
Священная столица наша снова
Побѣдами и славой процвѣла,
Главу свою подъемля надъ врагами.
Сограждане! во прахъ предъ алтарями!
Отчизны гласомъ всей благодаря
Творца, союзниковъ и нашего Царя.

ВАСИЛІЙ.

Благодарю, союзникъ знаменитый,
Услуги ваши вѣчно не забуду:
И братскій миръ — межъ Шведами и Русью
Да царствуетъ и нынѣ и во вѣки!

ДЕЛАГАРДИ.

Державный Властелинъ!... горжусь, что былъ
Сподвижникомъ на полѣ бранной чести
Безстрашныхъ, доблестныхъ твоихъ героевъ;
Я видѣлъ самъ, какъ этотъ юный вождь,
Съ мечемъ въ рукахъ, съ надеждою на Бога,
Прошелъ сквозь тысячи смертей; онъ былъ

Всѣмъ воинамъ ихъ Геній: при воззрѣньи,
При словѣ лишь его — одушевлялись
И Русскіе и Шведскіе полки.

МИХАИЛЪ.

Оставь, мой другъ!... твои хвалы напрасны!
Насъ въ правомъ дѣлѣ Богъ благословилъ:
Союзники связались межъ собою
Тѣснѣйшею и неразрывной дружбой;
Не Русскіе, не Шведы были то,
Но рать одна безстрашныхъ, благородныхъ,
Одинъ народъ, несущій на мечахъ
Правдивое, священное отмщенье,
Сынамъ нечестія грозы небесной страхъ
И хищникамъ крамольнымъ истребленье!

ВАСИЛІЙ.

Вожди — примѣръ блистательныхъ вождей,
Герои — образецъ героевъ,
Союзники — примѣръ державнымъ братьямъ!
Благодарю!... отчизна спасена —
Отчизна спасена!... пусть эти слезы,
Которыхъ я давно не проливалъ,
Пусть эти радостныя слезы будутъ
Священной данію героямъ.

(Къ боярину).

Ознаменуемъ этотъ день счастливый
Всеобщей радостью, весельемъ!
Народу выставить велите вина
И брашна; Царь съ своимъ народомъ доблимъ
Спасеніе отчизны торжествуетъ!

(Михаилу).

Ко мнѣ, мой вождь, ко мнѣ на дружній пиръ;

(Къ прочимъ).

Ко мнѣ, союзникъ, вѣрные бояра!
Сегодня Русскій, общій, славный праздникъ —
Да здравствуютъ поборники спасенья!

(Уходятъ, кромѣ Шуйскаго и Ляпунова).

Явленіе II-е.

ДИМИТРІЙ ШУЙСКІЙ и ЛЯПУНОВЪ.

ДИМИТРІЙ *(по нѣкоторомъ молчаніи).*

Что думаешь объ этомъ, Ляпуновъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Что дорого спасеніе отчизны,
Особенно для насъ! —

ДИМИТРІЙ.

По истинѣ,
Оно намъ дорого; быть можетъ тронъ,
Быть можетъ, о!... ужасно и подумать!

ЛЯПУНОВЪ.

Такъ; правъ ты, Князь: народъ нашъ безпредѣленъ
Въ любви и вѣрности, какъ и въ отмщеньи!
Кто бъ не замѣтилъ*, какъ смотрѣлъ онъ
На юнаго спасителя отчизны,
Какъ онъ его привѣтствовалъ — и слезы
Обильныя струилися; тѣ слезы —
Напитокъ ядовитый намъ: — въ вождѣ
Народъ нашъ видитъ цвѣтъ его любезный,

---

* Первоначальная редакція:
Замѣтили вы вѣрно,
Поправка дана въ опечаткахъ отдѣльнаго изданія. *Ред.*

Надѣется, что принесетъ сей цвѣтъ,
Со временемъ, прекрасные плоды; —
Онъ видитъ въ немъ владѣтеля короны,
Отцомъ отечества его назвали,
Когда онъ самъ отчизны сынъ — не болѣ!

ДИМИТРІЙ.

Такъ, Ляпуновъ, по чести онъ опасенъ:
Ты согласишься самъ *(осматриваясь)*, мои права:
Родство съ Царемъ, сребристыя сѣдины;
Но это лишь права одни, не средства.
А Михаилъ — народомъ такъ любимъ,
Прекрасенъ, молодъ — и едва изъ дѣтства
Ужѐ прославился, не побѣдимъ,
И старые вожди за честь считаютъ
Быть другомъ съ нимъ, его совѣтъ,
Какъ правило на брани уважаютъ —
А скромность, а прекрасная душа
Народныя сердца къ нему влекутъ:
Вошелъ — струятся радостныя слезы,
На встрѣчу хлѣбъ и соль ему несутъ,

(съ досадою)

А мнѣ, я думаю, всѣ рады несть — желѣзы....

ЛЯПУНОВЪ.

Зачѣмъ себя тревожить такъ* напрасно?
За что тебя народу ненавидѣть?**
То... правда, имя Шуйскаго... оно
Народу непріятно: суевѣрье
Находитъ, что всѣ Шуйскіе опасны,
Что не благая свѣтитъ имъ звѣзда;...

---

* Первоначально: вамъ.—Поправка дана тамъ-же.
** Первоначальная редакція:

За что народъ васъ долженъ ненавидѣть?

Поправка—тамъ-же. *Ред.*

Признаться должно, не хотѣлъ бы онъ
Имѣть....

ДИМИТРІЙ.

Довольно: мнѣ пришла благая,
По-истинѣ благая мысль: узнаетъ Царь,
Какъ для него опасенъ полководецъ —
И надолго обременятъ оковы
Димитрію враждебнаго героя....
А можетъ быть *(злобно)*, а можетъ не надолго!...

(Уходитъ).

Явленіе III-е.

ЛЯПУНОВЪ *(одинъ)*.

А можетъ не надолго!... Димитрій! знаю,
Ужасна мысль твоя, ужасны средства,
Ужасенъ путь къ блистающему трону!
Ахъ! несравненно счастливъ тотъ,
Кто волей подданныхъ на тронъ восходитъ,
Державною рукой благотворитъ
И подданныхъ сердца въ восторгъ приводитъ.
Ему все царство — твердый, вѣрный щитъ
И поприще прекрасное для славы!
Такими были Русскіе Цари —
И нѣкогда.... такіе, можетъ, будутъ!
Но.... Шуйскій — я его низвергнуть долженъ:
Бывъ равнымъ, я теперь его лишь рабъ....
Ты на меня надѣешься, Димитрій!...
Добро!... надѣйся: я твой другъ, доколѣ
Твой братъ въ порфирѣ, на престолѣ!...

Явленіе IV-е.

(Театръ представляетъ комнату съ старинными украшеніями. Старая женщина сидитъ за работою).

ОЛЬГА *(вбѣгаетъ).*

Я видѣла его... какъ онъ прекрасенъ!
Во цвѣтѣ лѣтъ, отчизны избавитель,
Гроза враговъ — и кроткій Ангелъ мира
Приходитъ къ намъ, въ столицу, съ торжествомъ:
Онъ молньи угасилъ и прервалъ громъ,
Съ усиліемъ стремившійся къ столицѣ —
Мы спасены его десницей.

МАТЬ.

Скажи мнѣ, Ольга, гдѣ была такъ долго?

ОЛЬГА *(съ восторгомъ).*

Была я тамъ, гдѣ радостный народъ
Привѣтствовалъ спасителя Россіи,
Принесшаго съ собою миръ и счастье!

МАТЬ *(качая головою).*

О, дочь моя, любовь, любовь!
Ея не охладило время, даль,
Разлука пищу ей дала, печаль,
Сама печаль уважила надеждѣ!

ОЛЬГА.

Я болѣе люблю его, чѣмъ прежде!
Какъ Майскій день, веселый и прекрасный,
Какъ Ангелъ добръ, собой меня плѣнилъ;
Къ нему пылала я любовью страстной,—
И онъ съ горячностью меня любилъ!

Онъ посвятилъ мнѣ лучшіе дни жизни,
Мнѣ вѣренъ былъ — его ли не любить?
Теперь — спаситель всей отчизны,
Посланникъ неба — миръ благовѣститъ!...
О матушка! когда-бъ могла ты видѣть,
Какъ онъ провелъ въ столицу храбрыхъ рать:
И кротокъ взоръ его какъ благодать —
И сладостенъ;... неужъ-ли ненавидѣть
Должна его?

МАТЬ.

Храни Господь!...
Лютѣйшій грѣхъ — къ людямъ ненависть:
Мы братья всѣ — и духъ и плоть;
Добро и грѣхъ;... но знаешь, зависть!...
Наговорятъ; люби, да посмирнѣй,
Люби его, какъ всѣхъ людей!

ОЛЬГА.

О матушка! пусть люди говорятъ;
Невинному, что злобные навѣты?
Пугать людей должны порокъ и адъ;
Но тотъ, кто свято сохранилъ обѣты,
Кто полюбилъ пылающей душой,
Кто вѣкъ пребылъ своей любови вѣренъ,
Ко смертнымъ добръ, къ святымъ нелицемѣренъ,
Тотъ, матушка, ей, ей, святой!

МАТЬ.

О, дочь моя! на этомъ свѣтѣ—
Господь помилуй,—люди злы!...
Наговорятъ,—не рада будешь,
Вѣкъ цѣлый проведешь въ слезахъ—
И друга милаго забудешь!
О дочь! любить опасно, страхъ!—

Благое Небо!—дай терпѣнье,
И силы ей ты низпошли,
И сохрани!... на этомъ свѣтѣ,
Господь помилуй, люди злы!

ОЛЬГА.

Что злость людей и суетность земная?
Что рѣчи ихъ, когда чиста душа,
Спокойна совѣсть? Похвала людская...
Мнѣ не нужна; превратна и она.
Но какъ подумаешь, такъ тяжко право:
Возможно-ль Михаила мнѣ забыть?
Гоняться за мірской, непрочной славой
И вѣчно грусть въ душѣ своей носить?...
Нѣтъ, я люблю его—и невозможно
Любовь мою, во вѣки, истребить.
Мнѣ тягостна разлука съ нимъ,
Онъ будетъ мною вѣкъ любимъ.

Явленіе V-е.

ТѢ-ЖЕ и МИХАИЛЪ.

МИХАИЛЪ *(бросаясь къ Ольгѣ).*

Опять со мною, Ольга, ты, опять!

ОЛЬГА.

Съ тобой, всегда твоя, вѣрна до гроба!
Разлука, даль—не въ силахъ истребить
Сладчайшаго, божественнаго чувства!

МАТЬ.

Благодарю Святую Мать:
Сподобила меня Благая

Тебя подъ старость увидать.
Прими отъ насъ ты благодарность,
Защитникъ нашъ, надежда и оплотъ,
Благослови тебя Господь!

МИХАИЛЪ (*цѣлуя у ней руку*

Благодарю Тебя!... Судья Незримый
Разгнѣванной десницей покаралъ—
И въ дольній прахъ низвергнулъ сонмъ злодѣевъ;
А русскій вождь лишь долгъ свой исполнялъ—
И, позабывъ объ этой бренной жизни,
Лилъ кровь враговъ на жертвенникъ отчизны.
Хвала Творцу! опасности, труды—
Любовью, вѣрностью ты, Ольга, увѣнчала!

ОЛЬГА.

О, какъ тебя я, другъ мой, ожидала!
Разлука принесла прекрасные плоды:
Ты вшелъ въ Москву, какъ Ангелъ примиренья,
Тобой истреблены—крамола и киченье;
Ты много видѣлъ чуждыхъ странъ красотъ,—
И вѣренъ мнѣ, облившись вражьей кровью
И благодарностью согражданъ; ты пришелъ—
Привѣтствовалъ меня—любовью!

МИХАИЛЪ.

О, Ольга, милый другъ! Ты мнѣ вѣрна!
Въ толпѣ враговъ, въ огнѣ, въ пылу сраженій,
Тобой душа моя была полна,
Ты мнѣ была всегда—незримый Геній!
Убійственныхъ орудій грянетъ громъ,
Отъ топота коней земля застонетъ,
Раздастся кликъ—и душный воздухъ ноетъ—
Лечу къ врагамъ съ блистающимъ мечёмъ....
И твой прелестный образъ предо мной

Отвагу льетъ пылающей струей....
Но иногда меня смущала мысль,
Что нѣтъ творенія непостояннѣй
И перемѣнчивѣй дѣвицы юной—
Но нѣтъ.... твои прелестныя черты,
Душа твоя, прекрасная—какъ ты
Мои сомнѣнья тотчасъ* разгоняла
И я питалъ прелестныя мечты;
Не тщетно вѣрилъ я надеждѣ,
Я щастливъ, я любимъ, какъ прежде!

ОЛЬГА.

Не сомнѣвайся, милый другъ, во мнѣ:
Моя любовь—мнѣ жизнь; лишь въ мрачномъ гробѣ,
Въ обители безвѣстной и печальной,
Она меня оставитъ; но зачѣмъ
Заранѣе грустить о неизвѣстномъ?
Быть можетъ эти голубыя небеса,
На вѣчное и сладостное лоно,
Соединенныя любовью души—
Воспримутъ вмѣстѣ—можетъ быть.... кто знаетъ,
Чтò можетъ быть?

МИХАИЛЪ.

Оставь свои мечты;
Мы счастливы взаимною любовью—
И радъ всегда тебѣ я подтвердить,
Что буду вѣкъ тебя любить!
Клянусь тебѣ, любовь меня оставитъ,
Когда мой духъ оставитъ тлѣнный прахъ,
На вѣкъ померкнетъ свѣтъ въ очахъ,
Въ обитель вѣчности душа полётъ направитъ.

---

* Первоначально: мигомъ.—Поправка—тамъ-же. *Ред.*

ОЛЬГА.

Зачѣмъ напрасныя, ужаснѣйшія клятвы?
Навѣшивать зачѣмъ безъ нужды цѣпи?
Кто любитъ и любимъ, живетъ любовью,
Ужъ тотъ себѣ въ ней клятву далъ,
И вѣрностью себя на вѣки обязалъ.

МИХАИЛЪ.

Тебѣ-ль невѣрнымъ быть, мой лучшій другъ?
Повѣрь, что я тебя достоинъ.
Нѣтъ ничего ужаснѣе измѣны;
Она отрава жизни,—я спокоенъ:
Ты мнѣ вѣрна всегда была и будешь!
Ты надѣлилъ меня, Всещедрый Богъ,
Твоими свѣтлыми дарами!
Люблю, любимъ,—отечеству помогъ—
И съ благодарностью паду предъ небесами!

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I-е.

(Театръ представляетъ комнату Димитрія Шуйскаго).

ДИМИТРІЙ *(сидитъ задумчиво).*

ЕКАТЕРИНА *(входя).*

Гдѣ мысль твоя, мой милый другъ?

ДИМИТРІЙ.

Екатерина! ты меня любила?

ЕКАТЕРИНА.

Люблю.

ДИМИТРІЙ.

Ты знаешь, я всегда былъ откровененъ
Съ тобой. Душа моя, какъ бы хотѣла
Всегда въ твою излиться душу—я
Всѣ тайны сердца повѣрялъ тебѣ—
И ты моимъ не измѣняла тайнамъ;
Ты лучшій другъ мой и была и будешь.

ЕКАТЕРИНА.

Всегда; но мнѣ прости одно сомнѣнье:
Ты дикъ и мраченъ съ нѣкоторыхъ поръ,

Со мной безмолвенъ; твой смятенный взоръ
Мнѣ кажетъ ясно смутное волненье
Разстроенной души—и дружній взглядъ
Проникнуть въ грудь твою никакъ не смѣетъ;
Людей чуждаешься, одинъ имѣетъ
Лишь входъ къ тебѣ, всегда ему ты радъ;
Онъ иногда друзей съ собой приводитъ—
И тутъ начнется жаркій разговоръ,
Совѣты тайные и длинный споръ—
И ночь такъ часто цѣлая проходитъ.
Мой милый другъ! во всемъ откройся мнѣ,
Твои и я отчасти тайны знаю—
Обширны и блистательны онѣ,
Но непріятнаго не ожидаю.
Конечно.... можетъ быть и не успѣхъ....
Но мы его перенести умѣемъ:
Какъ быть? Судьба всё дѣлаетъ на смѣхъ:
Мы замыслы огромные имѣемъ,
О нихъ лишь думаемъ и день и ночь—
И вдругъ какъ-будто вѣтромъ ихъ разноситъ.
Но что тебѣ такую грусть наноситъ?
О, удали печальны мысли прочь;
Не знаю ровно, что тебя тревожитъ?
Соперниковъ тебѣ отважныхъ нѣтъ....

ДИМИТРІЙ *(смотря на нее пристально).*

А можетъ
И есть *(беретъ ее за руку).* Тебѣ я думаю извѣстенъ
Князь юный Скопинъ?

ЕКАТЕРИНА *(съ жаромъ)*

Кто его не знаетъ?
Равно прекрасный сердцемъ и лицемъ,
Начальникъ храбрыхъ, съ вѣрною дружиной,
Смирилъ врага кичливаго мечемъ,

Отчизну спасъ надъ мрачною пучиной,
И въ древнюю столицу съ торжествомъ,
Теперь вошелъ, какъ свѣтлый искупитель!

ДИМИТРІЙ *(съ ужасомъ).*

Екатерина! что ты говоришь?
Узнай скорѣй: онъ врагъ мой,—истребитель
Моихъ прекраснѣйшихъ надеждъ; причина
Моей печали, бѣдствій, мой убійца!

ЕКАТЕРИНА.

Возможно ли? что слышу? Михаилъ?....
О нѣтъ!... съ его прекрасною душою,
Чтобъ онъ измѣнникомъ отчизнѣ былъ?
Чтобы пошелъ неправою стезею
На свѣтлый тронъ? чтобы онъ скиптръ принялъ
Презрѣнной властолюбія рукою?
Чтобы онъ долгъ священный свой попралъ?
Чтобъ истребилъ въ душѣ своей онъ совѣсть?
Чтобъ на порочныхъ степень онъ низпалъ?

ДИМИТРІЙ *(съ злобнымъ смѣхомъ).*

Вотъ вѣрности супружней повѣсть!
За нѣсколько еще минутъ предъ симъ
Я былъ обласканъ ей, я былъ любимъ;
Отъ всей души во мнѣ брала участье,
Причину горести хотѣла знать—
Изъ любопытства! подлинно, что счастье
Такой супругой нѣжной обладать;—
И вотъ теперь ругательства стремятся,
Я похититель, я клятвопреступникъ!
Я властолюбецъ—и неправою стезею
Иду принять священный скиптръ правленья!
Поди, гласи свои нравоученья!
Лети скорѣй къ любимцу своему,
Мои всѣ тайны разскажи ему!

Къ Царю скорѣй, скажи, что мужъ твой хищникъ,
Что вырвать я хочу бразды правленья
Изъ рукъ его,—пусть крѣпкія оковы
Обременятъ меня—то будетъ нѣжный даръ
Моей супруги вѣрной мнѣ до гроба!
Моя глава отъ тѣла отпадетъ—
Съ своимъ любезнымъ бракомъ сочетайся,
И съ нимъ ходи въ коронѣ и порфирѣ,
Ему открой преступныя объятья,
И съ нимъ въ позорной нѣгѣ утопай!
А мой завѣтный даръ тебѣ—проклятье!
Ступай!—плоды злочестія вкушай!

(Хочетъ идти).

ЕКАТЕРИНА.

Остановись!... напрасно, въ мрачной злобѣ,
Ты изрыгаешь на меня хулы;
Твой гнѣвъ несправедливъ; скажи мнѣ, чѣмъ
Тебѣ должна я вѣрность доказать?
Скажи! теперь же я на все готова!
Клянусь! тебѣ я рада угодить,
Горю желаньемъ доказать невинность;
Что сдѣлать надобно?

ДИМИТРІЙ *(съ быстротою):*

Злодѣя отравить!...*

Явленіе II-е.

ЕКАТЕРИНА *(въ безсиліи опускается на кресла).*

Злодѣя отравить! о Дмитрій!
Чего ты хочешь? Родины спаситель
Рукой своихъ согражданъ не погибнетъ!

(Вскакиваетъ).

---

* Первоначально было: умертвить.—Поправка дана въ опечаткахъ. *Ред.*

Пылай сильнѣе, безнадежный пламень!
Всесильная любовь, преобрати
Меня во всемогущій духъ; должна я
Его спасти или погибнуть; вижу
Готовятся ужасныя злодѣйства!
И завтра пиръ!... любовь! вотъ вѣрный случай!
Рѣшилась я!... но если ты посмѣешь
Мой нѣжный пламень снова пренебречь—
Я женщина!—и въ мщеньи безпредѣльна
Супругу я рѣшилась измѣнить;
При имени твоемъ я долгъ свой позабыла—
Меня ты долженъ, Михаилъ, любить!
Взаимная любовь—или могила!...

Явленіе III-е.

(Театръ представляетъ дворецъ Василія).

ВАСИЛІЙ, МИХАИЛЪ, ДИМИТРІЙ и ДЕЛАГАРДИ.

МИХАИЛЪ.

Нѣтъ, Государь! пожавши эти лавры,
Не должно намъ въ безпечности остаться;
Отечество не спасено еще,
Но успокоено; спокойствіе на время—
Заставитъ лишь сильнѣе ощутить
Всѣ бѣдствія, грядущія за нимъ;
О, повели мнѣ, Царь, съ безстрашной ратью
Идти опять на поле правой мести
И довершить спасеніе отчизны,
Доколѣ врагъ еще не собралъ силъ,
Доколѣ воины единодушно
На гибель хищниковъ готовы устремиться,

Доколѣ чувство мести и побѣдъ
Имъ можетъ указать враговъ бѣжавшихъ слѣдъ.

ДИМИТРІЙ *(въ сторону).*

Со мной ты долженъ прежде расплатиться!

ВАСИЛІЙ.

Оставь это; разбитый врагъ не можетъ
Намъ болѣ принести вреда; зачѣмъ
Испытывать онъ станетъ счастье снова,
Когда оно такъ часто измѣняло!

ДЕЛАГАРДИ *(въ сторону).*

Я вижу, зависть изощряетъ жало!

ВАСИЛІЙ.

Пусть лучше войско наше отдохнетъ,
И съ силами сберется, а союзникъ....

ДЕЛАГАРДИ.

Союзникъ радъ помочь вамъ въ дѣлѣ правомъ
Съ покорностью къ державному Царю,
Пославшему меня сюда.

ВАСИЛІЙ *(тихо).*

Димитрій!
Ты, кажется мнѣ, правъ.

ДИМИТРІЙ *(скрывая радость).*

Предъ Государемъ
Я истину обязанъ говорить.

МИХАИЛЪ.

Ты видишь, Царь, всеобщую готовность—
Предупредить рукой вооруженной,

Всѣ замыслы крамольные враговъ;
Не допусти, чтобъ пламя истребленья
Изъ пепла злобы вспыхнуло опять
И устремилось на столицу.—Царь мой!
У ногъ твоихъ прошу въ послѣдній разъ:
Не допусти, чтобъ злоба и хищенье
Повергли снова въ пропасть бѣдствій насъ:
Намъ кажетъ путь святое Провидѣнье,
Путь вѣрный къ счастію страны родной;
И—горе намъ!—его коль презримъ дары!
Враги нахлынутъ хищною толпой—
И не избѣгнуть намъ небесной кары!
Спаси, спаси свою отчизну, Царь!
Мы сами бѣдствія ея причиной;
Давно-ль еще надъ мрачною пучиной,
Надъ бездной золъ и бѣдъ она стояла?
Давно-ли сѣнью благотворной мира
Прикрыты добліе сыны Россіи?
И вдругъ падетъ сія святая сѣнь
Подъ гнусною разбойника рукою!
Молю тебя, о Царь мой, со слезами,
Которыя струятся въ первый разъ
По загорѣлымъ воина ланитамъ—
За благо родины, любезной сердцу,
Мнѣ повели съ безстрашными сынами
Рѣшительнымъ ударомъ кончить подвигъ,
Врага смирить правдивою рукой;
О, лучше пасть подъ вражьими мечами,
Чѣмъ зрѣть позоръ страны своей родной.

ВАСИЛІЙ *(поднимая его).*

Онъ созданъ не съ предательной душой:
О мой безстрашный вождь—обдумай лучше
Столь важное для всей Россіи дѣло,
Потомъ на брань идти ты можешь смѣло!

(Къ Димитрію).

Онъ правъ, Димитрій.

ДИМИТРІЙ.

Государь!

ВАСИЛІЙ.

Оставимъ....
Намъ будетъ время говорить объ этомъ!

МИХАИЛЪ.

Такъ ускорите-жъ счастія мгновенье,
Сберите завтра же совѣтъ бояръ,
Чтобъ времени измѣнникамъ не дать
Собраться съ силами и укрѣпиться.

(Царь подаетъ ему руку).

(Михаилъ и Делагарди уходятъ).

Явленіе IV-е.

ДИМИТРІЙ и ВАСИЛІЙ.

ВАСИЛІЙ *(съ упрекомъ).*

По правдѣ, Дмитрій, я тебѣ не вѣрю:
Сей юный вождь отъ сердца говоритъ.
Ты хочешь, чтобъ его я погубилъ:
За что?... Онъ мнѣ родной и другъ....

ДИМИТРІЙ.

Неужь-ли
Такъ мыслитъ обо мнѣ—мой Царь и братъ?
Неужли я погибели хощу
Племянника и храбраго вождя?
Не думай, Царь! мои всѣ подозрѣнья
Не безъ причины....

ВАСИЛІЙ.

Ради Бога, прочь!
Оставь, отбрось пустыя подозрѣнья:
Они отрава жизни;—я узналъ ихъ
Съ тѣхъ поръ, какъ слухъ мой преклонился къ рѣчи
Обманчивыхъ и хитрыхъ царедворцевъ;
Съ тѣхъ поръ — покой со мною не встрѣчался,
Какъ тѣнь моя; я часто вспоминаю
О прошлыхъ, юныхъ, безмятежныхъ дняхъ,
Когда величіе, заботы трона
Невѣдомы мнѣ были — я принялъ
Правленіе, хотѣлъ народу блага,
Желалъ знать истину — не могъ узнать;
Хотѣлъ быть правосуднымъ — клевета,
Ненависть, злоба, вкрались непримѣтно
И, ползая вокругъ ступеней трона,
Шипѣньемъ заглушали гласъ закона!
Народъ въ невѣденьи — и мятежи
Смущаютъ всѣхъ и раззоряютъ царство;
Я пасть готовъ всечасно; — но доколѣ
Я живъ, заботиться о царствѣ стану
И не оставлю въ бѣдствіи отчизны!
О, Боже, Боже!... подкрѣпи Россію,
И воцари въ ней православный родъ;
Смири мятежный духъ и возврати
Всѣ доблести, врожденныя народу.
Счастливъ Монархъ, когда онъ въ силахъ сдѣлать
Счастливымъ свой народъ. Предвижу, знаю,
Святая Русь!... воспрянешь ты изъ праха
Подъ скипетромъ Царей твоихъ великихъ,
И міръ колѣна предъ тобой преклонитъ!

(Беретъ за руку Димитрія).

Не разрушай же ты моихъ надеждъ!
Пусть онъ всегда мнѣ будетъ драгоцѣненъ;

Онъ злобу низпровергъ; въ его лѣта
Врагамъ своимъ онъ сдѣлался ужасенъ;
А юность, доблести и красота
Влекутъ сердца къ нему. О, какъ онъ былъ прекрасенъ,
Когда принесъ въ столицу славный миръ,
И скромный воздавалъ хвалы всѣ Богу,
И вновь идти желаетъ въ бранный пиръ,
Ко славѣ на опасную дорогу!
Когда-бы всѣ такіе въ государствѣ,
Я покорилъ-бы свѣтъ весь безъ труда —
И каждый подданный былъ счастливъ въ этомъ царствѣ!

ДИМИТРІЙ.

Ты правду говоришь, могучій Царь!
Но если старый воинъ твой и братъ
Осмѣлится сказать....

ВАСИЛІЙ.

Что за вступленья?
Ты говорилъ всегда по-братски мнѣ.

ДИМИТРІЙ.

Въ желаньи этомъ вижу я причину
Совсѣмъ другую. Воины привыкли
Къ нему — и рады слѣдовать повсюду
За нимъ, въ огонь и воду, какъ на пиръ.
А это власти, Царь, твоей опасно:
Помедли отпускать его на брань...

ВАСИЛІЙ.

Твои совѣты, братъ, благоразумны!

(По нѣкоторомъ молчаніи).

Но Михаилъ не пожелаетъ трона,
Чтобъ сдѣлать шагъ одинъ противъ закона!

Съ презрѣньемъ онъ отвергнулъ предложенья
Пословъ Рязанскихъ....

ДИМИТРІЙ.

Такъ; сказалъ ты правду,
Чему же приписать его великодушье
Къ посламъ? Оно мнѣ кажется излишнимъ....

ВАСИЛІЙ.

Димитрій, убиваешь ты меня!...
Пусть будетъ такъ: помедлимъ отправлять
Великаго на поле бранной чести.
Обдумавъ лучше и вѣрнѣе дѣло,
Я съ радостью его туда отправлю,
Чтобы очистилъ онъ родную землю
Отъ всѣхъ рушителей ея покоя!
Онъ обезпечитъ мнѣ мое правленье...
Тогда... Но будущее только Богу
Единому извѣстно, а не людямъ.

Явленіе V-е.

(Театръ представляетъ садъ съ рѣшеткою. — Вечеръ).

ЕКАТЕРИНА *(показывается).*

Онъ долженъ здѣсь идти; я знаю
Жилище здѣсь соперницы моей!..
Уже луна сребристыми лучами
Верхи Московскихъ башенъ позлащаетъ.
Онъ у Царя, и вѣрно скоро будетъ
Сюда. Любовь не любитъ замедленья!
Какъ часто я въ трепещущихъ лучахъ
Луны златоогнистой, среброокой,
Въ дни юности, когда моя душа,
Полна восторговъ чистыхъ, свѣтлыхъ думъ,

Не ссорилась еще съ враждебнымъ свѣтомъ,
Обманчивымъ, смѣшнымъ и жалкимъ, скучнымъ,
Въ разнообразіи самомъ однообразномъ —
Въ дни юности, на этомъ самомъ мѣстѣ
Любила я смотрѣть, какъ вѣстникъ ночи
На позлащенномъ небѣ появлялся,
И разсыпались въ дальнемъ мірѣ звѣзды —
И наконецъ свѣтильниковъ ночныхъ
Царица ясная сіяла надъ землею!
Тогда въ умѣ моемъ родились планы,
Какіе планы юность созидаетъ;
Родившися, мгновенно изчезали.
Чиста душой, какъ этотъ воздухъ ночи,
Напитанный цвѣтовъ дыханьемъ ароматнымъ,
Какъ къ Небесамъ безмолвная молитва,
Не знала я убійственныхъ страстей
И дни свои въ покоѣ провождала.
Но здѣсь увидѣла его; о, какъ
Онъ былъ тогда и молодъ и прекрасенъ!...
Глаза его — чистѣйшая лазурь,
Ко мнѣ оборотились; быстрый огнь
Мгновенно пробѣжалъ по жилкамъ, кровь
Прихлынула къ лицу; себя не помня
Бѣжала я.... какое вспоминанье!
Зачѣмъ же мнѣ усугублять страданье?
Рѣшительной должна я быть теперь —
Любовь иль смерть!... иль смерть! но я-ль рѣшусь
Открыть ему во гробъ печальный дверь?
Я чашу поднесу... его ланиты
Смертельная покроетъ блѣдность; взоръ
Померкнетъ навсегда; душа его
Въ знакомую обитель отлетитъ;
Святая Русь свѣтильника лишится
И украшенья своего земля!...
Нѣтъ, не погибнетъ онъ моей рукой....
И не потухнетъ взоръ его прекрасный!

Но обращался-ли когда сей взоръ
Ко мнѣ съ любовію? Одно презрѣнье
За страсть мою наградой было!
Презрѣніе!... тебѣ-ль его сносить?
Ты не съ такой родилася душою!
Ему-ль презрѣть любви чистѣйшей ласки?
Моей любви? О, нѣтъ: рѣшусь я твердо...
Любовь иль смерть! Но вотъ и онъ... идетъ.
Любовь, отчаянье, подайте силы!...

Явленіе VI-е.

МИХАИЛЪ *(останавливается).*

Кто здѣсь?

ЕКАТЕРИНА.

Твой лучшій, твой вѣрнѣйшій другъ!

МИХАИЛЪ *(съ удивленіемъ).*

Мой другъ?

ЕКАТЕРИНА.

Узнай меня!...

МИХАИЛЪ *(всматривается).*

Димитрія супруга!
Зачѣмъ въ такое время?

ЕКАТЕРИНА.

Прочь всѣ чувства,
Кромѣ любви — приличія пустыя
Всѣ въ сторону!.. о юный Михаилъ!
Узнай теперь, какой сгараю страстью.

— Оставимъ всѣ людскіе предразсудки —
Любви закона нѣтъ! тебя люблю я, —
Люблю не этою мгновенной страстью,
Которая родившись умираетъ;
Люблю тебя пылающей душой,
Всѣ блага жизни презираю; — ты
Одна отрада мнѣ, одно лишь благо
И здѣсь и тамъ. Но что?... ты отвращаешь
Твой взоръ; въ лицѣ твоемъ румянецъ яркій!...
Любви?... о нѣтъ, негодованья!... ты
Сразилъ меня! *(въ безсиліи упадаетъ на камень).*

МИХАИЛЪ.

Княгиня, полно!...
Забудь преступную любовь; супругъ твой
Не долженъ быть обманутъ мной, — обманутъ
Позорно!... Долгъ твой вѣрной быть всегда
Супругу!

ЕКАТЕРИНА.

Боже!.. онъ съ презрѣньемъ внемлетъ
Всѣ знаки пламенной любви моей,
Съ холодностью даетъ мнѣ наставленья,
Велитъ супругу вѣрной быть!... и буду!...
Мои обѣты вѣрно сохраню,
Его исполню волю.... Горделивецъ!
До времени прощай!...

(Уходитъ).

Явленіе VII-е.

МИХАИЛЪ *(одинъ).*

До времени! что значитъ это слово?...
Неужли умышленье зла? о Боже!

Какъ превратился міръ, Тобой созданный?
Твое подобіе въ людяхъ изчезло;
Они, забывъ священные уставы,
Забывши цѣль созданья, истребили
Высокія, божественныя чувства; —
И на землѣ слабѣйшій лучъ добра
Злодѣйства тучами подавленъ и закрытъ!

Явленіе VIII-е.

МИХАИЛЪ и ДЕЛАГАРДИ.

ДЕЛАГАРДИ.

Ты здѣсь.... смущенъ!... послушай милый другъ мой:
Я вижу, зависть ужъ готовитъ
Несчастіе тебѣ. — Послушай друга. —
Уйдемъ отсель — мнѣ вѣрны воины,
Отъ Карла я любимъ, моя отчизна
Признательна къ союзникамъ; мы въ счастьи
Тамъ будемъ жить.

МИХАИЛЪ *(огорченный)*.

О, нѣтъ Іаковъ, нѣтъ!
И тамъ есть люди!... Я, по крайней мѣрѣ,
Исполню долгъ, какъ человѣкъ, какъ Русской. —
Пусть зависть на меня ліетъ свой ядъ:
Боязни чуждъ и совѣстью спокоенъ,
Я не стараюсь козней замѣчать:
Порочный лишь презрѣнія достоинъ!

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Явленіе I-е.

(Комната Маріи).

МАРІЯ и АННА.

МАРІЯ.

Не утѣшай!... надежды недоступны
Тому, кто скорбь извѣдалъ многократно.
Не утѣшай!... предвижу жребій мой!

АННА.

А безъ надеждъ, какая жизнь была-бы?
Убитые малѣйшею тоской,
Страдали-бъ мы и мучились напрасно;
Но Всеблагой Творецъ не такъ судилъ:
Надъ бездною надежды утѣшенье
Несчастнаго еще не оставляетъ!
А ты его теряешь.... отъ чего?
По признакамъ, предчувствіямъ и страхамъ!
Забудь мечты. Россійскаго Царя
Супруга ты, на тронной высотѣ,
И на главѣ твоей блеститъ корона.

МАРІЯ.

Мой дивный сонъ изъ мыслей не идетъ:
Вчера, когда румяная денница

Послѣдними лучами заиграла
На золотыхъ главахъ Москвы церквей,
Задумавшись, я у окна сидѣла
И мрачныя мечты мои питала.
На западѣ остановивши взоръ,
Я видѣла—лучи златой денницы,
По небесамъ зажженнымъ, опускались
За край земли и холмъ огня горѣлъ,
И уменьшаясь постепенно скрылся,
На западѣ разливши яркій пурпуръ,
И къ пурпуру прекрасному мой взоръ
Прикованъ былъ непостижимой силой;
Въ моихъ глазахъ всё меркло, изчезало—
Вечернею прохладой вѣтерокъ
Повѣялъ вдругъ и освѣжилъ мнѣ чувства,
И сладкій сонъ, живительной рукой,
Ужъ начиналъ смыкать мнѣ тихо вѣжды,
А очи всё стремились на закатъ.
И вижу я—на западѣ, въ сіяньи,
Божественно-спокойный, величавый,
Передо мной надъ пропастью носился,
Манилъ къ себѣ рукою дивный старецъ—
И свѣтлаго, покойнаго чела,
Какъ у него, я никогда не зрѣла!
Казалось мнѣ, что былъ то Филаретъ,
Иль Гермогенъ—въ святительской одеждѣ,
Съ такою-же сребристою брадой,
Съ величіемъ—но что-то не земное,
Особенно, въ очахъ его сіяло—
Съ улыбкою небесной и святой,
Которая до сердца проникаетъ
И лечитъ въ немъ всѣ тяжкія болѣзни,—
Съ улыбкою, онъ сладостно сказалъ:
«Приди ко мнѣ, о дочь моя Марія,
«Ты тронъ земной должна оставить скоро—
«И твой супругъ оставитъ Русской тронъ.

«Кипучую ты видишь-ли здѣсь бездну?
«Она для васъ и для святой Руси
«Готовится коварными друзьями—
«И упадетъ; но я возстановлю,
«На степени величія поставлю,
«И цѣлый міръ ей изъявитъ покорность;—
«А вы тогда ужъ будете со мной!»
Сказалъ, замолкъ: прозрачною грядой
Вдругъ облака вокругъ его собрались
И выше звѣздъ златыхъ помчались....*

АННА.

То смутныхъ чувствъ игра; но если ты
Въ семъ дивномъ снѣ страшишься предсказанья,
И сущностью считаешь всѣ мечты,
Его отдайся волѣ—

МАРІЯ.

Безъ роптанья!
Но, милая, мой сонъ—есть вѣщій сонъ!
Переворотъ судьбы вѣщаетъ онъ;
Ты помнишь-ли день страха и смятенья,
Какъ моему супругу поднесли
Измѣнники—престола отреченье,
Лишеніе наслѣдственной земли?
Все тѣмъ-же сномъ мои смущались думы:
Благой старикъ мнѣ темно предвѣщалъ
И съ кротостью на небо отлеталъ,
Но страшенъ былъ оттолѣ видъ угрюмый!
И я въ душѣ ношу сей вѣщій видъ:
Онъ о бѣдахъ мнѣ внятно говоритъ.

---

* Первоначально было:
И выше звѣздъ златыхъ въ эѳиръ помчались...
Поправка—дана въ опечаткахъ. *Ред.*

АННА.

Творца моли, Царица, да разсѣетъ
Твою печаль и мрачныя мечты,
И Ангелъ твой Хранитель да навѣетъ
Покой и миръ съ небесной высоты,
Воздушными и быстрыми крылами!

МАРІЯ.

Нѣтъ!... бѣдствіе нависло ужъ надъ нами—
И на главы давно готово пасть,
И пагубно для насъ его паденье!
Корона, скиптръ и царственная власть,
И слава, жизнь—все близко разрушенья!

(Молчаніе).

Не думай ты, чтобъ грустная Марія
Страшилася объ участи своей!
Нѣтъ!... но супругъ, отечество—Россія—
И громкая минувшихъ слава дней!
Я русская душой: мнѣ больно видѣть,
Какъ родина низвергнется во прахъ—
Во прахъ—во прахъ.... толпой иноплеменной,
И рабскую заплатитъ Польшѣ дань!

(Становится на колѣна).

О Боже!.... Ты внималъ, какъ Евдокія,
Къ отечеству любовію горя,
На небеса взносила пресвятыя
Мольбы за чадъ своихъ и за Царя!
Ты спасъ ее—и бѣдная Марія
Днесь молится, душой къ Тебѣ паря:
Ты прежній духъ возставь межъ нашей ратью,
И насъ покрой Твоею благодатью!
Молю Тебя—главу склоняю долу:
Спаси Царя, народу вкорени

Священную привязанность къ престолу,
Наслѣдіе святое сохрани,
Во прахъ низринь хищенье и крамолу—
И возврати протекшей славы дни!
Въ тебѣ моя надежда, Искупитель:
Ты благъ, правдивъ, Россіи защититель!

(Вставая).

Хоть русскій радостенъ теперь народъ—
Но не къ добру; конечно, не захочетъ
Неправдою—престола, Михаилъ!...
Но злые и добро ко злу направятъ,
Народъ взволнуютъ.... о, въ душѣ моей
Предчувствіе ужаснаго несчастья!....
Такъ, такъ: моя защита онъ одинъ,
А прочее добра не предвѣщаетъ.
Ты видишь-ли, какъ всякій Божій день
По улицамъ, на площади, толпами
Сбирается и тамъ, и тамъ народъ?—
О чемъ-же онъ толкуетъ межъ собою?...
И слышу я порою восклицанья
О бѣдствіяхъ Россіи, о Царѣ,
О полководцѣ юномъ Михаилѣ,
И о врагѣ—Тушинскомъ самозванцѣ.
Россіяне въ нѣмомъ недоумѣньи,
А ложные и хищные друзья
Между Царемъ и подданными сѣютъ
Зловредный и губительный раздоръ,
Довѣріе межъ нами истребляютъ!...
Въ Москвѣ, родной Москвѣ—гнѣздится адъ:
Клеветники, шпіоны, лицемѣры,
Измѣнники—межъ доблестнымъ народомъ—
Хотятъ престолъ Руси низвергнуть въ прахъ,
Поколебать Россіянъ вѣрность, вѣру,
И счастіе изъ нашихъ золъ создать!...

А мы, а мы съ довѣрьемъ простодушнымъ
Имъ ввѣрились.—Отецъ небесный мой!
Ты благъ, пресвятъ:—Твое лишь правосудье,
Твоя любовь—вотъ всѣ мои надежды!

Явленіе II-е.

(Комната Ольги).

ОЛЬГА и МИХАИЛЪ.

ОЛЬГА.

О, какъ бѣжитъ съ тобою, другъ мой, время;
Я каждый мигъ ловлю и каждый взоръ твой
Я съ жадностью на сердце принимаю,
Чтобъ утѣшать себя, съ тобой въ разлукѣ.
Въ разлукѣ—какъ несносно это слово!...
Особенно, сегодни я боюсь*
Съ тобою разлучиться; будто вѣки
Тебя не буду видѣть; какъ ты хочешь—
Хоть смѣйся надо мной; а я скажу:
Не суевѣріе меня пугаетъ—
Предчувствіе печальное....

МИХАИЛЪ.

Оставь,
Мой милый другъ, твои пустые страхи,
Кто можетъ насъ съ тобою разлучить?
Что за предчувствіе? Судьбою мудрой
Намъ не данъ даръ—разгадывать впередъ
Ея непроницаемыя тайны!—

(Беретъ ее за руку).

Твой, Ольга, страхъ не вѣщій, а случайный!

---

* Первоначальная редакція:
Сегодни-жъ я особенно боюсь.

(Всматривается).

О Боже!... Ольга!... что всё это значитъ?
Изъ глазъ твоихъ катятся слезы!—Полно!
Я близъ тебя!... Забудь пустые страхи.

ОЛЬГА.

Дай Богъ, чтобы они напрасны были,
Дай Богъ, чтобъ это чувство скорби
Меня счастливо обмануло!...

МИХАИЛЪ.

Ольга!
Меня ты мучишь....

ОЛЬГА *(отирая слезы).*

Ну, я перестану
И какъ могу развеселюся. Другъ мой,
Не оставляй меня!...

МИХАИЛЪ.

И цѣлый вѣкъ*
Я былъ-бы радъ съ тобою оставаться!...
Но скоро долженъ я идти на пиръ,
Гдѣ длинный рядъ приличій, блюдъ и чашей
Лишь скуку нагоняетъ; какъ-бы радъ
Я былъ, нейти туда и здѣсь остаться;

* Первоначальная редакція:

И цѣлый вѣкъ
Я былъ-бы радъ съ тобой не разставаться;
Но скоро долженъ я идти на пиръ,
Гдѣ длинный рядъ прадѣдовскихъ приличій
Наводитъ скуку; я бы радъ нейти—
Твой взоръ, слова твои—одна мнѣ радость;
Сама ты жизнь, а съ жизнью кто захочетъ
Безвременно разстаться; часъ разлуки
Съ тобой—всегда мнѣ часъ безвременный.

Твой взоръ, твои слова—одна мнѣ радость.
Сама-жъ ты жизнь; а съ жизнью кто захочетъ
Безвременно разстаться? часъ разлуки
Съ тобой,—всегда безвременный мнѣ часъ!

ОЛЬГА.

Оставь пиры, другъ милый, ради Бога!
Ты говоришь, что самъ на нихъ скучаешь;
Не лучше-ль будемъ говорить съ тобою— *
О нашей мы любви, о нашемъ счастьѣ!

МИХАИЛЪ.

Подай мнѣ только помощь, Вышній Богъ,
Отечество очистить совершенно
Отъ всѣхъ злодѣевъ, и тогда съ тобою
Уже ничто меня не разлучитъ;
Мы жизнью вмѣстѣ разцвѣтемъ и вмѣстѣ,
Оставя тлѣнный міръ, вспаримъ въ другой—
Веселый, вѣчный, стройный и прекрасный!...
Прости!... да укрѣпитъ тебя Творецъ благой
Своею кроткою десницей!...
Да низпошлетъ тебѣ на душу Онъ покой!

ОЛЬГА.

Прости!... въ послѣдній разъ, быть можетъ—

МИХАИЛЪ.

Что за предчувствія** — чему со мною быть?...
Прости!... пустые страхи позабыть
Тебѣ Господь поможетъ!...

(Уходитъ).

---

* Первоначальная редакція:
Не лучше-ль здѣсь мы будемъ говорить
О пламенной любви своей—и счастьи?

** Первоначальная редакція:
Забудь мечты—чему со мною быть?

Явленіе III-е.

ОЛЬГА *(одна)*.

О, нѣтъ! не даромъ смутная тоска
Моей душой сегодня овладѣла!...
Отъ горести была я далека
И сердце радостью свѣтлѣло.... *
Когда о другѣ мыслила моемъ,
Часы незримо пролетали,
Не видѣла и тѣни я печали:
Теперь тоска моя не предъ добромъ!... **
Но отъ чего-жъ? что съ нимъ случиться можетъ?
По правдѣ—любятъ искренно его!... ***
Но грусть, какъ червь могильный сердце гложетъ—
Храни, о Небо, друга моего!...
Не даромъ всё такъ мрачно и печально!
Не даромъ враны хищные вились,
И бѣдствія какъ-будто вызывали
Надъ домомъ, вѣщимъ и протяжнымъ крикомъ;
Не даромъ ласточка, щебеча и віясь,
Влетала къ намъ сегодня дважды въ домъ:—
О, нѣтъ!... всё это не передъ добромъ!... ****

---

* Въ первоначальной редакціи этого стиха не было вовсе, а два слѣдующихъ были поставлены въ обратномъ порядкѣ, т. е.:

Часы досель незримо пролетали,
Когда о другѣ мыслила моемъ—

** Первоначальная редакція:

О, нѣтъ; тоска моя не предъ добромъ!...

*** Первоначальная редакція:

Всѣ любятъ искренно его!

**** Первоначальная редакція:

О, нѣтъ!... моя тоска не предъ добромъ.

Явленіе IV-е.

(Площадь).

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ и ЛЯПУНОВЪ *(сходятся).*

ЛЯПУНОВЪ.

И такъ совѣтъ нашъ, вѣрно ужъ, рѣшитъ
Дѣла, какъ надобно; а!... Шуйскій, ты
Узнаешь хорошо теперь насъ. Какъ?...
Россіи Царь, полуночи властитель!...
И кто-же? кто?—какъ для меня
Воображать, что онъ мой Царь, а я
Его лишь воли рабской исполнитель!
Давно бы мой убійственный кинжалъ
Въ его крови желѣзо напиталъ,
Когда-бъ лишь только я могъ знать, предвидѣть,
Что избранный изъ нашея-жъ среды
Намъ будетъ Царь!... О лучше-бъ всѣ бѣды,
Мученія узнать мнѣ, но не видѣть—
Его своимъ главой, своимъ Царемъ
И равнаго себѣ пребыть рабомъ!...

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Что? равнаго? Не онъ-ли въ смертномъ страхѣ
Ужъ голову свою держалъ на плахѣ
И подъ рукой презрѣнной палача
Трепещущій, готовъ ужъ былъ къ позорной казни?
Но ложный Царь, отъ жалости-ль, боязни,
Иль притупивши лезвее меча
Злодѣйства жертвами, простилъ—и ты равняешь
Его съ собой—ты родъ свой унижаешь!...

ЛЯПУНОВЪ.

Да,—помню, знаю—сердце говоритъ....
Въ душѣ моей сильнѣй пылаетъ зависть,

И злобы огнь, какъ ада огнь горитъ—
Какъ къ Шуйскому враждебная ненависть!
Внушай, внушай мнѣ средства, злая месть....
А Шуйскій!... ты теперь меня узнаешь!
Лишеніе короны—мало!... смерть—
Нѣтъ мало все!....

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Себя ты забываешь!
Довольно намъ, когда онъ свѣтлый тронъ
Оставивши въ безсильной лютой злобѣ,
Спокойствія и царства отчуждёнъ,
Нося змію отчаянья въ утробѣ,
Съ проклятьемъ на запекшихся устахъ,
Воспоминать начнетъ величье, славу
И почести, и раболѣпный страхъ
Приближенныхъ, и Царскую Державу!

ЛЯПУНОВЪ.

Нѣтъ: намъ опасно такъ его оставить...
Его наслѣдіе иль монастырь, иль плаха...
Пойдемъ—совѣтъ собраться долженъ скоро!....

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Но Русское меня тревожитъ что-то!

ЛЯПУНОВЪ.

Отбрось жено-подобный страхъ...
И пылкія бывалыхъ дней мечтанья!
Судьба Руси у насъ теперь въ рукахъ;
Пойдемъ—теперь не время колебаться
Стыду-ль дерзнуть со мщеніемъ сражаться?

(Уходитъ).

Явленіе V-е.

ЕКАТЕРИНА и ВОРОТЫНСКІЙ.

(Кн. Воротынскій хочетъ слѣдовать за Ляпуновымъ; его встрѣчаетъ)

ЕКАТЕРИНА.

О ужасъ... потрясай мнѣ душу! — смерть...
Отверзи хладныя твои объятья!
Жилище бѣдъ, неугасимый адъ...
Зіяй передо мной! — греми проклятьемъ
Моя душа, на весь сей ветхій міръ!
О вѣчность! вѣчность! вырви духъ изъ тѣла!...
Га! слышу громъ, въ огнѣ горитъ эѳиръ—
Земля и небо—все разсвирѣпѣло!
Рази весь міръ... о страшный Ангелъ кары!...
Отверзнись съ громомъ бездна предо мною—
И поглоти меня на вѣки!... Что тамъ?...
То тѣнь его!... о юный Михаилъ!—
Прости!... Отечество твое рыдаетъ;
Благослови его съ нетлѣнныхъ неба странъ!
Ты осѣни его святымъ и вѣчнымъ миромъ,
Прости.... и нѣтъ его!.... и тьма простерлась,
И молніи віются въ мрачныхъ тучахъ—
И громъ гремитъ надъ грѣшною землей!—
И рушится вселенной ветхо зданье,
И въ прахъ падутъ сыны презрѣнны праха!
Гдѣ скрыться мнѣ отъ гибели, отъ страха?...

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Что съ вами сдѣлалось, Княгиня?

ЕКАТЕРИНА.

Прочь!
Его ужъ болѣ нѣтъ!.. Напрасно станешь
Увѣщевать меня... его ужъ нѣтъ!...

Краса земли, Отечества надежда,
Подпора Царства, юный Михаилъ
Не существуетъ....

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Боже! что я слышу?...

ЕКАТЕРИНА.

Ступай! пади на прагѣ Божья храма!
Посыпь главу твою сѣдую пепломъ—
Стенай и рвись... не возвратить его!

(Убѣгаетъ).

Явленіе VI-е.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ *(по продолжительномъ молчаніи).*

И нѣтъ тебя! О лучшій перлъ великихъ!
Проклятія достойна та рука,
Которая-бъ тебя сразила; проклятъ,
Кто мыслитъ худо о тебѣ... Мы всѣ
По истинѣ не стоимъ мѣста, гдѣ
Въ послѣдній разъ нога твоя ступила!
Но, полно... мнѣ не преродиться!

(Молчаніе).

Какая-бъ ни была причина смерти
Твоей: иль дѣйствіе природы, или
Презрѣнная и злая зависть; всѣ
Въ тебѣ лишились счастья и надежды.—
Прекрасный, юный, доблій Михаилъ!
Ты лучшей участи достоинъ былъ.

Явленіе VII-е.

К. ВОРОТЫНСКІЙ и ДВА БОЯРИНА.

1-й БОЯРИНЪ.

Постой, скажи... тебѣ извѣстно, можетъ,
О смерти Михаила?

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Мнѣ извѣстно
Лишь то, что мы всего лишились съ нимъ.

Явленіе VIII-е.

ТѢ-ЖЕ и ТОЛПА НАРОДА.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Гдѣ онъ?.. Отдайте намъ хоть прахъ его!
Онъ нашъ, онъ нашъ! ничто не въ силахъ вырвать
Изъ нашихъ рукъ бездыханнаго трупа.
Онъ нашъ!... отдайте намъ его — не то
Мы обратимъ всѣ домы въ кучу пепла.
Отдайте намъ его!... онъ нашъ,
Народное святое достоянье!...
Скорѣе всей столицѣ возвѣстите
Ея нещастіе, ея потерю!
Ударьте въ колоколъ по мертвомъ....
Но что мы здѣсь стоимъ? скорѣе въ домъ,
Друзья! съ оружіемъ на мщеніе святое!

(Одинъ стрѣляетъ въ окно—оно разлетается съ шумомъ—нѣсколько воиновъ выбѣгаютъ изъ дому и сражаются нѣсколько минутъ.— Вдали слышны звуки колокола по мертвомъ. Скоро входитъ Царская стража, и самъ Царь, въ сопровожденіи Димитрія и Делагарди, все усмиряетъ).

ВАСИЛІЙ.

Остановитесь!... Вышнія судьбы
И въ милостяхъ и въ казняхъ непостижны!
Царя и подданныхъ желанья и мольбы
Передъ судьбою могутъ быть безсильны;
И гласъ людей не внятенъ Небесамъ —
При гласѣ вѣчнаго опредѣленья!
Кто не молилъ Творца, чтобы Стратигъ спасенья
Служилъ защитою на долго намъ?
Но такова Его святая воля —
Оставилъ насъ на вѣки Михаилъ!...
Не воззовутъ его опасности престола,
Враговъ строптивыхъ козни и крамола! —
Онъ въ сонмѣ Ангельскихъ безплотныхъ силъ
О родинѣ моленія возноситъ.
Такъ, дѣти, имъ поддерживался тронъ;
Онъ былъ вѣнецъ вождей и нашъ оплотъ,
Его намъ въ милости послало Провидѣнье,
И гнѣвное, — назадъ свой даръ берётъ.
Покорствуйте-жъ святому назначенью,
Примите съ твердостью ударъ судьбы;
Кто могъ перемѣнить ея уставы?
Безсильны передъ ней Цари, питомцы славы;
Желанія людскія и мольбы
Не могутъ укротить ея десницы!...
Съ начала міра Вѣчный положилъ
Законы ей, далъ власть и очертилъ границы;
Онъ видѣлъ все, что міръ днесь совершилъ,
Добро и зло, и ропотъ и моленья!...
Покорствуйте: Онъ благъ, Отецъ земныхъ дѣтей;
Умѣрьте горесть словомъ Откровенья —
И вознеситеся надъ ней!
Кто довершитъ спасеніе отчизны,
Когда меня и васъ печаль убьетъ?

Ей дорога минута нашей жизни:
Вы ей одни—надежда и оплотъ!
Прибѣгните къ Творцу съ мольбами упованья.
Удары часто шлетъ судьба для испытанья!...
О дѣти скорбные!... за мной во храмъ—
Передъ Творцомъ излить и горесть и моленья.
Небесный и Земной да будутъ вамъ
Примѣръ, Надежда, Утѣшенье!...

(Идетъ. За нимъ слѣдуетъ народъ въ глубокой печали).

ДЕЛАГАРДИ *(остается).*

Творецъ!... къ чему такія испытанья?
Мой лучшій другъ! ты въ вѣчность преселился
Во цвѣтѣ лѣтъ,—и твой послѣдній часъ
Приблизила не лютая болѣзнь,
Не мощный врагъ на полѣ бранной чести,...
Но женщина.... въ отчизнѣ! и изъ мести!...

Явленіе IX-е.

ОЛЬГА *(выходитъ блѣдная, съ распущенными волосами).*

Не ты-ль зовешь меня, о Михаилъ,
Въ свои объятья симъ унылымъ гласомъ?
Я слышала... мой Боже!... Нѣтъ, онъ живъ—
Онъ живъ?.... зачѣмъ-же этотъ вѣщій колколъ
Звонитъ протяжно? весь народъ въ печали?—
Огонь во храмахъ и толпятся люди?—
И всѣ идутъ къ моленью со слезами?
О, то не радостныя слезы.... нѣтъ!
Но гдѣ-же онъ?... что сдѣлалось со мною?
Какой пылаетъ жаръ во мнѣ?... о колколъ!...
Ты мнѣ тревожишь душу воплемъ.

(Закрываетъ лице руками и по нѣкоторомъ молчаніи).

И такъ его печальные остатки
Земля сырая приметъ, гробъ унылый
Сокроетъ тлѣнный прахъ его отъ насъ,
И обростетъ травою холмъ могильный!
Огнемъ любви блиставшіе глаза
Закрыла смерть холодною рукою—
И жаръ ланитъ погасъ въ ея дыханьи!...
Онъ мертвъ!... онъ прахъ!... а я еще жива!
Онъ больше не простретъ ко мнѣ объятій,
Мнѣ о любви не станетъ говорить!

(Въ безпамятствѣ).

Какъ?... отъ чего не станетъ?... кто
Идетъ ко мнѣ?—то юный Михаилъ!...
Не съ поля-ль брани юный витязь мой
Идетъ ко мнѣ въ знакомую обитель?
Иди!—перекрестись кровавою рукой
Передъ иконою святой...
Вотъ Матерь Божія и вотъ Спаситель!...
Теперь съ любовію простри мнѣ руки!...
Но взоръ недвижимъ твой, твои объятья
Хладны какъ ледъ, ты весь въ крови: то кровь
Враговъ твоихъ... но ты молчишь, и трепетъ
Проникнулъ въ душу мнѣ. *(Съ ужасомъ)* Скажи!... не тѣнь-ли
Твоя пришла со мной теперь проститься?...

(Молчаніе. Подходя впередъ).

Ты палъ съ мечемъ въ рукахъ на полѣ брани—
Разстался съ жизнію, грозя врагамъ,
И стиснувъ мечъ въ могущественной длани!...
Но ты молчишь, запекшіясь уста
Безмолвны; ты идешь.... прости!...
О Михаилъ! еще въ послѣдній разъ....
Но нѣтъ тебя.... и мракъ вездѣ ужасный!...

(Шатается).

Огонь!... яви въ огнѣ... мнѣ душно, страхъ:
Въ глазахъ темно и я ослабѣваю—
Гдѣ, другъ мой, ты?... приди! я умираю.

(Падаетъ въ изнеможеніи. Занавѣсъ опускается).

Конецъ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе I-е.

ОЛЬГА и ДИМИТРІЙ.

ОЛЬГА.

Поклонъ тебѣ отъ Князя Михаила!
Я видѣла его — какъ онъ прекрасенъ!
Онъ, правда, блѣденъ сталъ и взоры
Недвижны! что-жъ нужды?... люблю я душу—
А у него душа прекрасна!
Чиста, открыта... да! открыта—тѣло
Ее не удручаетъ! *(Хватается за голову).* Боже! что я?

ДИМИТРІЙ *(съ трепетомъ).*

Нещастная.

ОЛЬГА.

Нещастная?... ты правъ:
Онъ навѣщать меня сталъ рѣдко; впрочемъ,
Какъ часто приходить сюда?... тотъ міръ
Далёкъ отъ этого; въ разлукѣ съ нимъ
Себя я пѣснью утѣшаю; горесть
Моя тогда облегчена слезами
И мысли чище; я спою, хотите?
Нѣтъ его!... и тлѣнный прахъ
Приняла земля сырая,

Духъ витаетъ въ небесахъ,
Тамъ, гдѣ мать моя родная!
И ее нѣтъ на земли?
Такъ зачѣмъ-же одиноко
Я живу въ тоскѣ глубокой?
Дни блаженства протекли!...
Жизнь покрылась смутнымъ мракомъ!
Я жила доселѣ имъ —
И живу его призракомъ! —
Духъ печалію томимъ:
Полно въ мірѣ оставаться,
Нечѣмъ больше въ немъ плѣняться!
Смерть — одна отрада мнѣ!
Буду съ нимъ въ одной странѣ...
Я буду съ нимъ! увижу Михаила!...

(Дико).

Смотри: вонъ тамъ разверзлася могила,
И призракъ блѣдный изъ нея встаетъ;
Смотри — вотъ онъ теперь паритъ надъ нами,
Привѣтливо круги віетъ —
Своими свѣтозарными крылами!...
Приду, приду, мой другъ — не долго ждать!...
Скажи-же, гдѣ мою оставилъ мать?...
Ахъ, вотъ она... съ какой улыбкой...
Лечу, лечу!...

(Бѣжитъ).

Явленіе II-е.

ДИМИТРІЙ *(одинъ).*

Повсюду месть Небесъ, вездѣ укоры!
Покоя нѣтъ—несносны люди мнѣ:
Ихъ лесть, ихъ подозрительные взоры
Убійственны; страшусь наединѣ—

И въ душу трепетъ адскій* проникаетъ:
Мнѣ кажется, вездѣ слѣдятъ за мной—
И чужды мнѣ отрада и покой.

(Хочетъ идти, но встрѣчается съ Екатериною).

Явленіе III-е.

ЕКАТЕРИНА.

Остановись, нещастный! сколько жертвъ
Принесъ ты смерти? ненависть твоя
Спасителя отчизны погубила,
И цвѣтъ прелестный—юную подругу:
Она разсудокъ потеряла свой
И въ волны бросилася.—Такъ!...
Исполнилась моихъ злощастій мѣра.

(Показывая ему склянку съ ядомъ).

Тамъ будетъ лучше мнѣ иль хуже?—Богу
Извѣстно; смерть,—о смерть, прими меня**
Въ отрадныя твои объятья!...

ДИМИТРІЙ.

Небо!..

Екатерина, адскій сей напитокъ—
Отрава дней моихъ,—о дай мнѣ—
Сосудъ проклятый!—полно мнѣ терзаться!—
Прости, враждебный міръ—прости, корона,
Причина бѣдъ моихъ и цѣль злодѣйствъ!
На вѣки разлучусь*** я съ вами!...

(Хочетъ взять склянку).

---

* Первоначальная редакція: «тайный».

** Первоначальная редакція:

...смерть, о смерть! прими скорѣй меня...

*** Первоначальная редакція: «разстаюсь».

ЕКАТЕРИНА *(разбивая ее).*

Нѣтъ...
Живи еще!—въ своихъ злодѣйствахъ кайся!...
Пока придетъ твой часъ, пока земля
Не дрогнетъ, потерявъ свое терпѣнье,
Подъ тяжкими разбойника стопами!
Пока сей животворный легкій воздухъ
Дыханіемъ твоимъ не воспалится—
И не пожжетъ тебя... но свѣтъ темнѣетъ...
Палящій огнь по жиламъ пробѣжалъ—
Тѣснится грудь... дыханіе спираетъ—
Горю, горю... о, прохлади гортань!
Я жажду,—смерть... ужасна; о скорѣй!...
Га!... ты... опять пришелъ въ сіи... минуты—
Неумолимый призракъ.... удалися!
Или скорѣй мою исторгни душу!—

(Упадаетъ).

ДИМИТРІЙ.

Мертва!... Злодѣй.... Чего еще?....
Губящій адъ! почто, почто ты медлишь
Къ себѣ принять достойнаго тебя?—
Иль и тебѣ дѣла его ужасны?...

(Смѣется дико).

Я долго тронъ старался обрѣсти,—
Нашелъ... нашелъ—надъ бездною злодѣйства
Я возсѣжу... кровавая порфира
На раменахъ моихъ, сѣкира въ длани—
Проклятье неба на главѣ—корона;
Бездушныя тѣла нещастныхъ жертвъ—
Мои трофеи; страхъ и ужасъ міра—
Мнѣ слава лучшая; мой хоръ хвалебный—
Трескъ пламени въ неугасимомъ адѣ;
Отверженный, союзникъ вѣрный мой,—

А врагъ... *(останавливается)* я врагъ благому Небу?....
О честолюбіе! куда меня повергло?
Въ какую пропасть бѣдствій?... я предатель,
Убійца, проклятъ небомъ и землей!
Предъ мною пропасть, громъ небесный надо мною—

(Падаетъ на колѣна).

Спаси меня, благой Создатель!....

Явленіе IV-е.

(Театръ перемѣняется и представляетъ совѣтъ бояръ и заговорщиковъ со стороны Серпуховской дороги въ Москвѣ. Вдали по временамъ видна пыль и разъѣзды самозванцовой конницы).

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Сограждане!... въ опасности Россія
И вѣрныя принять намъ должно мѣры,—
Врагъ близко, всѣ умы въ волненьи—
И въ бѣдствіяхъ народъ винитъ Царя...
Возстанія должны мы опасаться!
Но если врагъ съ оружіемъ придетъ—
А здѣсь—раздоръ, мятежъ и несогласья!...
Тогда погибла славная Держава—
Подъ скипетромъ разбойника желѣзнымъ,
И прежняго намъ горестнѣе будетъ!—
Сограждане!.... чтобъ избѣжать сихъ бѣдствій,
Чтобъ истребить въ началѣ самомъ зло,
Послѣднее вамъ средство предложу я—
Избрать Царемъ Россіи Владислава!

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ.

Чтобы попрать и вѣру и престолъ?
Чтобъ мощная Держава застонала
Подъ скипетромъ тяжелымъ чужеземца?...
Великая, чтобы низверглась въ прахъ—

Предъ сонмищемъ коварныхъ лицемѣровъ?...
Воззри съ небесъ, великій нашъ Донской!
На бѣдную, гнетомую отчизну—
И сохрани и возвеличь
Страну, тобой спасенную отъ рабства!...
Моли Того, кто выше свѣтлыхъ звѣздъ
Въ величіи, во славѣ, на престолѣ,
Небесными духами окруженъ,
Со благостью о смертныхъ промышляетъ.
Моли его... чтобъ онъ Россію спасъ
Отъ тяжкаго иноплеменныхъ ига!—
Въ Россіи есть достойные мужи—
Не будетъ намъ Царемъ иноплеменникъ!

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ будетъ тотъ, кто, Бога позабывъ,
На замыслы преступные пустился,
Кто родную пролить рѣшился кровь—
Изъ низкаго и злаго властолюбья.

БОЯРИНЪ.

Есть грудь у насъ, чтобъ стать за градъ престольный;
Есть руки, чтобъ мечемъ владѣть—
И есть мечи, чтобъ умертвить тирана!...
Долгъ нашъ—Царя Россіи защитить
И за него сражаться съ цѣлымъ свѣтомъ:
Мы въ вѣрности Василію клялись;
Измѣнника—въ злодѣйствѣ превзойдемъ—
И гнуснаго злодѣя самозванца.

ЛЯПУНОВЪ.

Но Царь клевретами своими избранъ,
Безъ воли и согласія народа;
Какъ быть надъ нимъ Небесъ благословенью?...
Забылись вы? на царствіе вѣнчавшись,

Нарушилъ онъ Божественный обрядъ—
И произнесъ несбыточную клятву;
За это Царь небесъ его караетъ.
Какъ къ вѣрности клялись предъ алтаремъ,
Ужъ рокоталъ въ поляхъ военный громъ—
И кроткій гласъ народныя молитвы
Былъ заглушенъ зловѣщимъ кликомъ битвы.
Теперь, сограждане, изъ насъ кто знаетъ
Причину смерти Князя Михаила?
Освободивъ отчизну отъ враговъ,
Безвременно окончилъ жизнь, во цвѣтѣ:—
Народъ его любилъ, а Царь—боялся....

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Ты правъ, ты правъ—друзья! и мы допустимъ
Безъ мщенія вождя оставить смерть?
Не онъ-ли шелъ безстрашно въ бой за насъ?
Не онъ-ли кровь свою лилъ за отчизну?
Не онъ-ли спасъ её и съ миромъ вшелъ
Къ намъ въ древнюю, священную столицу?
Мы проливали радостныя слёзы;
Мы думали, что солнце возсіяетъ
На нашемъ омраченномъ небосклонѣ—
Оно блеснуло намъ—и закатилось!...

ДРУГОЙ.

О, юный вождь, прекрасный Михаилъ,
Мы за тебя должны вооружиться!
Ты насъ освобождалъ, забывъ о жизни—
Мы смерть твою—не смѣемъ отомстить!
Друзья!... Друзья!... Василія съ престола,
Какъ хищника, должны низвергнуть мы.

1-Й БОЯРИНЪ.

Какъ хищника? вотъ подданный! Не клялся-ль
Ты въ вѣрности законному Царю?...

Не клялся-ли, что будешь сохранять
Престолъ его, и жизнь, и честь, и славу?
Не клялся-ли, что кровь свою прольешь
При случаѣ опасности Царевой?...
Не клялся-ль ты, измѣнникъ, говори!...

ЛЯПУНОВЪ.

Негодованіе тебѣ внушаетъ рѣчь—
Послушайся!... вѣрнѣй обдумай, лучше—
Что предложу совѣту я:
Тушинскіе бояре согласились—
Отречься самозванца, если мы
Низвергнемъ Шуйскаго съ престола—
И съ нами за одно избрать Царя!...

2-й БОЯРИНЪ.

Могу-ль мое я мнѣнье произнесть?
Когда Царемъ законнымъ недовольны,
Когда онъ слабъ къ тому, чтобы держать
Бразды правленія въ своей десницѣ,
Не лучше-ль въ Швеціи Царя избрать?
Благоразумный, храбрый вождь, союзникъ
Вѣрнѣйшій,—Делагарди предлагаетъ—
Избрать могучаго ихъ властелина
Себѣ въ Цари—ему враги поляки;
Онъ защититъ отъ нихъ святую Русь—
Его владычество не такъ опасно
Для самобытья, счастія Россіи:
А Владиславъ.... подъ именемъ его
Владычествовать будетъ сонмъ вельможъ
Предателей—и Царь достойный ихъ.

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Бояре!.. наши мнѣнья разногласны!
Но видите-ль?... въ предѣлахъ нашихъ хищникъ!—

Исполнимъ мы желаніе народа...
И самъ Всевышній намъ Царя назначитъ!
Василію не сдѣлаемъ вреда,—
И снявъ съ него священную корону,
Ему дадимъ мы полную свободу.
Его рука слаба и скиптръ нещастливъ:
Россіи бѣдствія, смерть Михаила—
Все убиваетъ доблій нашъ народъ
И противъ Шуйскаго предубѣждаетъ.
Рѣшитесь, добліе сограждане мои!
Пойдемъ и Гермогена убѣдимъ,
Чтобъ онъ своимъ святительскимъ вѣщаньемъ
Народъ на дѣло славное подвигнулъ—
Отечества освобожденье!... *(Ляпунову)*. Прежде
Пойдемъ къ Царю; быть можетъ и безъ шуму
Мы убѣдимъ его *(къ Засѣкину)*: а ты поди
Проси и угрожай всѣмъ Гермогену....

ЗАСѢКИНЪ.

Напрасно все; онъ только говоритъ,
Что всякій Царь помазанникъ Небесъ:
Кто врагъ ему—тотъ врагъ судьбѣ и Богу!...

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Другую-жъ мы возьмемъ дорогу!...

(Уходятъ).
(Остаются два боярина).

Явленіе V-е.

1-Й БОЯРИНЪ.

Вотъ такъ преступные невинныхъ ослѣпляютъ,
Вотъ такъ приверженный къ Царямъ своимъ народъ
Изъ низкой зависти и злобы развращаютъ,
И онъ, закрывъ глаза, на путь злодѣйствъ идетъ,

Пріявъ измѣнниковъ презрѣнныхъ увѣренья!
Напрасно имъ даетъ благія наставленья
Высокій пастырь душъ, священный Филаретъ:
Не внемлетъ больше имъ отверженная злоба,
Ихъ адскимъ подвигамъ предѣловъ больше нѣтъ;
Злодѣйствовать готовъ измѣнникъ и у гроба!

Явленіе VI-е.

(Дворецъ Царской).

ЛЯПУНОВЪ и ВОРОТЫНСКІЙ.

ЛЯПУНОВЪ.

Крѣпись, соедини въ душѣ
Всѣ чувства ненависти, мщенья,
И подъ личиною притворства ихъ сокрой!
Но вотъ онъ самъ идетъ сюда. Смотри-же,
Не измѣняй себѣ.

Явленіе VII-е.

ВАСИЛІЙ.

Мои друзья!
О чемъ, уединясь, бесѣдуете вы?

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Какъ сынъ отечества, могу-ли быть спокоенъ,
Когда въ опасности Россійскій тронъ,
Когда въ опасности мой Царь и братъ?

В. ШУЙСКІЙ.

Благодарю тебя, любезный Князь,
Твою любовь и нѣжное участье—

Повѣрь, повѣрь—я дорого цѣню...
Ты тоже здѣсь, любезный Ляпуновъ,
О благѣ родины бесѣдуешь!
Могу-ли я назваться нещастливымъ,
Коль подданные у меня такіе?

ЛЯПУНОВЪ.

Но много-ль ихъ?... Великій Государь!
О, если-бъ всѣ съ такою-же любовью,
Преданностью и вѣрѣ и престолу,
Съ такою-жъ вѣрностью и духомъ были—
То были-бъ счастливы и подданный и Царь;
Но—ужасъ!—нынѣ адскій, злобный духъ
Богопротивныя въ народѣ сѣетъ мысли:
Всѣ бѣдствія приписаны тебѣ—
Твой скиптръ твоихъ злодѣевъ прикрываетъ.

(Становится на колѣна).

О Царь! у ногъ твоихъ молю тебя:
Оставь свою златую багряницу,—
Она тебѣ, по-истинѣ, опасна!

ВАСИЛІЙ.

Я Русскаго въ тебѣ не узнаю*;
О, встань: ты жалокъ мнѣ, поклонникъ рабскій,
Поклонникъ случая и суеты!
Неужли думаешь, что царскій санъ,
Что золотомъ блестящую порфиру,
Что мощный скиптръ, священную корону
Я принялъ, чтобъ на лонѣ праздномъ нѣги
Покоиться? Нѣтъ:—защищать народъ,
Покоить подданныхъ, карать злодѣевъ,

---

* Первоначальная редакція:
О, встань, ты жалокъ мнѣ поклонникъ рабскій
Земныхъ суетъ и случая, въ тебѣ
Я Русскаго теперь не узнаю!

И награждать достойныхъ награжденья!
Нѣтъ, не за тѣмъ, чтобъ въ самое то время,
Какъ дерзкій нашъ, богоотступный врагъ,
Ругаяся священной кровью Царской,
Съ мечемъ въ рукахъ идетъ къ стѣнамъ Москвы,
Взять скиптръ златой кровавыми руками
И возложить прославленный вѣнецъ
На буйную разбойника главу;
Чтобы въ опасное для царства время,—
Коль плаваетъ въ крови своей Россія,
Я, положившись на моихъ любимцевъ,
Въ бездѣйствіи и праздности дремалъ:
Но для того, чтобы поднять перуны—
И мстящею десницей въ дольній прахъ
Низвергнуть и попрать враговъ отчизны!
Дерзну-ли я на произволъ судьбы
Священное Отечество оставить?
Отъ страха смерти съ трона низойти,
Облекшися позоромъ и презрѣньемъ?
И на боязнію развѣнчанной главѣ
Потомства судъ носить и подданныхъ упреки?
О, нѣтъ! и въ гибельный ужасный часъ,
Когда мои чертоги, полны крови,
Въ волнахъ своихъ затопятъ мой престолъ—
Я буду подымать еще десницу
За родину, за Царство Русское!... *
Не властолюбье мною управляетъ—
Нѣтъ: чистая, священная любовь
Къ отечеству и къ подданнымъ моимъ;
Для нихъ готовъ оставить я корону!
Для блага ихъ, но не изъ страха смерти!
О, нѣтъ, друзья, когда хотите вы
Приверженность свою мнѣ доказать,

* Въ первоначальной редакціи рѣчь В. Шуйскаго и явленіе оканчивались этимъ стихомъ.

Заботьтеся о счастіи отчизны,
Безъ сожалѣнія о мнѣ и вашей жизни!

(Уходитъ).

Явленіе VIII-е.

ЛЯПУНОВЪ.

Безъ сожалѣнія ударъ несу
Тебѣ, кичливый Царь, и первый лучъ
Блеснувшаго на горизонтѣ солнца
Не въ царственномъ вѣнцѣ тебя освѣтитъ,
Не въ златотканной пышной багряницѣ—
Но въ рубищѣ и бѣдной власяницѣ!

Конецъ 4-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Театръ представляетъ тронную комнату Шуйскаго. При открытіи занавѣса слышенъ стукъ толпящагося народа и звукъ оружія).

Явленіе I-е.

К. ВОРОТЫНСКІЙ.

Вламывается съ толпою народа въ двери; съ обнаженнымъ мечемъ вслѣдъ за нимъ входятъ)

ЛЯПУНОВЪ и ЗАСѢКИНЪ.

К. ВОРОТЫНСКІЙ *(вдругъ останавливается).*

Ни съ мѣста дальше: тронъ, предѣлъ отмщенья!
Приди сюда теперь, властитель гордый,
Явися предъ лице народа; онъ
Съ покорностью не ждетъ твоихъ велѣній.
Нѣтъ, онъ готовъ карающей десницей
Самихъ Небесъ корону снять съ тебя!...
Народа гласъ—есть гласъ благаго Бога!—
Народа гласъ тебѣ приноситъ въ даръ проклятье!...

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

(Выходитъ въ царской одеждѣ, коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ въ рукахъ; изумленный народъ отступаетъ съ почтеніемъ).

Богъ милуетъ, а люди проклинаютъ!—
И Царь, святыхъ Небесъ помазанникъ,

Рукою хищниковъ не долженъ быть развѣнчанъ.
Народъ! чего ты хощешь отъ меня?

ЛЯПУНОВЪ.

Короны!

ВАСИЛІЙ.

Вотъ она; для блага Русскихъ
Готовъ я снять её — вручить народу,
Но не измѣнникамъ преступнымъ! Да,
Я посвятилъ себя Руси на пользу,
И въ жертву радъ принесть себя сей пользѣ!
Но прежде, нежели вѣнецъ мой царскій
Сниму съ главы моей, скажите мнѣ:
Что къ мятежу васъ понуждаетъ?

ЗАСѢКИНЪ.

Съ тѣхъ поръ,
Какъ ты принялъ священное кормило
Правленія, отяготилась Русь,
Злосчастная, ужасными бѣдами,
Какъ-бы забытая на вѣки Небесами.

В. ШУЙСКІЙ.

Съ терпѣніемъ, съ надеждою на Бога
Мы можемъ бѣдствія преодолѣть,
И съединивши наши силы,
Попрать враговъ и возвратить блаженный,
Счастливый миръ, спокойствіе Россіи!
Не низкое и злое властолюбье
Меня носить порфиру заставляетъ —
Нѣтъ—благо родины; но если вы
Желаете—вотъ скиптръ и вотъ корона! *(Снимаетъ корону).*

К. ВОРОТЫНСКІЙ *(приближается, чтобы взять ее).*

ВАСИЛІЙ *(вынимая мечъ).*

Прочь, хищники! она принадлежитъ
Россіи; Небо мнѣ ее вручило:
Оно и взять должно въ лицѣ народа.
Не то,—изъ рукъ моихъ исторгнете
Символъ священный власти Царской
Лишь вмѣстѣ съ жизнію, съ послѣднимъ только
Біеньемъ сердца!... Прочь, злодѣи! я вашъ Царь!

ЛЯПУНОВЪ *(къ народу).*

О доблестный народъ!... Какъ можешь ты
Сносить поднесь и дерзость и упорство
Властителя, котораго десница—
Какъ иго тяжкое надъ православной,
Святою, древнею, богохранимой Русью
Возлегши, миръ и счастье подавила!
Прочь власть зловредная—друзья! мы свергнемъ
Съ короной Шуйскаго проклятіе Небесъ!
Народъ, народъ! воскресни падшимъ духомъ
За счастіе, за вѣру, за свободу,
За прахъ отцовъ!... мы твердою рукою
Богопротивную Василья свергнемъ власть.
Кто любитъ Бога и свою отчизну—
За мной!... не то... сей вѣроломный
Готовъ уже всѣхъ подданныхъ предать
Иноплеменникамъ и злому самозванцу—

(Съ притворнымъ ужасомъ).

И гробы праотцевъ и Божьи храмы,
И бѣлокаменной Москвы палаты,
И драгоцѣнности—все хищный врагъ,
Дрожащими отъ ярости руками,
Корыстолюбія палимый адской жаждой,
И злобою отверженныхъ отъ Неба,
Все истребитъ—а насъ предастъ мечу!

Народъ! за мной! за вѣру, за Россію!

(Народъ повторяетъ восклицанія):

За вѣру, за Россію!...

ВАСИЛІЙ *(снимая корону):*

Свершилось все... и торжествуетъ злоба!...
Развѣнчанный отъ подданныхъ своихъ,
Я возвратилъ имъ власть, мнѣ данную отъ Бога!....
И Небеса пусть сами судятъ ихъ!
Народъ! что̂ сдѣлалъ ты?... Святое мщенье
Быть можетъ бѣдствіемъ обременитъ
Тебя надолго; знаю, Провидѣнье
Готовитъ ужъ перуны грозной мести—
Твой небосклонъ одѣлся мракомъ тучъ.
Но я молюсь, да солнца свѣтлый лучъ,
Лучъ благости надъ Русью возсіяетъ.—
Творецъ! оставь перунъ отмщенья!
Или враговъ святой Руси
Громами неба порази!...
Но, хищники! дерзнете-ли сравнить
Вы жалкій жребій вашъ съ моей судьбою?
Покойный совѣстью, счастливъ и безъ престола!
Но вы—вчера во мракѣ пресмыкались
Передо мной; еще вы нынѣ лестью,
Симъ свойствомъ низкихъ душъ, старались
Закрыть мои глаза—и усыпить мой духъ;
Зачѣмъ?... или боялись вы
Придти сюда въ разбойническомъ видѣ?
Боялись, говорю я, потому,
Что всѣ разбойники должны бояться
Не Бога... нѣтъ, одной позорной казни—
И не за тѣмъ, что казнь позорна,
Но что должна пресѣчь имъ навсегда
Къ высокой цѣли ихъ дорогу:
Вредить людямъ и быть противнымъ Богу!

Я не жалѣю о потерѣ трона —
Но бѣдствіе Руси меня страшитъ;
Безъ высшей власти, безъ закона,
Она слаба; ее поработить
Давно уже крамольники стремятся;
Ее спасалъ лишь дивный Богъ!
Онъ былъ ея защитникъ, Онъ помогъ
Вождю младому:—но теперь бояться
Она должна своихъ враговъ.
Не отступись, о Правосудный Боже!
Заблудшихся твоихъ сыновъ;
Не мсти! мнѣ счастье ихъ дороже,
Чѣмъ багряница, тронъ и скиптръ златой!
Я выше сталъ—властитель надъ судьбой,
Я Царь и одного себѣ Царя лишь знаю;
Коварство, почести и козни презираю!

ЛЯПУНОВЪ.

Терзайся ты теперь въ безсильной злобѣ —
Освобожденье мы должны торжествовать!
Ликуй народъ—сей день начало счастья,
Мы въ радости, весельи проведемъ!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Шуйскаго; стража остается у дверей).

Явленіе II-е.

ВАСИЛІЙ *(одинъ).*

Что-жъ Царскій санъ и почести мірскія?...
На что къ добру стремленіе души?
Что-жъ нашей славы звуки громовые?
Развѣнчанный полуночи Властитель,
Могучій Царь короны отчуждёнъ,
Обширныхъ странъ державный Повелитель
Неволею предалъ священный тронъ
Разбойникамъ. Великій нашъ Спаситель!

Гдѣ-жъ правосудіе и гдѣ законы?...
Творецъ, прости минутное роптанье...
Порывъ души, повергнутой въ страданье!
Не долженъ-ли я дать отвѣтъ народу
За бѣдствія его?.. Нѣтъ, Небесамъ
И въ судный грозный день, когда природу
Обыметъ огнь и землю къ облакамъ
Приблизитъ гнѣвъ карающаго Бога—
Въ тотъ страшный день отвѣта я не дамъ.
Какъ-будто съ самой нѣжной колыбели
За мной слѣдитъ ужасный бичъ судьбы,
Какъ-будто Небеса меня презрѣли!
Все тщетно было — теплыя мольбы,
Награды, милости, благотворенья,
Не умилили Провидѣнья!...
И взялъ народъ назадъ свою свободу!
Свобода-ль то?... Они рабы страстей,
Поправшіе священную державу,
Презрѣвшіе высокій санъ Царей
И потемнившіе своей отчизны славу!
Они по своему сей даръ употребятъ!
Вокругъ Руси пылаетъ адъ.
Какъ потушить его, когда раздоры
Унизили и подавили духъ
Народа, въ комъ искать ему опоры?...
Въ иноплеменникахъ!... и всякій въ слухъ
Готовъ меня въ незнаньи обвинить
И трусости... Имъ отказать? то злоба
Со всѣхъ сторонъ на Царство налетитъ,
Рушительной рукой все истребитъ—
Отъ трона Царскаго до тлѣющаго гроба!
И предпочелъ я временное горе—
Но мнѣ не выполнить моихъ надеждъ!
Я подданныхъ на треволненномъ морѣ
Оставилъ въ страшномъ, грозномъ морѣ бѣдъ.
Молю Творца—незримый духъ Хранитель

На счастья путь ихъ да ведетъ! —
А я, Руси свободный гражданинъ,
Развѣнчанный ея Властитель —
Доколь во мнѣ горитъ огонь земныя жизни,
Клянусь заботиться о счастіи отчизны!...

Явленіе III-е.

ВАСИЛІЙ и МАРІЯ.

МАРІЯ.

Супругъ!

ВАСИЛІЙ.

О, Ангелъ утѣшитель!
Твой взоръ и въ бѣдствіи отрада.
Утѣшься ты.... зачѣмъ теряешь слезы?
Премѣна жизни, званіе — достойны - ль,
Чтобы глаза твои роняли перлы?...
Чтобы твоя небесная улыбка
Печалію минутной омрачилась?
Оставимъ жалкимъ, низкимъ властолюбцамъ
Оплакивать лишеніе престола —
Мы будемъ счастливы и безъ порфиры!

МАРІЯ.

О, нѣтъ, Василій, мы должны съ тобою
Разстаться—и на вѣки.

ВАСИЛІЙ *(съ ужасомъ)*.

Что?

МАРІЯ.

Разстаться!...

ВАСИЛІЙ (*съ яростью*).

Кто, кто осмѣлится? Я съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ сражаться; пусть исторгнутъ духъ:
Тогда возьмутъ изъ рукъ моихъ Марію.—
Придите вы сюда, полки злодѣевъ,
Съ сѣкирами, мечами и стрѣлами,
Направьте на меня орудія убійства!
Мнѣ ваша злоба силы придаетъ:
Однимъ ударомъ я васъ ниспровергну,
Вы плавать будете въ своей крови.

МАРІЯ.

Василій!... Боже!... онъ въ безумствѣ!
Что сдѣлаешь своимъ упорствомъ?
Дослушай ты меня, скрѣпися духомъ.

ВАСИЛІЙ.

Я слушаю.

МАРІЯ.

Совѣтъ крамольныхъ положилъ—
Я слышала—насъ разлучить съ тобою
И заключить на вѣки въ монастырь!...

В. ШУЙСКІЙ.

Что?... въ монастырь?... о кровопійцы!
О родъ отверженныхъ, измѣнные любимцы!
Еще, еще ужасное насильство!...
Имъ мало—снять съ меня порфиру
Разбойниковъ рукою хищной, гнусной,—
Они хотятъ отнять мое все счастье—
Любезную, дражайшую супругу!
О нѣтъ, я лягу здѣсь на мѣстѣ
Подъ гнусными мечами кровопійцъ,

Но не пойду, но не пущу тебя! Намъ Богъ
Поможетъ: Онъ невинныхъ защищаетъ.

МАРІЯ.

Молись ему...: а я пойду—готова
Упасть къ ногамъ...

ВАСИЛІЙ *(съ негодованіемъ).*

Оставь, оставь Марія!
Предъ дьяволами божество
Вовѣки преклониться не должно.
Поди отсель: сюда идетъ разбойникъ.

(Марія уходитъ).

Явленіе IV-е.

ВАСИЛІЙ и ЛЯПУНОВЪ.

ЛЯПУНОВЪ.

Народа волю вамъ я возвѣщаю:
Заботяся о благѣ всей отчизны,
Тебя низвелъ съ престола твой народъ;
А нынѣ онъ опредѣляетъ вамъ
Обоимъ, какъ людямъ весьма опаснымъ
И вреднымъ общей тишинѣ и благу—
Какъ людямъ, коихъ ненависть и злоба,
И чувство мщенія слѣпаго
Подвигнуть могутъ къ злымъ дѣламъ, противнымъ
Спокойствію и благу государства;
Особенно въ теперешнее время,
Когда враги внутри и внѣ Руси,
Съ подъятыми мечами истребленья,
На Русь злосчастную вперяютъ взоры;—
Народъ, я говорю, опредѣлилъ вамъ—

Немедленно принять смиренный санъ
Монаховъ...

ВАСИЛІЙ *(съ негодованіемъ).*

Что? кто можетъ повелѣть
Свободному Россіи гражданину
Влачить презрѣнныя оковы рабства?
Вчера еще носившему порфиру
Разбойникамъ повиноваться...

ЛЯПУНОВЪ.

Такъ
Опредѣлилъ народъ, совѣтъ бояръ...
Какъ можешь ты ослушаться?

ВАСИЛІЙ.

Могу:
Отнявши скиптръ, вы воли не отъяли;
Доколѣ жизнь горитъ въ крови моей,
Доколѣ Шуйскій я—съ покорностью
Къ презрѣннымъ хищникамъ, съ боязнью низкой,
Не стану принимать ихъ дерзкихъ повелѣній.—

ЛЯПУНОВЪ.

Такъ мы тебя заставимъ скоро. Стража!

(Стража входитъ со всѣхъ сторонъ).

ВАСИЛІЙ.

Поставь еще злодѣевъ легіоны,
Дай копья имъ, мечи, луки и стрѣлы,
Пусть разятъ меня или насильно
Какъ трупъ бездушный пусть влекутъ меня
На постриженье!—

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ безумный; воины!...
Обстаньте дворъ кругомъ; Маріи комнаты—
Стрегите ихъ, пока призывный колоколъ
Развѣнчаннымъ, пока Неба гласъ громовый,
Съ симъ міромъ прозвучитъ разлуку!

(Стражи расходятся).

ВАСИЛІЙ.

Боже!...
Почто я слабъ?... Ты долготерпѣливъ!
Возьми Свои священные перуны,
На землю грянь, пожги злодѣевъ племя:—
И свѣтлый міръ согласными душами
Воздастъ хвалу Тебѣ! Но небеса
Безоблачны, красивы, чисты, ясны,
Какъ въ первый день созданья; не пошлешь
Карающихъ перуновъ ты злодѣямъ;
Ты долженъ будешь истребить творенье
Твое; большая часть людей погибнетъ.
Ты далъ имъ срокъ; пусть торжествуютъ; скоро
Ты ихъ пробудишь гласомъ трубъ громовымъ—
И поколеблется земля подъ ихъ стопами,
И адъ пылающій въ свои объятья приметъ
Любимцевъ, сверстниковъ своихъ и братьевъ.

(Къ Ляпунову).

И ты увидишь спутниковъ незримыхъ
Твоей преступной, жалкой жизни—
Твоихъ совѣтниковъ всегдашнихъ,
Ты воплощенную увидишь злобу!—
Когда-бъ ты зналъ, въ какомъ прекрасномъ видѣ
Она тебѣ покажется, какое
Тамъ будетъ общество обширное!...
Знакомы будете другъ другу вы:—

Тамъ скрежетъ—музыка и пѣнье будетъ плачь,
Кипящая смола—напитокъ сладкій.

ЛЯПУНОВЪ *(содрагаясь).*

Когда окончишь ты?...

ВАСИЛІЙ.

Я... кончилъ!

ЛЯПУНОВЪ.

Готовься же къ прощанію съ друзьями.
Мы много времени тебѣ дадимъ
Къ тому, чтобы обдумать лучше
Предметъ, который ты такъ славно описалъ.

(Уходитъ).

Явленіе V-е.

ВАСИЛІЙ *(одинъ).*

Злодѣй!... Вотъ кому вручиться можетъ
Правленіе надъ доблестнымъ народомъ!
Зачѣмъ во мнѣ нѣтъ столько силы?
Я-бы потрясъ и низпровергнулъ домы,
Я въ прахъ преобратилъ-бы эту стражу...
Внутри и внѣ Руси противниковъ ея
Смирилъ-бы, и вознесъ ее на степень
Могущества, величія, блаженства...
Но нѣтъ—я человѣкъ; приверженныхъ мнѣ мало—
По легкомыслію народъ присталъ къ злодѣямъ
И сдѣлалъ зло, Руси добро желая.—
Раскается онъ скоро; но, Творецъ!
Не дай ему раскаяться бѣдами!...

(По нѣкоторомъ молчаніи).

Мирское поприще окончено!
О Шуйскій! въ будущемъ ты много видѣлъ,

Мечталъ о многомъ ты, желалъ, старался,
Надѣялся, теперь твои надежды
Разсѣялись. Кто могъ воображать,
Что счастіе Руси подъ власяницей?

Явленіе VI-е.

ВАСИЛІЙ и МАРІЯ.

ВАСИЛІЙ.

Напрасно ты свои теряешь слезы!
Пусть насъ влекутъ злодѣи въ монастырь,
Пусть разлучатъ на вѣки насъ съ тобою!—
Въ минуты скорбныя прощанья съ міромъ
Пребуду я какъ хладный камень;
Въ отвѣтъ не дамъ ни слова; хищники
Пусть заключатъ насильственно меня—
Безъ церемоніи наружной, безъ обрядовъ;
Я не позволю имъ прикрыть злодѣйство
Священнымъ благочестія покровомъ.
Пусть міръ весь знаетъ, что они злодѣи,
Какъ это знаетъ правосудный Богъ,—
Священною десницей написавшій
Ихъ адскій подвигъ въ книгѣ осужденья!
Еще къ тебѣ одно моленье:
Неисповѣдимо судьбамъ
Угодно было разлучить насъ;—
Съ покорностью къ судьбѣ и твердостію въ сердцѣ
Перенеси ея удары!...
Ихъ посылаетъ Богъ для испытанья—
И наградитъ сторицей за страданье!...

МАРІЯ.

Конецъ мірскому житію,
Конецъ земнымъ надеждамъ, наслажденьямъ!—

Я въ нѣдра вѣчности иду:
О вѣчность!... какъ ужасно это слово
Не испытавшимъ бѣдъ!
Бездонный, безконечный мракъ,
Терновый путь къ блаженству неземному!...
Отдѣлена гранитными стѣнами
Отъ суеты мірской,
Съ нетлѣнными благими Небесами
Слiюся я на вѣкъ моей душой:
Позволю лишь себѣ одно желанье:—
Святыхъ вѣнецъ стяжать за испытанье;
Перенося бѣды безъ скорбнаго недуга,
Достойной быть Державнаго супруга!

В. ШУЙСКІЙ.

Отецъ міровъ! прости еще роптанье...
Зачѣмъ такъ скоро Ты отнялъ
Такое благо—Ангелъ свѣтлый неба
Облекся въ тлѣнный образъ человѣка—
И отъ злодѣевъ пострадалъ!

(Ударъ колокола. Входятъ К. Засѣкинъ, Ляпуновъ, Воротынскій и прочіе).

МАРІЯ.

Звучитъ ужасный вѣстникъ разставанья—
Прости.

ВАСИЛІЙ *(показывая на небеса, прерывающимся голосомъ).*

До радостныхъ минутъ свиданья!

(Занавѣсъ опускается).

КОНЕЦЪ.

ПРОЗА.

МОЯ МЕТАФИЗИКА.

Природа существуетъ (знаніе, основанное на вѣрѣ въ чувства). Ея существованіе обнаруживается постояннымъ поддерживаніемъ самой себя—ражданіемъ. Жизнь природы есть непрерывное творчество, и хотя все въ ней раждающееся умираетъ, ничто не гибнетъ въ ней, не уничтожается: ибо смерть есть рожденіе *. Не знаю, почему говорятъ многіе: въ природѣ есть *сила творящая;* не знаю, какъ можно представить природу трупомъ, въ который входитъ нѣчто чуждое и одушевляетъ его; не знаю, почему не сказать—природа есть Сила, Жизнь, Творчество.

Цѣлое природы составлено изъ недѣлимыхъ; каждое недѣлимое живетъ на основаніи общихъ законовъ, есть часть общей жизни природы. Одна и та же жизнь развивается въ различныхъ видахъ, но одинаково, по своимъ законамъ. Въ каждомъ недѣлимомъ жизнь эта дѣйствуетъ независимо отъ него, всегда почти безъ его сознанія и всегда безъ его воли, повинуясь себѣ самой, своимъ законамъ, которые вѣчны и непреложны, слѣдовательно составляютъ сущность ея. Многія недѣлимыя не сознаютъ себя, но жизнь, во всѣхъ ихъ распространенная, сознаетъ себя, ибо дѣйствуетъ цѣлесообразно (zweckmässig), слѣдовательно, жизнь есть разумѣніе. Итакъ, жизнь въ цѣломъ есть Разумѣніе.

Въ *цѣломъ* природа есть Разумѣніе. Съ симъ сознаніемъ заря утѣшенія восходитъ для человѣка; онъ не по-

---

* Смерть есть разрушеніе; разрушеніе въ природѣ есть перехожденіе изъ одного состоянія въ другое. Смерть одного звена природы есть рожденіе другаго. Вода, уничтожаясь, переходитъ въ пары; воздухъ дѣлается водою; человѣкъ становится землею; земля перерождается въ растеніе (раз. при условіяхъ).

Примѣчаніе Станкевича.

терянъ въ безконечности творенія, онъ выполняетъ наравнѣ съ прочими тварями жизнь природы. Но это не одно его назначеніе: онъ можетъ возвышаться надъ видимымъ; онъ можетъ восходить къ Разумѣнію, отождетворяться (s'identifier) съ нимъ; можетъ проникнуть его законы, провидѣть его цѣли, чувствовать красоту созданія; онъ можетъ вѣрить, надѣяться, любить. *Вѣрить*, ибо законы его Творца непреложны, земля и небо идутъ мимо, слова же Его не идутъ мимо; *надѣяться*, всѣ цѣли Его—благо; *любить*, ибо Онъ (Разумъ, Творецъ) прекрасенъ въ своемъ созданіи: прекрасенъ въ своемъ образѣ—человѣкѣ. Такъ, человѣкъ есть Его образъ (человѣкъ въ чистомъ смыслѣ, сохранившій все то, что составляетъ человѣчество, humanitas, и воспользовавшійся способами, данными для совершенствованія всего, составляющаго сущность бытія человѣческаго—обо всемъ этомъ въ слѣдующихъ письмахъ).

Все (das All) есть жизнь, а жизнь дѣйствуетъ разумно, слѣдовательно сопряжена съ Разумѣніемъ.

Все созданіе есть жизнь, развивающаяся по законамъ Разумѣнія (по своимъ законамъ). Роды существъ составляютъ лѣствицу, по которой жизнь (разумѣющая себя въ цѣломъ) идетъ къ самоуразумѣнію въ недѣлимыхъ. Не менѣе разумно дѣйствуетъ она въ камняхъ, какъ и въ человѣкѣ; но, развиваясь въ первыхъ по тѣмъ же законамъ, по какимъ и въ послѣднемъ (съ разною цѣлью), не даетъ первымъ возможности сознать себя *отдѣльно*. Камни живутъ въ массѣ природы; растенію даетъ она уже ощущеніе, животному—произвольное движеніе; наконецъ, съ полною свободою *вся* является въ человѣкѣ. Здѣсь жизнь, сознающая себя въ цѣломъ, разумная и свободная, является жизнью, сознающей себя *отдѣльно*—разумною и свободною. Всѣ уже согласились, что человѣкъ, вѣнецъ созданія, есть повтореніе всей природы, онъ есть повтореніе разумной жизни.

Въ человѣкѣ многое дѣлается безъ его вѣдома, безъ его

воли (онъ рождается, выростаетъ; онъ чувствуетъ жажду, голодъ). Въ немъ дѣйствуетъ разумная жизнь всей природы, которая имѣетъ свою волю *(жизнь всего)*, независимо отъ его воли. Человѣкъ желаетъ знать, дѣйствовать; человѣкъ ощущаетъ; въ немъ дѣйствуетъ жизнь, сознавая себя отдѣльно. Человѣкъ разрушается безъ воли своей; разумная жизнь природы принимаетъ другую форму. Свою отдѣльную жизнь человѣкъ теряетъ; куда отлетаетъ она?

Объ этомъ послѣ. Въ этомъ письмѣ я положилъ опредѣлить по возможности отношенія человѣка къ природѣ и Разумѣнію, составляющему сущность ея. Разсудокъ мой подтверждаетъ эти положенія; сердце мое не противорѣчитъ имъ и часто вѣритъ въ тѣ минуты, когда я *люблю.*

Не знаю, о чемъ слѣдовало бы говорить теперь по порядку, но все равно. Стану говорить о томъ, о чемъ хочется. Черезъ это система не разрушится, ибо основаніемъ всякой системы должна быть внутренняя связь, а не наружная форма.

Вотъ вопросъ, съ котораго стану продолжать: вслѣдствіе показанныхъ отношеній человѣка къ природѣ, къ всеобщей жизни, каково можетъ и каково должно быть его воздѣйствіе (обратное дѣйствіе) на природу, на всеобщую жизнь (Zurückwirkung, Réaction)?

Въ человѣкѣ повторилась природа; въ человѣкѣ жизнь, разумѣющая себя въ цѣломъ, уразумѣла себя отдѣльно. Слѣдовательно, всѣ отправленія, всѣ факты жизни, должны быть фактами человѣка. Фактъ жизни одинъ—жизнь, или: сама жизнь есть единственный существующій фактъ. Если мы въ жизни различаемъ нѣсколько фактовъ, то мы придаемъ ей свойства собственно человѣческія и смотримъ на нее взглядомъ слишкомъ спеціальнымъ. Одинъ фактъ нашей жизни мы называемъ разумомъ, другой—волей, третій—чувствомъ. Но мы всегда разумѣемъ, всегда рѣшаемся,

всегда чувствуемъ. Эти три факта составляютъ одинъ фактъ жизни, съ разныхъ точекъ разсматриваемый. Но правда, что вся жизнь наша беретъ то или другое направленіе по преимуществу.

На основаніи этого жизнь абсолютная, отрѣшенная, разсматривается какъ разумъ, воля, чувство и жизнь природы, дѣйствительная—какъ истина, благо, красота. Тутъ ничего еще худаго нѣтъ, но это пахнетъ схоластикой. Зачѣмъ все такъ дробить? Кто станетъ отрицать у жизни всеобщей и разумѣніе, и свободу дѣйствія, и чувство? Но это не три способности одного существа: напротивъ, оно условливаетъ собою единство всѣхъ сихъ способностей. Разсмотримъ всеобщую жизнь въ отношеніи къ этимъ способностямъ.

Внѣ жизни ничего не лежитъ, ибо она есть все; слѣдовательно постепенное познаваніе ей чуждо; сознавая себя, она все знаетъ. Ея Разумъ, разумѣніе, есть сознаніе себя самой (сознаніе въ бытіи совершающееся), слѣдовательное бытіе, слѣдовательно она сама. Ея воля не опредѣлена ничѣмъ, слѣдовательно свободна, но не отступаетъ отъ вѣчныхъ законовъ разумѣнія, слѣдовательно воля жизни есть вмѣстѣ и свобода, и необходимость. Если воля непреложна, а препятствій нѣтъ и всѣ средства заключаются въ томъ же существѣ, въ какомъ воля, то воля есть дѣйствіе; дѣйствіе природы—жизнь; слѣдовательно воля жизни есть сама жизнь. И такъ жизнь есть разумъ и воля, если мы хотимъ судить ее по человѣчески; но это разумѣніе зависитъ единственно отъ нашего взгляда на жизнь; въ сущности она ни то, ни другое, но жизнь.

Да не покажется тебѣ это противорѣчіемъ тому, что я говорилъ въ предъидущемъ письмѣ. Я называлъ жизнь разумѣніемъ; я не отрицаю въ ней этого, но хочу доказать, что это разумѣніе есть законы, составляющіе сущность жизни, самую жизнь, а не есть принадлежность, способность жизни; надобно стать повыше дѣтскаго взгляда на природу.

Въ человѣкѣ жизнь сознала себя отдѣльно. Онъ есть центръ этой жизни въ миніатюрѣ. Какъ *жизнь*, она имѣетъ стремленіе (по сродству, можетъ быть) усвоять внѣ ея лежащее, *познавать*, и какъ жизнь — развить себя во внѣшности, *дѣйствовать*. Какъ жизнь, она сознаетъ вліяніе другой жизни, чувствуетъ. И вотъ разумъ, воля, чувство—три дѣйствительныя направленія человѣческой жизни, которыя онъ переноситъ въ жизнь всеобщую. Я сказалъ, чтȯ разумъ во всеобщей жизни, чтȯ воля. Чтȯ же называется чувствомъ всеобщей жизни?

Если жизнь есть разумъ, если жизнь есть воля, то она есть чувство по преимуществу. Вся она держится чувствомъ—въ недѣлимыхъ, начавшихъ сознавать себя отдѣльно, чувство это обнаруживается любовью. Она въ нихъ есть чувство инстинктуальное, слѣдовательно чувство, принадлежащее общей жизни и непокорное волѣ.

Любовь!... Другъ мой! для меня съ этимъ словомъ разгадана тайна жизни. Жизнь есть любовь. Вѣчные законы ея и вѣчное ихъ исполненіе—разумъ и воля. Жизнь безпредѣльна въ пространствѣ и времени, ибо она есть любовь. Съ тѣхъ поръ, какъ началась любовь, должна была начаться жизнь; покуда есть любовь, жизнь не должна уничтожиться, поелику есть любовь, и жизнь не должна знать предѣловъ. Если нужны слабыя сравненія,—это теплота, все расширяющая, это свѣтъ незаходимый, все поддерживающій; это цвѣтъ, которымъ украшается природа въ глазахъ нашихъ; это огонь, изъ котораго все выгораетъ и въ который все обращается. Міръ вѣченъ, ибо любовь не кончится; не *кончится*, ибо она *есть*.

Показать тебѣ иначе, что любовь—жизнь? Разумъ идетъ смѣло и отважно, сознавая свои законы; воля старается слѣдовать его законамъ; но человѣкъ тогда только все познаетъ, когда любитъ, и кто любитъ, тотъ дѣйствуетъ прекрасно. (Что такое прекрасно дѣйствовать? поговоримъ

послѣ. Скажу теперь: дѣйствовать, какъ дѣйствуетъ всеобщая любовь. А какъ она дѣйствуетъ? Люби, и узнаешь).

Чувство любви составляетъ прелесть жизни животныхъ; оно доступно растеніямъ. Его надобно допустить въ минералахъ, если они живутъ любовью всеобщей жизни, ибо безъ любви нѣтъ жизни.

Жизнь есть любовь, любовью поддерживается жизнь въ недѣлимыхъ (она у нихъ средство размноженія); въ такомъ случаѣ любовь есть средобѣжная сила природы; ею примыкаетъ послѣднее звено творенія къ началу, въ немъ повторившемуся, слѣдовательно любовь есть самовозвратная сила природы—безначальный и безконечный радіусъ въ кругѣ мірозданія.

Человѣкъ выше всего, ибо онъ есть вся жизнь. Онъ не можетъ возвышаться (не разрушивъ сущности бытія своего); онъ только не долженъ падать; онъ долженъ равняться самому себѣ. Но онъ палъ (объ этомъ послѣ); слѣдовательно опять долженъ возвышаться. Въ каждомъ недѣлимомъ человѣка есть частицы человѣка нормальнаго; въ каждомъ есть низшія свойства. Взаимныя отношенія людей должны очистить, образовать совершеннаго человѣка (но этого недостаточно; сейчасъ предложу еще способъ совершенствованія). Отсюда несомнѣнная, хотя и не новая истина: жизнь рода человѣческаго есть его воспитаніе. Какъ же одинъ, отдѣльный человѣкъ долженъ воспитывать существо свое? чтò онъ долженъ принять за образецъ, прототипъ свой? Но гдѣ онъ?

Одно средство совершенствованія остается ему—приближеніе къ всеобщей жизни. Всеобщею жизнью человѣкъ сдѣлаться не можетъ (ему не достаетъ абсолютности); онъ долженъ принять отъ нея все, чтò можетъ принять. Какъ узнать ее, уравняться ей?

Жизнь—любовь. Чтобы познать ее отчасти, чтобы дѣйствовать по однимъ законамъ съ ней, надобно любить.

(Слѣдуетъ о любви человѣка. Въ письмѣ этомъ нужно коротко объяснить свободу воли, паденіе человѣка, достоинство человѣческихъ дѣйствій изъ сравненія съ дѣйствіями всеобщей жизни).

Буду писать дальше *.

1833 г.

---

* Продолженія этихъ философскихъ писемъ не было. *Ред.*

НѢСКОЛЬКО МГНОВЕНІЙ

ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА Z***.

I.

Графъ Z*** былъ рожденъ съ душой пылкою, способною ко всѣмъ сильнымъ ощущеніямъ: свободное воспитаніе развило ея способности. До пятнадцати лѣтъ прожилъ онъ въ деревнѣ, гдѣ долженъ былъ, по нѣкоторымъ причинамъ, оставаться отецъ его. Это обстоятельство спасло въ немъ многое: мелкія, ничтожныя побужденія свѣтскаго юноши были ему незнакомы; онъ не умѣлъ отдѣлять словъ отъ мыслей, въ дѣтствѣ не разыгрывалъ мужа, въ юности—старца; не стыдился чувствовать, вѣрить; не посягалъ на религію изъ приличія и не молился изъ слабости. Природа была его наставницею; онъ свыкся съ нею, сочувствовалъ ей, считалъ ее разумной и любящей. Надобно сказать, что уроки добраго, умнаго отца способствовали ему видѣть природу и жизнь съ настоящей точки зрѣнія. Отцу обязанъ былъ онъ святыми началами, которыя безъ сознанія на вѣкъ залегли въ его сердцѣ, составили часть бытія его, образовали изъ него то, чѣмъ онъ былъ.

Пріѣхавъ въ столицу, Z*** въ первый разъ испыталъ непріятную борьбу съ жизнью. Отецъ его имѣлъ связи, знакомства, которыя долженъ былъ поддерживать; молодой Z*** явился въ обществѣ, скрѣпя сердце выдержалъ первую аттаку дядей и тётокъ и поступилъ на другія мытарства: подвергся испытательнымъ взорамъ кузинъ всѣхъ возрастовъ, выслушалъ нѣсколько несомнѣнныхъ истинъ и ходячихъ остротъ отъ молодыхъ братцевъ. Двусмысленной улыбкой (онъ долженъ былъ съ ней познакомиться) по-

давляя въ себѣ удивленіе и досаду, онъ думалъ, что по волѣ своей можетъ удалиться изъ этого чуждаго ему міра и только изрѣдка въ него заглядывать. Но этого нельзя было сдѣлать иначе, какъ оставивъ Москву. Оставить ее значило отказаться отъ всѣхъ радужныхъ надеждъ. Эти надежды были не кресты, не чины, не блистательное положеніе въ обществѣ: нѣтъ! душа его жаждала познаній; здѣсь думалъ онъ удовлетворить святому стремленію къ истинѣ, найти руководителей и спутниковъ, заключить съ ними союзъ братства и рука въ руку переплыть житейское море, побѣдить его бури, укротить безумныя волны. Да! сильно воздымали грудь его эти думы; душа его была открыта міру и людямъ. Но міръ и люди обманули эту душу: скорбя, она не утратила ни надеждъ, ни силъ; только къ прежнимъ чувствамъ ея прибавилось новое: презрѣніе. Онъ скоро привыкъ къ новому міру и новому чувству: съ улыбкою вмѣшался въ толпу, не говорилъ о томъ, что̂ выше ея; пріобрѣлъ блаженную терпимость, и даже пустился въ танцы, желая узнать короче созданія, которымъ, по его понятіямъ, природа опредѣлила представлять на землѣ красоту и любовь. Графъ былъ высокъ, статенъ, уменъ, блѣденъ, черноглазъ, черноволосъ, богатъ и притомъ же графъ: онъ скоро успѣлъ узнать ихъ и, какъ-будто стыдясь побѣдъ, сошелъ съ паркетнаго поприща. Героини его немножко безсовѣстно расточали передъ нимъ свою любезность: теперь онѣ начинали говорить злости, тѣмъ болѣе, что графъ самъ былъ немножко золъ. Змѣя обвивалась вокругъ души его: удивительно ли, что рѣчи его были ядовиты? Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Все это совершалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Графъ успѣлъ окончить университетскій курсъ, успѣлъ сблизиться со многими людьми, достойными пріязни, и съ однимъ болѣе, нежели съ другими. Это было необходимо. Никакое чувство не терпитъ раздробленія: оно ищетъ сосредоточиться на одномъ предметѣ и сосредоточивается на немъ, когда онъ можетъ за-

мѣнить всѣ другіе. Z*** не зналъ ни въ чемъ середины: пріязнь его скоро обратилась въ горячую дружбу, восполнившую для него недостатокъ любви; другъ вполнѣ принадлежалъ ему, но судьба разомчала ихъ по разнымъ путямъ. Мануилъ (имя друга) засѣлъ уже въ департаментѣ, между тѣмъ какъ Z*** долженъ былъ оставаться въ Москвѣ. Это имѣло большое вліяніе на графа: смѣло и неуклонно шелъ онъ на пути къ истинѣ, не щадилъ себя, твердо выслушивалъ ея приговоры, грозившіе гибелью лучшимъ его мечтаніямъ, не останавливался и шелъ впередъ. Участь саисскаго юноши, преждевременно осмѣлившагося поднять таинственный покровъ Изиды, начинала уже представляться его воображенію; система за системою созидалась и разрушалась въ умѣ его; онъ уже начиналъ сомнѣваться, не слишкомъ ли много надѣется на мощь своего ума; все утѣшительное каждой системы гибло безъ возврата, а леденящія сомнѣнія все умножались!

Пламенная, любящая душа друга доселѣ спасала графа; безъ него умъ, не останавливаемый въ своемъ стремленіи, страшно началъ работать. Что̀ сохраняетъ человѣка отъ пагубныхъ сомнѣній во всемъ, составляющемъ счастіе жизни? Какъ согласить непреодолимое влеченіе ума къ истинѣ съ потребностью любить и вѣрить? Какъ отвратить отъ чувства удары ума, какъ спасти умъ отъ обольщеній чувства? Эти вопросы, къ несчастію, слишкомъ поздно стали тревожить графа: какъ всѣ пылкіе молодые люди, сначала занимался онъ одной метафизикой, потомъ съ жаромъ сталъ изучать исторію, религію, искусства... но пустота оставалась въ душѣ его, червь точилъ сердце.

Какъ прежде, онъ любилъ природу, но смотрѣлъ на нее съ какою-то грустью; радужные покровы дѣтства спали съ ней... нѣмая красота находила отзывъ въ душѣ его, но, одна, уже не могла его удовольствовать. Сочувствія, полнаго сочувствія—вотъ чего онъ жаждалъ... Если бы случай сблизилъ его съ созданіемъ, достойнымъ той высокой, безкорыстной любви, которую онъ расточалъ на без-

отвѣтную природу, на хладный мраморъ и мимолетные звуки; если бы онъ нашелъ красоту, отраженіе, сосредоточеніе природы, съ человѣческимъ сердцемъ въ груди, съ молитвой на устахъ!... Какая безконечная жизнь любви ожидала это созданіе! Какая отрада ожидала истомленную душу страдальца! Гордый разумъ безпрекословно почтилъ бы Бога въ твореніи, вѣра младенца и любовь юноши дали бы крылья мужественному уму—и куда-бъ не проникъ онъ!... Но судьба не хотѣла этого: чистый и высокій сердцемъ, онъ не унизилъ чувства передъ суетными созданьями: онъ видѣлъ въ нихъ искаженіе природы, падшее человѣчество, померкшій образъ Божій. Презрѣніе и жалость—вотъ что наполняло грудь его при видѣ этихъ тварей, безразсудно разорвавшихъ высокую связь съ жизнью вселенной, поправшихъ свое назначеніе, уничтожившихъ красоту свою... Тѣ, которыя возвышались надъ падшими; тѣ, которыя не отвергли благословенія небесъ, но едва постигали цѣну его, влачили жизнь въ златой посредственности: не могли увлечь сильной души юнаго мученика.... Судьба не хотѣла сблизить его съ лучшими!...

Безъ любви слабѣетъ вѣра, чувство долга становится тяжкимъ бременемъ, жизнь—мучительною борьбою. Долго боролся графъ: онъ рѣшился испытать одно средство для успокоенія души своей. Онъ рѣшился честной и трудной дѣятельности посвятить жизнь свою, какъ прежде думалъ посвятить ее наукамъ. Занять значительное мѣсто въ обществѣ, быть на немъ олицетворенною справедливостью, водворять вокругъ себя благо — вотъ къ чему онъ теперь стремился! Желая приготовить себя къ этому подвигу, онъ отправился за границу, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, изучалъ людей, общества; наконецъ возвратился въ Россію... Его рожденіе, богатство, умъ, скоро доставили ему желаемое мѣсто; съ жаромъ началъ онъ дѣйствовать на новомъ поприщѣ, великодушно презрѣлъ неблагодарность, зависть, тысячи непріятностей, сопровождавшія каждое его доброе дѣло: связи и прочная репута-

ція между извѣстными людьми не дозволяли сдѣлать его подозрительнымъ... Но болѣзнь души не проходила и произвела наконецъ опасное разстройство въ организмѣ. Графъ не въ силахъ былъ исполнять всѣхъ обязанностей своей службы: онъ оставилъ ее, и доктора присовѣтовали ему снова ѣхать за границу.

Въ маѣ 18**, Z*** поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ хотѣлъ отправиться отсюда на пароходѣ, а до отъѣзда видѣться съ другомъ. Онъ прибылъ за нѣсколько часовъ до отплытія парохода и побѣжалъ къ Мануилу... Дѣловой другъ его сидѣлъ надъ кипою бумагъ, собираясь идти въ департаментъ.... Вдругъ графъ входитъ въ его комнату. Первымъ движеніемъ Мануила былъ испугъ: полный блаженной вѣры въ мечты дѣтства и юности, онъ боялся, не призракъ ли друга явился повѣдать ему отшествіе любимой души въ лучшую страну?... Но графъ бросился къ Мануилу.... осязалъ его плоть и кости.... Скоро вложилъ онъ и персты въ раны его....

Глубоки, страшны были эти раны! Нѣсколько мгновеній поглотило одно долгое, безмолвное объятіе....

— Другъ мой, другъ мой! Наконецъ я тебя вижу!... проговорилъ Мануилъ.—Дай взглянуть на себя!...

— Смотри и радуйся! отвѣчалъ графъ съ грустной улыбкой.

Нѣсколько лѣтъ разлуки ужасно перемѣнили графа. Гордая, вдохновенная улыбка покинула лицо его, черные волосы опустились, щёки впали, большіе глаза высказывали сосредоточенное страданіе души....

— Ты страшенъ! воскликнулъ Мануилъ.

— Поправлюсь, поправлюсь, другъ мой! поспѣшно сказалъ графъ. Воздухъ Италіи, теплыя воды, путешествіе: все это придастъ мнѣ новыя силы и, возвратившись, я ужь не испугаю тебя моимъ приходомъ.

Мануилъ взглянулъ еще разъ на графа и невольная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу....

— Итакъ ты рѣшился ѣхать?

— Мѣсто на пароходѣ уже взято.... онъ отходитъ черезъ нѣсколько часовъ. Благослови меня, другъ мой! прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ....

Они сѣли. Мануилъ вперилъ испытующій взглядъ на графа: онъ поникнулъ головой.... Двѣ болѣзни дружно разрушали его составъ; одна была корнемъ другой: ее слѣдовало истребить.... Мануилъ это зналъ.

— Да! тебѣ нужно благословеніе, сказалъ онъ.—Я могу дать тебѣ его.... и оно не будетъ напрасно!

Онъ произнесъ эти слова тономъ убѣжденія, потрясшимъ бренный организмъ графа.

— Время намъ дорого—не будемъ его тратить! Буря опустошила душу твою, но благотворный дождь не освѣжилъ ея; вихри развѣяли драгоцѣнное сѣмя и не было плода.... Бѣдный другъ! ты отважно напрягъ всѣ силы ума, ты безумно раздувалъ кроткое и спасительное пламя души твоей: оно объяло ее пожаромъ. Воды! вопилъ ты, но не приготовилъ ея. Дождя! взывалъ къ небу,—и уже не вѣрилъ, что оно пошлетъ дождь.

— Да, мой ангелъ! отвѣчалъ графъ.—Бури и грозы опустошили ниву, развѣяли сѣмя, ей ввѣренное; изрѣдка упадетъ небесная роса, но ей не возрастить погибшаго сѣмени!... Мгновенная, чуждая зелень покроетъ ниву, но придетъ зима и умертвитъ зелень.... Другъ мой, благослови меня!... Я вѣрю въ твое благословеніе. Да будетъ оно позднимъ посѣвомъ, котораго плодъ дается при свѣтѣ весенняго солнца, въ другой землѣ!

Глаза Мануила были полны слезъ; собравъ силы, онъ взялъ руку графа и сказалъ:

— Сый посреди насъ да будетъ съ тобою!

Они преклонили колѣна предъ Распятіемъ и сжали другъ друга въ объятіяхъ.

II.

Прекрасный осенній вечеръ догаралъ надъ однимъ изъ веселыхъ загородныхъ садовъ Вѣны. Безоблачный западъ еще золотился послѣднимъ отблескомъ зашедшаго солнца. Музыка и пѣсни раздавались по саду; кое-гдѣ подъ вѣтвистыми березами дымились самовары; тамъ общество затѣвало игры; тамъ пускались въ танцы.... Такъ оканчиваютъ каждый день въ Вѣнѣ.

Въ главной аллеѣ на скамьѣ сидѣлъ молодой человѣкъ высокаго роста, закутанный въ плащъ, худой и блѣдный. Болѣзненный видъ и вмѣстѣ прекрасная физіономія останавливали на немъ вниманіе проходящихъ. Онъ не былъ похожъ на разочарованнаго героя новыхъ романовъ, не отворачивался отъ проходящихъ; напротивъ, смотрѣлъ на нихъ очень пристально. Его, казалось, занимала пестрота, трогала музыка, радовала общая веселость. Онъ приподнимался, обозрѣвалъ группы, вглядывался въ лица, и съ улыбкою снова прислонялся къ толстому дереву, подъ которымъ стояла скамья.

Между тѣмъ вечеръ темнѣлъ и холоднѣлъ, толпы рѣдѣли, а яркія осеннія звѣзды все чаще и чаще усыпали небо. Если бы кто-нибудь сталъ особенно наблюдать лицо молодаго человѣка, сидѣвшаго подъ деревомъ, то замѣтилъ бы, какъ съ лучами зари исчезала улыбка съ лица его, какъ онъ мрачнѣлъ съ вечеромъ, какъ глаза его загорались съ звѣздами; замѣтилъ бы, какъ онъ раскрывалъ блѣдныя уста, чтобъ пить холодный, полуночный вѣтеръ; какъ съ грустію глаза его перебѣгали отъ созвѣздія къ созвѣздію и вдругъ съ чуднымъ блескомъ остановились на *медвѣдицѣ*. Легкій румянецъ вспыхнулъ и погасъ на щекахъ его.... будто дума его встревожила, безнадежность оледенила....

— Любезный графъ! сказалъ подошедшій къ нему молодой человѣкъ.

Графъ вздрогнулъ.

— Докторъ вашъ очень неблагоразумно дѣлаетъ, что позволяетъ вамъ гулять однимъ. Вы слишкомъ любите природу и поэзію.... слишкомъ, для больнаго. Позвольте увезти васъ отсюда.

— Благодарю васъ, баронъ. Но вы докторъ больше, нежели я могъ ожидать отъ извѣстнаго музыканта.

— Комплиментъ за искреннее участіе!—Кстати, графъ! вы вѣрно будете завтра въ первомъ концертѣ филармоническаго общества?

— Что даютъ?

— Пастушескую симфонію. Я имѣю билетъ — и если ваше здоровье....

— Оно хорошо. Благодарю васъ. Я буду въ концертѣ непремѣнно.

Они приближались къ воротамъ сада.

— Прежде, нежели разстанемся, еще одинъ вопросъ, любезный графъ.... Вы зимуете въ Вѣнѣ?

— Въ Вѣнѣ, баронъ.

— А на весну?

— Не знаю! отвѣчалъ графъ съ печальною усмѣшкой. Я скучаю по Россіи — примолвилъ онъ, помолчавъ нѣсколько.

Баронъ улыбнулся.

— Швейцарская болѣзнь! сказалъ онъ и пожалъ ему руку.

Они разстались.

Путешествіе сдѣлало графу болѣе вреда, нежели пользы. Онъ провелъ лѣто въ Италіи, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, побродилъ между памятниковъ, давно ему знакомыхъ, пожилъ нѣсколько душою.... Но мраморная красота Рима не исцѣлила больной души его, еще болѣе измученной тоской по другѣ и родинѣ; силы его значительно упали. Онъ желалъ возвратиться въ Россію и рѣшился, переждавъ зиму въ Вѣнѣ, отправиться весною въ отечество. Въ прежнее путешествіе, поглощенный одной мыслію, обремененный важными занятіями, онъ не могъ

познакомиться со всѣмъ, что эта столица можетъ представить любителю *человѣческихъ* наслажденій. Теперь онъ имѣлъ время предаться имъ вполнѣ. Я уже сказалъ, что графъ не походилъ на разочарованнаго героя новыхъ романовъ: онъ не любилъ баловъ, но это потому, что бывшіе на балѣ мало занимали его; удалялся сколько могъ общества, но это потому, что страшился убивать въ немъ краткое время, данное на обширный подвигъ, и одинокій поспѣшалъ совершить его. Тяжкія, мучительныя сомнѣнья облегли его душу; долго и неослабно стремясь къ цѣли, онъ видѣлъ бездну между ней и собою. Онъ думалъ постигнуть природу, ощутить ея жизнь, уразумѣть, раздѣлить ея промыслъ. Онъ отдѣлился отъ земли, отказался отъ благъ ея для святаго подвига; но скоро увидѣлъ, что совершить его не въ силахъ: земля стала для него пустынею, а небо было недосягаемо.

Но тѣмъ дороже, тѣмъ священнѣе были для него представители неба на землѣ—искусства. Они одни заставляли его забыть пустоту жизни и напоминали его юныя надежды.... Но когда умолкалъ звукъ, когда отлеталъ образъ, змѣя обвивалась вокругъ души его и сокрушала послѣднія силы его. Музыка была однимъ изъ любимыхъ его занятій. Онъ рѣшился сосредоточить на ней все свое вниманіе. Вѣна представляла ему всѣ средства къ этому. Онъ познакомился съ барономъ Mr*, веселымъ, добрымъ, молодымъ человѣкомъ, страстнымъ любителемъ музыки, ревностнымъ поборникомъ нѣмецкой школы и заклятымъ врагомъ Россини съ братіею. Они успѣли провести съ нимъ два-три вечера, разыгрывая партитуры Моцартовыхъ оперъ. Это занятіе начинало, повидимому, развлекать графа; онъ сталъ спокойнѣе, даже веселѣе.

На другой день послѣ описаннаго свиданья, утромъ, баронъ Mr* пришелъ къ графу и принесъ ему Пастушескую симфонію. Они сѣли за фортепьяно. Графъ уносился божественными звуками; душа его какъ-будто пробудилась отъ долгаго усыпленія: все чаще, все полнѣе ста-

новилась она, тихій румянецъ покрылъ его блѣдныя щеки, кроткое упоеніе сіяло въ глазахъ, какъ-будто потерянные годы возвратились съ своими туманными надеждами, какъ-будто горе жизни не возмущало младенческой гармоніи въ душѣ его; послушно летали пальцы его по клавишамъ фортепьяно; каждому звуку влагалъ онъ и мысль и жизнь, и каждый звукъ западалъ ему въ сердце.... Когда они окончили первую часть, графъ, молча, сложилъ руки и поникнулъ головою.

— «Da ist der einzige wahre Schein! воскликнулъ восторженный нѣмецъ, ударивъ рукою по тетради.

Графъ, не говоря ни слова, повторилъ послѣдніе успокоительные звуки, повторилъ ихъ еще разъ, сталъ прибавлять къ нимъ другіе, еще, еще.... какъ-будто ему не хотѣлось разстаться съ цѣлебною пѣснью.... онъ желалъ бы продлить ее въ безконечность. Тихо звуки лились за звуками; казалось, давно желанное спокойствіе водворилось въ груди страдальца; безпокойный червь отпалъ отъ сердца, заговоренный магическою пѣснію; болѣзнь души уснула подъ ропотъ звуковъ, какъ фурія за пламенѣющимъ жертвенникомъ Аполлона. Но вдругъ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ нарушился спокойный, ровный ходъ мелодіи, дрожащая рука стала оттягивать и сокращать тоны; вотъ послышался диссонансъ, чадо муки душевной, вотъ другой.... Несчастный! какая мысль сокрушила твое блаженство? Диссонансы становятся чаще и чаще, они толпятся; онъ разрѣшаетъ ихъ, отрывисто, будто нехотя, въ жалобные аккорды: душа его странно высказываетъ себя. Все болѣе и болѣе разстроивается игра, пальцы перебѣгаютъ съ одного конца инструмента на другой, міръ гармоніи готовъ разрушиться.... Вотъ возникъ цѣлый хаосъ диссонансовъ; графъ крѣпко ударилъ по клавишамъ; нестройный вопль пробѣжалъ по фортепьяно; струны лопнули.

— «Sind Sie rasend?» вскричалъ баронъ, забывъ приличіе. Онъ подбѣжалъ къ графу и остановился въ изумленіи.

Z*** сидѣлъ неподвижно, закрывъ лицо рукою. Баронъ слушалъ со всѣмъ участіемъ меломана отчаянную импровизацію графа; его удивляла возрастающая дисгармонія; онъ ждалъ, что вопящая буря звуковъ разрѣшится въ стройные аккорды.... но за ними послѣдовалъ разрушительный ударъ грома и нервы его потряслись.... Теперь онъ видѣлъ, что графъ игралъ не случайную фантазію, что диссонансы живутъ въ душѣ его, что составъ его готовъ рушиться отъ борьбы ихъ.... Онъ это видѣлъ и предпринялъ употребить всѣ силы къ примиренію его съ самимъ собой.

Вечеромъ баронъ заѣхалъ за графомъ, чтобъ вмѣстѣ отправиться въ концертъ, и нашелъ его спокойнѣе, чѣмъ когда-либо. Быстрая, гармоническая исповѣдь облегчила его душу. Они вошли въ залу, которая была полна. Вельможи, чиновники, музыканты, ремесленники съ фамиліями собрались слушать чудное произведеніе роднаго генія; огромный оркестръ стоялъ на возвышеніи и уже приготовился къ игрѣ. Графъ выбралъ уединенное мѣстечко у колонны и въ ожиданіи начала смотрѣлъ на пеструю толпу, волновавшуюся въ обширной залѣ.... Но вотъ дирижеръ поднялъ смычекъ и все собраніе обратилось въ слухъ. Мирные звуки тихо поднялись съ инструментовъ и замерли надъ очарованною толпой; вслѣдъ за ними потянулись другіе, третьи, и весь оркестръ ожилъ. Графъ былъ проникнутъ до глубины души божественной мелодіей: онъ улетѣлъ мечтою въ годы дѣтства. Вотъ безмятежное утро восходитъ надъ благословеннымъ кровомъ отца его, первый лучъ солнца румянитъ волнистыя нивы, скрипя тянутся крестьянскія телѣги по дорогѣ и добрые поселяне съ улыбкой привѣтствуютъ добраго владѣльца; вотъ онъ выходитъ на поле: протяжная пѣсня слышна вдалекѣ; звонкая коса стучитъ о камень, косари и жнецы прилежно работаютъ; вдали, подернутый дрожащимъ туманомъ, волнуется темный лѣсъ и все оживлено улыбкой ранняго, утренняго солнца.... на душѣ становится веселѣй и веселѣй....

полно, свободно дышетъ грудь.... пламя любви разгарается и хочетъ обнять всю природу.... Первая часть симфоніи кончилась.

Графъ пробудился. Онъ глубоко вздохнулъ и обратилъ грустный взоръ къ собранію: всѣ были въ восхищеніи; хлопанье, восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ (баронъ вошелъ въ ученое состязаніе съ какимъ-то знатокомъ). Графу не хотѣлось разстаться съ отрадными мечтами: слухъ его былъ полонъ очаровательныхъ мелодій; по счастію, сосѣди не мѣшали ему предаться капризамъ своей фантазіи.

Ближе всѣхъ къ нему сидѣла молодая дѣвица, которая, можетъ быть, не зная музыки, не пускалась ни въ похвалы, ни въ разсужденія. На ней остановились глаза графа, отдавшагося на волю своему воображенію. Она сидѣла, поникнувъ головой къ груди, и какъ-будто смотрѣла вдаль; сны его не прерывались, звуки для него не умолкали, но ему казалось, что тѣ же сны очаровали ея душу, что слухъ ея ловитъ тѣ же самые звуки.

Вотъ снова слышится пѣснь—и тиха, и свѣтла, но она томитъ душу, она раскрываетъ сердечныя раны страдальца; съ каждымъ мгновеніемъ пѣснь становится роскошнѣе, душа ищетъ какого-нибудь предмета, чтобъ остановиться, чтобъ излить на него все обиліе тоскующей любви; свѣтлая Scene am Bache становится задумчивѣе.... Вотъ зазвучала та мелодія, которой никакая душа не можетъ противиться; вся сила, все томительное блаженство любви сказалось въ ней; глубокій судорожный вздохъ вырвался изъ каждой груди. Вдохновенные взоры графа безсознательно покоились на дѣвушкѣ, сидѣвшей противъ него: легкій румянецъ покрывалъ ея щеки, въ большихъ глазахъ свѣтилась глубокая дума.... Кончилась и вторая часть.

Дѣвушка сидѣла неподвижно и по прежнему смотрѣла вдаль: въ душѣ графа опять повторялись небесные звуки, взоръ его не отходилъ отъ незнакомки.... Вотъ кто-то подошелъ къ ней: она заговорила, какъ-будто нехотя.... Вотъ

она встала и обернулась въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ графъ; глаза ихъ встрѣтились.... Онъ вздрогнулъ.... ему казалось, неясный сонъ сбывается; но скоро онъ опомнился и созналъ, что передъ нимъ стояла дѣвушка, на которую смотрѣлъ онъ, когда играла музыка....

Теперь эта дѣвушка обратила на себя его вниманіе. Прекрасное, полное мысли лицо ея, задумчивые глаза, душевное волненіе, которое обнаруживалось въ каждомъ ея движеніи,—все возбуждало какое-то тревожное участье въ душѣ графа, гдѣ не умолкла еще могучая пѣснь любви. Высокая, стройная, окруженная волшебной атмосферой звуковъ, она казалась графу роскошнымъ геніемъ Бетховена, внушившимъ ему божественныя пѣсни.... Эта мечта была естественна, пріятна, и графъ не удалялъ ея.

Но вотъ раздалось тихое *tremendo;* ему отвѣчала безпокойная, жалобная мелодія; вотъ опять *tremendo,* вотъ опять безпокойные, умоляющіе звуки.... Мысли графа носились вокругъ прекраснаго существа, приковавшаго его вниманіе; ему мечталось: онъ одинъ съ нею бродитъ по полямъ своимъ; необозримая даль передъ ними, а тучи склоняются на небѣ, и отдаленный громъ стѣсняетъ грудь ея страхомъ; она съ мольбой устремляетъ на графа большіе глаза свои, грудь его едва можетъ вмѣстить блаженство любви, онъ беретъ ее на руки, онъ мчитъ ее.... мрачная туча покрыла небо—ударъ разсыпается за ударомъ.... Нѣтъ! Небо не исторгнетъ у него блаженства, котораго онъ ждалъ такъ долго; не повергнетъ его въ прежнюю страшную жизнь отчужденія и безстрастія—а удары ближе, сильнѣе; онъ крѣпко схватилъ ее руками, онъ съ нею не разлучится.... и, Боже мой, какъ ужасна была бы такая разлука! опять сойти въ ничтожный міръ, опять бороться, разрушаться! Графъ затрепеталъ.... да въ какомъ же мірѣ теперь онъ?... Прочь, страшныя размышленія!—Сладокъ сонъ!... Вотъ утихаетъ гроза, благотворный дождь оросилъ землю, въ ея глазахъ свѣтится безоблачное небо!... Она взглянула на графа, и онъ ви-

дѣлъ, какъ страшная буря стихла въ груди ея.... Онъ утѣшалъ себя мыслію, что̀ и она читала въ душѣ его.

Но природа отдыхаетъ отъ бури; гимнъ благодарности несется къ Отцу.... пламенное благоговѣніе исполнило душу графа; онъ всталъ.... Это движеніе не укрылось отъ незнакомки; она вперила въ него свои задумчивые глаза: въ эту минуту графъ былъ прекрасенъ, какъ небожитель; змѣя безнадежности отпала отъ груди его; онъ ожилъ всей полнотой своей роскошной жизни. Такимъ былъ онъ, когда шелъ на трудный подвигъ: тотъ же лучъ небесный сіялъ въ глазахъ его, тѣмъ же вдохновеніемъ свѣтлѣлъ ликъ его; божество водворилось въ немъ съ миромъ и любовію, и въ какомъ-то сладкомъ изумленіи смотрѣла незнакомка на преображеннаго юношу.

Снова осенній вечеръ догаралъ надъ Вѣною. Природа уже утратила свою роскошную лѣтнюю одежду. Въ загородномъ саду, подъ вѣтвистымъ деревомъ, небольшое семейство расположилось пить чай. Пожилая женщина сидѣла на дерновой скамьѣ съ молодой дѣвушкой; съ ними были двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, высокій, блѣдный, въ упоеніи смотрѣлъ на дѣвушку, утопившую задумчивые глаза свои въ багрянцѣ зари.... невольный вздохъ всколебалъ грудь ея....

— Вы прощаетесь съ старою природой? сказалъ другой мужчина.

— Къ сожалѣнію! отвѣчала дѣвушка. Она подарила меня такими впечатлѣніями, какихъ, можетъ быть, не дастъ новая! И кто знаетъ, какъ мы встрѣтимъ эту новую природу?

— Графъ будетъ ее привѣтствовать въ Россіи? спросила мать.

— Такъ я думалъ! отвѣчалъ онъ.

— Графъ очень любитъ Россію! сказала дѣвушка, устремивъ на него свои большіе глаза.

— Тамъ мое отечество и тамъ мой подвигъ! сказалъ графъ: но—не тамъ награда!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ....

— Ты вѣришь, не правда ли, ты вѣришь, другъ мой, говорила она,—что новая жизнь зарождается въ этомъ пламени, жизнь вѣчная, всемогущая, которая ощутитъ себя въ каждомъ атомѣ природы, которая прославитъ Бога въ каждомъ созданіи?

— Вѣрю ли я, ангелъ моей души? говорилъ онъ.—Вѣрю ли я?—*Знаю* съ тѣхъ поръ, какъ знаю тебя; мы будемъ въ Немъ, какъ Онъ во всемъ; мы ступили первый шагъ къ блаженству; уже я живу твоею жизнію и молюсь твоею молитвой.

И жаркіе поцѣлуи горѣли на плечѣ дѣвы: она стояла, склонивъ голову на плечо къ нему. Глаза ихъ сіяли блаженствомъ; но болѣзненный трепетъ бѣжалъ по суставамъ графа и яркій румянецъ горячки страшно пылалъ на щекахъ его.

— «Теперь время, время поспѣшить къ нему! говорилъ Мануилъ, пока слуга его суетился вокругъ чемодановъ. Неожиданное блаженство разрушило его слабый составъ, быстро приблизило его къ смерти!» Онъ то блѣднѣлъ, то вспыхивалъ, и крупныя слезы, по временамъ, градомъ катились изъ глазъ. — «Бѣдный другъ мой!—Высокая душа! —И вотъ чѣмъ кончились ея замыслы!» — Онъ подошелъ къ столу и сталъ перечитывать письмо графа.

«Да! Я чувствую въ себѣ присутствіе Божества. Ни одного сомнѣнія! все ясно! Въ послѣднія минуты образъ ея будетъ мнѣ отвѣтомъ на всѣ вопросы души. Онъ призоветъ молитву на хладѣющія уста, онъ будетъ посредникомъ между тварью и Создателемъ!—Когда ярмо суетъ

отяготѣло на мнѣ, когда хладныя сомнѣнія раздирали душу, геній жизни моей вопіялъ: спасай, спасай чувство! И оно спаслося въ ней!—Пусть же рушится мой организмъ, во мнѣ есть другое существо—любовь; оно вѣчно, оно однородно съ творящею природой—и ощутитъ себя въ лонѣ ея!»...

«Благословеніе твое было не вотще! Поздно благодать оросила засохшую ниву души моей! Зимній хладъ уже готовъ убить недавній цвѣтъ ея; но *плодъ дастся въ другой землѣ.... при свѣтѣ весенняго солнца!...*

III.

Дымятся кадила предъ престоломъ Неисповѣдимаго; стройный хоръ воспѣваетъ Бога правды, Бога любви; завѣтное слово Сына Человѣческаго отрадно звучитъ подъ мрачными сводами храма, проницаетъ надеждою скорбящую грудь; отдернута таинственная завѣса алтаря; сквозь дымъ куреній съ престола, Распятый простираетъ объятія къ людямъ. Да изыдетъ, чья душа не отвѣтствуетъ Ему! Да не зритъ Его, кто не скорбѣлъ о Немъ!

Но толпа молящихся раздѣлилась на-двое. Одинъ среди нихъ; сей одинъ, быть можетъ, скорбѣлъ о Немъ, но не зритъ Его, не отвѣтствуетъ Ему, но не изыдетъ. Нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ; трупъ не возстанетъ и не воздастъ хвалы Ему! Чья душа не будетъ прискорбна до смерти? Природа торжествуетъ свое возрожденіе, луга зацвѣли, сады заблагоухали, электрическій огонь любви пробѣжалъ всѣ звенья созданій.... А онъ здѣсь, безгласный и бездыханный, окружаемый чуждыми любопытными —готовый лечь въ чуждой землѣ, подъ лучами южнаго солнца!...

Блѣденъ ликъ его; вѣнецъ тлѣнія осѣнилъ черные волосы, окостенѣлыя руки держатъ черный крестъ.... Мало-

по-малу свѣчи озаряютъ церковь.... Вотъ другой мертвецъ съ открытыми глазами; они устремлены на гробъ; сложивъ крестомъ руки, стоитъ онъ у изголовья усопшаго. Онъ не слышитъ пѣсней, не видитъ людей—и погребальная свѣча испалила его длинные волосы...

А вотъ и небесное созданіе, обновившее жизнь юноши... Кто-бъ узналъ въ ней вдохновенную дѣву того вечера, когда свѣтлыя пѣсни Бетховена очаровывали юношу, теперь безгласнаго и бездыханнаго! Блѣдная, безмолвная, она сидѣла у стѣны, склонивъ голову на плечо матери и закрывъ глаза.... Изрѣдка взглядывала она на то мѣсто, гдѣ покоилось ея блаженство.... и судорожная дрожь пробѣгала по ней....

Вотъ ликъ поетъ: *«Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею къ тихому пристанищу притекъ, вопію ти: отъ тли, Боже, возведи мя!»*

Но эта пѣснь чужда ея, какъ и большей части предстоящихъ; а живой мертвецъ, какъ пробужденный отъ сна—палъ на колѣна и, возводя очи къ Распятому, говоритъ: «Отче! ужасна безотвѣтная пустыня міра! Страшно шумитъ океанъ житейскій, воздвигая безумныя волны на одинокаго пловца.... И Ты самъ былъ въ мірѣ—и на Тебя воздвигалось житейское море! Отче! И ты скорбѣлъ о друзьяхъ!»

Жаркія слезы лились на холодный помостъ церкви...

«Въ дому Отца Твоего обители многи суть, пріими его въ Твою тихую обитель!»— И душѣ его стало легче, какъ-будто небо отвѣчало ему...

Вотъ гремитъ: *«прійдите ко мнѣ ближніи мои и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ!»* Какъ недавно еще горѣлъ первый поцѣлуй любви на ланитахъ пылкаго юноши; а теперь царица думъ его идетъ лобзать бренные остатки своего блаженства! Вотъ она распростерлась передъ престоломъ живоноснаго Бога... вотъ ее подняли полумертвую, и блѣдныя уста ея прильнули къ блѣдной рукѣ.

Тихъ и душенъ былъ весенній вечеръ; синія тучи облегали небо; изрѣдка пробѣгала по нимъ яркая молнія...

— Другъ мой, успокойся! отдохни! говорила мать рыдающей дочери...

Она повиновалась и, опираясь на плечо матери, пошла въ свою комнату. Проходя мимо Мануила, она снова залилась слезами и чуть внятно простонала:

O wärst du da!

Мануилъ сидѣлъ, поникнувъ головою; душа его была убита; въ тихомъ шопотѣ листьевъ, у раствореннаго окна, ему слышалось: *«плачу и рыдаю»*.

Баронъ молча ходилъ по комнатѣ; прошло нѣсколько мгновеній; онъ взялъ руку Мануила и, отирая крупныя слезы на щекахъ своихъ, сказалъ:

Welten schliefen im herrlichen Jungen.

1834 г.

ТРИ ХУДОЖНИКА *.

Три художника, три брата, работали вмѣстѣ. Безмолвно каждый въ своемъ углу покушался дать плоть прекрасному мгновенію своей жизни. Но у всѣхъ творило одно могучее чувство, одна мысль облекалась въ красоту, одинъ духъ парилъ надъ тремя избранными. Лучи заходящаго солнца проникали въ комнату... Вдругъ струна задрожала подъ перстами одного изъ художниковъ: чудные, томящіе звуки возникли... и, умирая, просили отвѣта; отрадно отозвались имъ другіе,—и вся тоска души, и вся сладость жизни сказались въ страстной пѣснѣ. Звуки затихли, мѣшаясь съ вечернимъ благовѣстомъ, и братья бросились обнимать другъ друга. «Тайна души моей тебѣ знакома», сказалъ одинъ. «Посмотри: когда бы ты могъ узнать пѣснь твою въ этой картинѣ!»

Окрашенныя розовымъ сіяніемъ неба струятся воды, за рѣкой высится гора, на ней хижины, и крестъ Божіей церкви ярко сіяетъ въ лучахъ заходящаго солнца... даль синѣетъ, чуть видно одинокое существо... не различишь лица его: оно слилось съ вечернимъ туманомъ.

И картина полна была мыслью, полотно дышало чувствомъ.

Молча, со слезами на глазахъ, подалъ третій братъ руки живописцу и музыканту. Они его разгадывали. Онъ боялся орудіемъ нужды людской, *словомъ*, возмутить очаровательную сферу образовъ и звуковъ: они его разгадали!— Задумчиво смотря на свою картину, художникъ говорилъ о неясныхъ мечтаніяхъ души, о счастіи любви и дружбы, о вѣчной красотѣ матери-природы (слово прекрасно,

---

* Времени написанія этой статьи, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось опредѣлить точно. *Ред.*

когда его произноситъ дружба, когда въ немъ дышетъ любовь, когда оно облекаетъ могучую мысль человѣка)—онъ умолкъ.... Задумчиво коснулся струнъ своихъ другой братъ: звуки его проясняли темную даль, разгадывали тайные образы, глубокимъ чувствомъ проницали картину.

И разрѣшились уста третьяго брата: рѣчь его досказала пѣснь, дорисовала картину, дала звуку образъ и образу движеніе—и три жизни слились въ жизнь одну, три искусства—въ красоту. Сладко текли слезы братьевъ! И кто-то незримый былъ посреди ихъ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ

ФИЛОСОФІИ КЪ ИСКУССТВУ.

Я здѣсь не намѣренъ выводить систематически значеніе философіи и искусства. Тогда эти коротенькія замѣчанія расширились бы въ книгу—безполезную послѣ многихъ, написанныхъ объ этомъ предметѣ. Я хочу сказать нѣсколько словъ объ отношеніи философіи и искусства къ жизни, къ современной нашей жизни и угадать, если можно, ихъ будущность.

Кто хочетъ говорить и писать въ наше время объ искусствѣ, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ предчувствіе того, чтò сдѣлала новѣйшая философія,—говоритъ Гёте. Время еще подвинулось съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ-подъ пера его эти строки, и теперь мы въ правѣ, можетъ быть, требовать отъ судей искусства чего-нибудь больше предчувствія.

Было время, когда вопросъ объ искусствѣ казался чуждымъ философіи (Винкельманъ, Лессингъ). Со времени Канта пришли они въ ближайшую связь, и съ тѣхъ поръ мы встрѣчаемъ болѣе просторный, болѣе ясный взглядъ на творенія геніевъ. Шиллеръ, воспитанный въ его школѣ, и Гёте, уже знакомый съ его системой, но еще болѣе посвященный въ нее Шиллеромъ, бросили новый, яркій свѣтъ на міръ искусства. Ихъ поэтическія созданія, въ которыхъ въ первый разъ засіялъ духъ новой жизни, подняли и расширили наблюденія не меньше ихъ теоретическихъ сочиненій. Ни одна отрасль духовной жизни не развивается независимо; каждый членъ духа живетъ и растетъ съ цѣлымъ его организмомъ. Тихо, но вѣрно совершилась

духовная реформа въ Германіи, и духъ наконецъ безъ шума сбросилъ съ себя старую кору, которая стала теперь не нужна ему. Философія наконецъ достигла того широкаго начала, къ которому вели ее и прежнія системы, исполненныя съ желѣзною послѣдовательностью, и этотъ духъ простора и полной жизни, который проникалъ творенія двухъ нѣмецкихъ геніевъ. Уже не праздныя мечты,—серіозные, вѣчные интересы духа облекались въ поэтическія формы, и философъ строгимъ путемъ ума, его неумолимой дисциплиной достигъ того, что могъ смѣло назвать вѣчными и разумными тѣ убѣжденія, которыя внушалъ ему первоначально поэтъ и которыя одушевляли его въ кровавомъ трудѣ и освѣщали темный путь.

Мѣщане увидѣли слова: философія Гегеля, и сказали: сухо. Надо за нимъ слѣдовать, чтобъ увидѣть, какая жизнь выходитъ изъ этой громады, которой разумная гармонія понятна только тому, кто вполнѣ обозрѣлъ ее; надо быть въ системѣ, чтобы понять ее; тѣ сужденія, которыя сыплятся на нее снаружи—опровергнуты въ ней и изъ нея. Эта философія сказала: искусство есть прошедшее для насъ. Это одинъ изъ главныхъ поводовъ къ обвиненію ея въ холодности. Но надо понять смыслъ этого выраженія: оно не такъ страшно, какъ звучитъ.

Для объясненія этого отношенія нашего времени къ искусству, я хочу, какъ сказалъ, взглянуть на разныя его отрасли. Для этого нужно будетъ начать немного подальше—но не съ логики, избави Боже! Главное основаніе предполагается извѣстнымъ. Я не стану останавливаться надъ объясненіемъ идеи, которая должна руководить насъ въ этомъ случаѣ—она перешла уже въ общее сознаніе, сдѣлалась силою своей истины,—непреодолимою вѣрою тѣхъ, которые почему-либо не могли начать дальше своихъ изслѣдованій.

Сколько геніальныхъ трудовъ приходитъ мнѣ здѣсь на память, посвященныхъ какому-нибудь одному роду искусства! Сколько мыслей, набросанныхъ художниками въ порывѣ ихъ любви—сколько истинъ, угаданныхъ ими!... Винкельманъ—Лессингъ—я не забуду даже фантазій Гофмана о музыкѣ!

Но сколько посредственностей продолжаютъ до сихъ поръ—или руководимыя преданіями посредственности или собственною натурою—толковать объ искусствѣ такъ, какъ-будто бы гигантская работа мысли никогда не совершалась, какъ-будто бы духъ не жилъ цѣлое столѣтіе! Когда философія еще не возвышала своего голоса объ искусствѣ, геніальная натура заставляла многихъ наблюдателей открывать великія истины. Они бы увидѣли въ наше время, какъ разрослись ихъ открытія, какой плодъ принесли—и увидѣли бы, какъ спокойно, самодовольно многочисленные эстетики, критики и литераторы, ставъ спиною къ солнцу, толкутъ еще свой старый уголь. Оставимъ ихъ въ покоѣ. Пусть еще говорятъ о примиреніи опытности съ умозрѣніемъ, сравниваютъ вокальную и инструментальную музыку съ эпопеей и драмой (какъ-будто драму можно такъ же неизмѣнно передѣлать въ эпопею, какъ съиграть или спѣть одну мелодію?!!) и совѣтуютъ присматриваться и наблюдать въ произведеніяхъ искусства, чтò ему прилично, чтò нѣтъ. Для насъ предѣлы и значеніе каждаго искусства можно узнать только изъ всѣхъ, а значеніе искусства—изъ идеи вообще.

Искусство есть прошедшее для насъ. Это можно было бы сказать такъ: искусство не есть болѣе высшее для насъ. Но и тутъ вышли бы недоразумѣнія. Предложеніе немного значитъ, когда оно не высказывается совсѣмъ, не говоритъ все, чтò его оправдываетъ. Итакъ я скажу напередъ въ утѣшеніе нетерпѣливымъ, что есть непогибающщій элементъ въ искусствѣ, который останется выс-

шимъ и послѣднимъ, элементъ цѣльной, индивидуальной жизни, прямаго созерцанія, нераздробленнаго знанія—элементъ энергіи и личности; этотъ элементъ вѣченъ, какъ вѣчна потребность человѣка въ каждое мгновеніе сознавать всю нераздробленную полноту своей жизни. Но въ искусствѣ есть еще другой элементъ, который осуществляется въ описанномъ. Это элементъ *общаго, вѣчнаго*,—божественнаго. Здѣсь нѣтъ мѣста распространяться объ этой основной идеѣ искусства.—Много формъ принимало искусство—онѣ были сообразны возрасту духа. Къ глубокимъ, плодовитымъ открытіямъ новѣйшей философіи принадлежитъ то, что исторія искусства, разсматриваемая разумно, есть вмѣстѣ и его теорія, и что роды его вполнѣ соотвѣтствуютъ его эпохамъ, которыя, въ свою очередь, совпадаютъ съ эпохами общаго духовнаго развитія. Эта мысль дѣлаетъ совершенный переворотъ въ эстетикѣ: искусство, вмѣсто того, чтобъ терять, получаетъ міровое значеніе; оно выходитъ изъ безсмысленнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ оставалось разбитымъ неизвѣстно почему и для чего на разные роды; оно является цѣлымъ, которое живетъ съ духомъ и изъ духа и переживаетъ *съ нимъ* всѣ судьбы его.

Человѣкъ, по натурѣ своей, по назначенію—общее духовное существо—всегда имѣлъ больше или меньше ясное сознаніе—по крайней мѣрѣ предчувствіе чего-то высшаго, нежели всѣ преходящія вещи, нежели онъ самъ въ своей единичности. Съ этого предчувствія начинается исторія человѣчества, потому что только съ этого предчувствія начинается духовная жизнь человѣка. Это сознаніе принимаетъ разныя формы; но первая, въ которой она является намъ исторически (и которую выводитъ намъ спекулятивно философія), есть натурально ничтожество всего единичнаго передъ одною силою: *одно есть*—всѣ единичности ложь и погибаютъ въ этой истинѣ. Это *одно* есть родъ,

котораго жизнь есть смерть всего живаго. Было время, когда это воззрѣніе хотѣли сдѣлать господствующимъ въ философіи и видѣли что-то грандіозное въ этой жизни общаго, забывая, что здѣсь гибель личности, слѣдственно и духа—и что это *одно*, неживущее, безличное, есть только какъ понятіе—слѣд. зараждается въ лицѣ, въ духѣ. Еще забавнѣе, что это воззрѣніе хотѣли приписать Гегелю, который съ такой силой выводитъ духъ и лицо побѣдоноснымъ изъ этого рода (въ Феноменологіи духа) и который отдѣльно во многихъ мѣстахъ полемизируетъ противъ этой безжизненной философіи. Обвинители не читали его.

Но возвратимся къ нашему предмету. Сознаніе такого незримаго, недвижнаго, неназваннаго существа не могло бы, кажется, породить исторію. Но человѣческая индивидуальность непобѣдима: фантазія облекаетъ все своими образами, а ей нужно было *созерцать невидимое*. Воплотить это всепоглощающее одно въ какой-нибудь отдѣльный образъ природы значило утратить смыслъ его—тогда прибѣгли къ символу, къ аллегоріи.—Эти видимыя вещи должны были выразить безконечное, но не сами собою, а только своими отдѣльными отношеніями и т. п. Наконецъ высочайшее развитіе этого направленія является въ стремленіи построить *жилище* Божеству, которое намекнуто въ отдѣльномъ изображеніи, но все оставалось не изобразимымъ. Храмъ не представляетъ Божества; онъ внушаетъ его ожиданіе. Архитектура есть первая степень искусства, приближеніе къ искусству, которое есть *созерцаемая идея.*

Въ архитектурѣ она только предчувствуется, и этотъ древній до-греческій міръ есть преимущественно міръ архитектуры; ея символическій характеръ носятъ всѣ другія искусства той эпохи. У грековъ усовершенствовалась, угар-

монировалась архитектура, но уже не имѣла настоящаго значенія; у нихъ уже были *боги*.

Человѣкъ доживаетъ новой степени: общее начинаетъ представляться въ болѣе живой формѣ; богатая, разнообразная природа, его окружающая, духъ жизни и дѣятельности, не даютъ ему этого мертваго общаго признать основою всего. Чувство жизни влечетъ за собой чувство гармоніи, а вѣнецъ непосредственной жизни, ея цвѣтъ и послѣднее выраженіе—есть человѣческій образъ. Обожаніе натуры, какъ жизни, какъ гармоніи, приводитъ къ антропотеизму, къ обоготворенію *человѣка*. Но непосредственная единичность не въ состояніи вмѣстить всего—и божество раздробляется на боговъ. Высокіе человѣческіе образы, которые завѣдываютъ отдѣльными частями природы и жизни, все населяютъ и воодушевляютъ.—Вотъ исторія перехода къ новому виду идеи; мы оставляемъ спекулятивный ея выводъ. Это идея въ непосредственности, идея какъ жизнь, единичность, *изобразимая* идея—идеалъ. Греческій міръ представляетъ ея развитіе; это міръ искусства по преимуществу. Онъ здѣсь вполнѣ осуществляетъ свое понятіе. Оттуда полнота, оконченность во всѣхъ твореніяхъ грековъ. Скульптура, какъ самое ощутительное выраженіе идеала, есть классическое искусство по преимуществу и она есть искусство этой эпохи. Видимый богъ вносится въ храмъ, который теряетъ свою первую символическую форму и дышетъ стройностью и оконченностью греческаго духа.

Но невидимый образъ составляетъ Божество. Какъ ни проглядываетъ духъ во всѣхъ формахъ человѣческаго *образа*, какъ ни выражаютъ его черты лица,—духъ *не весь* въ этомъ наружномъ образѣ. Только внутренно можно ощущать его, только мыслію постигать. Онъ неизобразимъ, онъ живетъ своей независимой жизнью и понимается духомъ. Это сознаніе разрушаетъ непосредственное единство

идеи съ жизнью. Классическій идеалъ разрушенъ. Искусство грозитъ упасть въ первоначальное индійское безобразіе, но духъ сдѣлалъ успѣхъ; съ этимъ сознаніемъ начинается новый, болѣе истинный видъ идеи.

Она, эта идея, не мертвое единство; она живущій духъ, лицо, но лицо только какъ сознаніе невидимаго. Все, что изобразимо, носитъ только его отпечатки! Новый видъ искусства, гдѣ внѣшняя форма становится только отраженіемъ внутренней, незримой идеи—есть *романтическое искусство.* Но какъ въ немъ является уже истинный духъ, то это даетъ ему начало движенія, раздѣленія въ себѣ; оно является какъ отраженіе идеи въ видимыхъ образахъ: живопись—какъ идея, ощущаемая сердцемъ и облекающаяся въ субъективное бытіе, звукъ—музыка, какъ идея представляемая и мыслимая—поэзія.—Мы видѣли, какъ внутренно одухотворилась здѣсь идея!...

1840 г.

ОПЫТЪ О ФИЛОСОФІИ

ГЕГЕЛЯ *.

(ПЕРЕВОДЪ).

Изслѣдовать философическую систему можно съ двоякою цѣлію: или съ чисто ученою, чтобы узнать ее и чрезъ то сдѣлать себѣ болѣе доступными философскіе труды, или съ цѣлію человѣческою, изъ участія къ истинѣ и человѣчеству. Каждой новой, или принимаемой за новую, системѣ можно сдѣлать два вопроса: во-первыхъ, что̀ она сдѣлала для науки? Что̀ выиграла наука отъ ея изслѣдованій? Какими новыми открытіями обогатилась? Метода, которой слѣдовала эта система, отлична-ли отъ предшествовавшихъ, лучше-ли, вѣрнѣе-ли она? И потомъ, другой, болѣе важный вопросъ: что̀ въ ней стало съ вѣрованіями и надеждами человѣческаго рода? Какое новое рѣшеніе дала она загадкамъ сфинкса? Въ ея выводахъ, что̀ стало съ вѣрою въ Бога Личнаго и Живаго, Бога Праведнаго и Благаго, Мудраго и Сильнаго? что̀ съ надеждою будущей и лучшей жизни, продолженія и довершенія настоящей, жизни наградъ и безконечнаго совершенствова-

---

* Статья Вилльма (Willm) «Essai sur la philosophie de Hegel» появилась сперва въ журналѣ «Revue Germanique» за 1835 г., а въ слѣдующемъ 1836 г. она вышла отдѣльною брошюрою. Н. В. Станкевичъ успѣлъ перевести лишь половину статьи. Въ книгѣ П. В. Анненкова «Николай Владиміровичъ Станкевичъ», въ отдѣлѣ переписки, на стр. 171 находится письмо къ В. И. Красову, гдѣ Н. В. объясняетъ причину, почему онъ не кончилъ статьи: слуга забылъ уложить при отъѣздѣ въ деревню нужный № журнала.—Мнѣ не удалось достать «Revue Germanique» и я сличалъ переводъ съ текстомъ отдѣльнаго изданія, при чемъ кой-гдѣ оказались, маловажные, впрочемъ, пропуски, которые я привожу въ выноскахъ. *Ред.*

нія? Чтǒ она сдѣлала съ человѣческою духовною свободою и человѣческимъ достоинствомъ? Оставила-ли она добродѣтели ея красоту и дѣйствительность? словомъ, подтвердила-ли наши убѣжденія, разсѣяла-ли сомнѣнія, укрѣпила ли надежды и, вмѣстѣ съ сокровищемъ знанія, умножила ли сокровище нашихъ утѣшеній?

Прежде, нежели спросимъ новую философію о ея отношеніи къ человѣчеству, надобно изслѣдовать ее какъ науку. Этому плану мы послѣдуемъ въ предполагаемомъ нами изложеніи Гегелевой философіи. Сначала мы займемся происхожденіемъ этой философіи и скажемъ нѣсколько подробностей о жизни автора и объ изданныхъ имъ сочиненіяхъ. Потомъ, постараемся проникнуть въ духъ ея, слѣдовать за нею въ ея ходу и развитіи. Наконецъ, спросимъ у ней, въ какомъ состояніи оставила она великіе вопросы, которыхъ рѣшеніе такъ живо занимаетъ человѣчество.

Мы не изъ партизановъ Гегеля и не изъ его противниковъ. Слишкомъ удаленные отъ театра, на которомъ сражаются его восторженные ученики и ихъ жаркіе враги; чуждые интересовъ, которые у тѣхъ и другихъ примѣшиваются, можетъ быть, къ интересу истины, мы будемъ изслѣдовать его систему безъ пристрастія и ненависти; но священное уваженіе, которое мы питаемъ къ генію и, еще болѣе, убѣжденіе, что всякая философія, какова-бы она ни была, должна содѣйствовать окончательному торжеству истины; что всякая философія есть отрывокъ философіи всемірной, мы постараемся болѣе высказывать, чтǒ въ его системѣ есть добраго и полезнаго, нежели замѣчать его недостатки, счастливые, если успѣемъ постигнуть ея истинный духъ и объяснить ее нашимъ читателямъ.

Долго останавливала насъ огромная трудность, которую представляетъ изученіе этой системы, особенно для французскихъ читателей и, не одинъ разъ, стараясь передать на своемъ языкѣ результаты нашего изслѣдованія, мы готовы были раскаяться, принявъ на себя обязанность, кото-

рую исполнить можемъ только весьма несовершенно. Въ самомъ дѣлѣ, темнота Гегелевой философіи, для начинающихъ проникать въ нее, такъ велика, что даже въ Германіи, люди, устарѣвшіе въ изслѣдованіи безднъ метафизическихъ, признаются, съ перваго раза, что не понимаютъ ее. И не только ея противники, какъ, напримѣръ, ученый Іенскій профессоръ Бахманнъ, но даже самые преданные ученики обвиняютъ себя, что худо поняли это ученіе, на которое одни нападаютъ съ такимъ жаромъ и которое другіе проповѣдуютъ съ энтузіазмомъ. Мы постараемся сдѣлать наше изложеніе столь яснымъ, сколько позволитъ самый предметъ и сдѣлаемъ, что̀ умѣемъ, чтобъ быть понятными для тѣхъ, которые захотятъ слѣдовать за нами съ нѣкоторымъ вниманьемъ и привыкли сколько-нибудь къ философскому языку и способу сужденія. Но мы нуждаемся во всемъ терпѣніи и во всемъ снисхожденіи читателей. Самая сухая и безплодная, повидимому, часть нашего труда, есть важнѣйшая, и только этими дикими и темными путями будемъ мы въ состояніи провести слѣдующихъ за нами на вершину науки, откуда имъ представится зрѣлище болѣе отрадное.

То, что одинъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ Гегеля сказалъ о метафизическихъ изслѣдованіяхъ вообще, особенно можетъ быть приложено къ изслѣдованіямъ его учителя. «Человѣкъ, который предается метафизическому созерцанію,—говоритъ Гешель,—похожъ на животное, которое бродитъ, очарованное злымъ духомъ, по безплодной пустынѣ, между тѣмъ какъ кругомъ его раскинулось зеленое и сочное пастбище. Ничто такъ не нужно созерцательной мысли, какъ отвлеченіе, не отвлеченіе отъ всякаго содержанія, но отъ всякаго бытія, непосредственно даннаго, чтобы проникнуть къ существу дающему, къ источнику всякаго существованія. Но это отвлеченіе исполнено трудности и горести. Надобно рѣшиться на долгую разлуку съ родиною; надобно удалиться, уплыть вверхъ по рѣкѣ жизни, далеко отъ плодоносныхъ и веселыхъ береговъ, покрытыхъ жи-

выми существами; надобно плыть все выше и выше,—и чѣмъ долѣе плывешь, тѣмъ пустыннѣе и молчаливѣе становится кругомъ. Надобно отказаться отъ самого себя, заставить умолкнуть всѣ свои чувства. Дорога длинна и не одинъ умеръ или палъ въ изнеможеніи, прежде, нежели достигъ цѣли труднаго странничества; другіе сбились съ дороги; третіе, болѣе счастливые, воротились изъ этой страны, чуждой и непривѣтливой, и, возвращенные непосредственной жизни, нашли отдыхъ въ вѣрѣ» *.

«Какъ всякій человѣкъ,—прибавляетъ тотъ-же авторъ,—узнаетъ себя съ трудомъ и несовершенно, такъ время никогда не познаетъ себя вполнѣ и постигается полно и совершенно только будущимъ. Особенно, въ каждой эпохѣ есть моментъ, который сначала ускользаетъ отъ всякаго полнаго анализа, и это-то и есть *діалектическій моментъ* [2], который заключаетъ начало дальнѣйшаго развитія. Но духъ вѣка отражается, преимущественно въ философіи, и этимъ-то объясняется, почему философія своего времени болѣе, нежели что-нибудь другое, неизвѣстна или не признана большинствомъ. Такова была особенно участь *философіи нашего времени*, потому что она простерла отвлеченіе до высочайшей степени. Ея путь суровъ и полонъ препятствій, ея начало трудное, ея предѣлъ стоитъ на высотѣ, отъ которой голова кружится и которая не имѣетъ никакого *даннаго* основанія; ея форма еще груба, потому что къ ней не привыкли; языкъ ея новъ, какъ мысль, которую онъ высказываетъ, а ея ходъ такъ-же тяжелъ, какъ и вѣренъ. Отъ этого вѣкъ съ трудомъ по-

---

* Hegel und seine Zeit.—Berlin, 1832, стр. 1.

[2] Вотъ одно изъ выраженій, которое нельзя хорошо объяснить, не восходя къ самому началу этой философіи и которое напоминаетъ весь духъ ея; оно объяснится въ послѣдствіи, какъ и многія другія. Слово *моментъ* должно быть постоянно принимаемо въ своемъ этимологическомъ значеніи (отъ moveo—двигать). Въ такомъ смыслѣ, это пунктъ времени, въ который совершается движеніе, начало дальнѣйшаго развитія.

стигаетъ свое собственное произведеніе, отецъ не узнаетъ сына, даже, какъ-будто отлучаетъ его, не смотря на то, что духъ новой философіи началъ уже выступать на всѣ части знанія и прорывать всѣ границы, противившіяся его вліянію».

Не принимая, что философія Гегеля есть, по преимуществу, *философія нашего времени* въ отношеніи къ общему ходу человѣческаго духа; не допуская даже, что она есть послѣднее звено нѣмецкой философіи XIX вѣка, нельзя однако не признать за ней величайшей важности. Одно неоспоримо: эта философія живо взволновала и еще живо занимаетъ умы въ Германіи. Въ продолженіи двадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ новый Ахиллесъ, Шеллингъ, отказавшись отъ брани, удалился въ свою ставку и прикрылся гордымъ молчаніемъ, Гегель, возвысившись надъ всѣми своими соперниками, царствовалъ безъ раздѣла надъ умственною Германіею. Безъ сомнѣнія, онъ встрѣтилъ живое и страшное сопротивленіе; но самое это сопротивленіе было данію уваженія его могуществу. Всѣ его противники, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ не ослѣпляла страсть и которые не защищали противъ него личныхъ интересовъ какого-нибудь главы противной партіи, не оставляя пренія, признавали его превосходство и видѣли въ немъ одного изъ этихъ людей, которые изрѣдка являются, чтобы стать впереди великаго философическаго движенія и дать новое направленіе уму человѣческому. Гегель былъ, по признанію всѣхъ друзей и недруговъ, однимъ изъ корифеевъ новой философіи и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ умственныхъ могуществъ нашего времени.

Чтобы привлечь на труды его общее вниманіе, не нужно видѣть въ немъ, съ восторженными его учениками, непогрѣшительнаго творца полной и окончательной философіи, ученіе которой остается только развить и приложить; такая философія будетъ только идеаломъ, къ которому можно болѣе или менѣе приближаться, но котораго осуществить не дано никому. Чтобы призвать современниковъ

и потомство къ уваженію и изученію Гегеля, довольно сказать, что онъ поставилъ себя въ число этихъ могучихъ геніевъ, которые, по выраженію Платона, изъ руки въ руку передаютъ свѣтильникъ знанія; довольно сказать, что онъ былъ однимъ изъ блестящихъ колецъ этой золотой цѣпи, которую древніе вели отъ Гермеса и которая продлится до конца вѣковъ; что онъ былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ преемниковъ Декарта, Лейбница, Канта, Фихте и соперникомъ Шеллинга.

Всѣмъ, кого занимали перевороты человѣческаго ума; всѣмъ, кто знаетъ, какое вліяніе имѣетъ философія на другія части знанія и на судьбы человѣчества; всѣмъ, кто захочетъ вполнѣ уразумѣть духъ своего вѣка, непростительно не знать Гегелевой системы. Она имѣла могущественное вліяніе не на одинъ ходъ философіи въ Германіи: всѣ отрасли знанія, болѣе или менѣе, были измѣнены ею и долго еще будутъ испытывать власть ея. Но великая нація не можетъ получить движенія такъ, чтобы не сообщить его всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Умственныя движенія, каково бы ни было различіе языка и духа, раздѣляющее народы, никогда не останавливаются на границахъ: электрическое сообщеніе, хотя ослабѣвая, простирается далеко: надобно понимать его и умѣть восходить къ его началу.

Приступая къ нашему опыту—сдѣлаться истолкователями этой философіи—мы не скрываемъ ни одной изъ трудностей нашего предпріятія, и, можетъ быть, если-бъ мы послушались совѣтовъ одного нашего самолюбія, мы бы отказались и предоставили другимъ всѣ опасности труда, въ которомъ такъ легко пасть и который, въ случаѣ успѣха, найдетъ мало истинныхъ цѣнителей. Но мы имѣемъ право всегда надѣяться на снисхожденіе тѣхъ, которые въ состояніи судить объ этомъ предметѣ. На этотъ разъ, мы предложимъ только первый опытъ; въ послѣдствіи, предоставляемъ себѣ возвратиться къ нашему труду и подъ другою формою сдѣлать его предметомъ новаго сочиненія. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права на это пред-

пріятіе, что не всѣ сочиненія Гегеля изданы, что мысль его еще неизвѣстна во всемъ своемъ объемѣ. Мы воспользуемся тогда и совѣтами критики и новыми раскрытіями, которыя получитъ эта мысль въ живой и ученой полемикѣ, теперь ею занимающейся, и въ новыхъ приложеніяхъ ея къ другимъ наукамъ.

I.

Жизнь и сочиненія Гегеля.

Мы не намѣрены представить здѣсь полную біографію этого философа, но хотимъ только напомнить примѣчательнѣйшіе факты изъ его жизни. Эта жизнь, впрочемъ, представляетъ мало событій: она вся почти въ трудахъ его; весь свой интересъ она заимствуетъ отъ благороднаго дѣла, которому была посвящена.

Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ Гегель родился 27 августа 1770 г. въ Штуттгартѣ, столицѣ одного изъ нѣмецкихъ государствъ, болѣе всѣхъ произведшаго людей знаменитыхъ въ литературѣ и искусствѣ, давшаго Германіи Виланда, Шиллера, Даннекера и Уланда. Отецъ его, секретарь герцогской камеры, далъ ему это классическое воспитаніе, которымъ отличалось тогда Виртембергское юношество и которое послужило основаніемъ его дальнѣйшему образованію.

Восьмнадцати лѣтъ отъ роду, Гегель отправился въ Тюбингенскій университетъ для изученія философіи и богословія. Вступивъ въ богословскую семинарію, онъ нѣсколько времени раздѣлялъ комнату съ однимъ студентомъ, котораго вскорѣ ожидала слава и который, въ восторгахъ юности, уже задумывалъ новую философію. Шеллингъ, хотя нѣ-

сколькими годами моложе своего друга, Гегеля, упредилъ его на поприщѣ и прославился раньше. Гегель былъ ученикомъ Шеллинга, прежде нежели сдѣлался соперникомъ. По свидѣтельству одного изъ отличнѣйшихъ его партизановъ *, Гегель всегда охотно вспоминалъ свои старыя отношенія съ славнымъ соперникомъ и говорилъ о нихъ искреннимъ друзьямъ своимъ съ удовольствіемъ и сожалѣніемъ.

Хотя съ тѣхъ поръ уже Гегель всѣ свои занятія направлялъ къ философіи, онъ согласился однако идти сначала подъ чужимъ знаменемъ, и хотя случай заставилъ его родиться нѣсколькими годами ранѣе его молодаго товарища, мысль его должна была не прежде обнаружиться во всей своей оригинальности и независимости, какъ напитавшись мыслью Шеллинга.

Велика и рѣшительна была эпоха, въ которую Гегель началъ свои высшія занятія философіею. Великій Фридрихъ сошелъ во гробъ; онъ, какъ всѣ почти современные ему государи, какъ Карлъ III, Іосифъ II, Екатерина II, приложилъ философическія идеи къ правленію, но не позволяя имъ касаться своихъ правъ и оспаривать власть свою ². Въ то время, какъ практическая философія, ³ теоретическая получала въ Германіи коренное преобразованіе; догматизмъ, уже потрясенный тонкимъ скептицизмомъ Юма, падалъ подъ критикою Кёнигсбергскаго философа. Три *критики* Канта явились, одна за другою. Увлеченный неотразимымъ движеніемъ, которое дали умамъ германскимъ происшествія запада и новая философія,

---

* *Гансъ,* въ своей некрологіи Гегеля. Vermischte Schriften, T. II, стр. 242. (Berlin, 1834).

² Въ французскомъ подлинникѣ прибавлено еще: «tandis qu'en France ces mêmes idées menaçaient le trône d'une ruine imminente».

³ Въ этомъ мѣстѣ пропущено нѣсколько словъ. Вотъ французскій текстъ: «En même temps que la philosophie pratique exerçait ainsi sa redoutable puissance, la philosophie théorique subissait en Allemagne une reforme radicale», etc. *Ред.*

раждавшаяся на сѣверѣ, Гегель рано рѣшился искать въ философическихъ трудахъ дѣятельности, свойственной его генію; и когда, въ послѣдніе годы осьмнадцатаго вѣка, Фихте съ блескомъ явился на горизонтѣ, Шеллингъ и Гегель были нѣсколько времени его партизанами, но уже занятые мыслію опередить его и совершить свой подвигъ.

Гегель провелъ пять лѣтъ въ Тюбингенскомъ университетѣ, напитываясь изученіемъ Канта и Платона. Получивъ въ двадцать лѣтъ степень доктора философіи, желая посмотрѣть на свѣтъ, онъ принялъ должность учителя сначала въ Швейцаріи, потомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка, получивъ, по смерти отца, небольшое наслѣдство, онъ увидѣлъ себя въ возможности возвратить свою независимость и сопровождать своего друга, Шеллинга, въ Іенскій университетъ, который, за нѣсколько лѣтъ до этого, уже сдѣлался главнымъ фокусомъ нѣмецкой философіи. Рейнгольдъ, одинъ изъ первыхъ умовъ между второстепенными, читалъ въ немъ лекціи съ большимъ успѣхомъ до 1794-го; Фихте наслѣдовалъ ему и остался тамъ до 1799, и Шеллингъ, уже отдѣлившійся отъ Фихте, замѣстилъ его на каѳедрѣ.

Кажется, что Гегель отправился въ Іену для того, чтобы соединить мысль свою съ мыслью друга. Чтобы получить право публичнаго преподаванія, онъ написалъ свою латинскую диссертацію *объ орбитахъ планетъ* [*] и скоро издалъ свое первое философическое сочиненіе: *о различіи системъ Фихте и Шеллинга* [2]. Въ этомъ сочиненіи онъ превозносилъ, на счетъ философіи Канта и Фихте, философію Шеллинга, съ которымъ соединился для изданія *Критическаго журнала философіи.* Самая замѣчательная статья, помѣщенная имъ въ этомъ собраніи, есть: о Вѣрѣ и знаніи [3], — статья, заключающая въ себѣ остроумную

---

[*] De orbitis planetarum, 1801.

[2] Differenz des Fichte'schen und Schelling'schen Systems, Іена, 1801.

[3] Glauben und Wissen, въ 1-й книжкѣ 2-го тома означеннаго собранія.

критику системъ Канта, Якоби и Фихте, какъ различныхъ формъ философіи чисто-субъективной.

Во время пребыванія своего въ Іенѣ, онъ былъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ Шиллеромъ и Гёте. Послѣдній, какъ можно видѣть изъ переписки этихъ обоихъ поэтовъ, провидѣлъ уже тогда геній Гегеля сквозь грубыя и еще не установившіяся формы, въ которыя онъ облекался. Но Веймарское правительство не въ состояніи было сдѣлать что-нибудь для него; и когда, наконецъ, по отъѣздѣ Шеллинга изъ Іенскаго университета, въ 1806, онъ былъ опредѣленъ профессоромъ на его мѣсто, ему могли назначить только весьма ограниченное жалованье.

Съ этихъ поръ Гегель не находилъ болѣе удовлетворенія въ философіи своего друга и работалъ надъ сооруженіемъ началъ новой и самобытной системы. Подъ выстрѣлы Іенской пушки, наканунѣ Іенской битвы, онъ дописалъ послѣдніе листы своей *Феноменологіи духа*, которая должна была служить вступленіемъ въ новую философію, которую онъ соображалъ [*]. Этимъ сочиненіемъ Гегель навсегда отдѣлился отъ ученія Шеллинга.

Бѣдствія того времени, упадокъ Іенскаго университета и чувство невозможности заставить оцѣнить философію, которая раждалась съ такимъ трудомъ, понудили Гегеля оставить Іену и отправиться въ Бамбергъ, гдѣ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ политическій журналъ этого города. Говорятъ, что въ этомъ журналѣ явились статьи, написанныя съ большимъ умомъ и ясностію и отличавшіяся откровенностью и глубиною, рѣдкими въ эту эпоху [2].

Впрочемъ, это поприще было свойственно Гегелю. Онъ принялъ въ 1808 году должность ректора Нюрембергской гимназіи,—должность, въ исправленіи которой онъ обна-

---

[*] Это сочиненіе вышло въ Бамбергѣ, въ 1807, подъ заглавіемъ: System der Wissenschaft (Система науки), томъ I. Феноменологія духа.

[2] См. Ганса въ некрологіи Гегеля.

ружилъ столько-же энергіи, сколько и способности. Онъ подвергъ ввѣренное ему заведеніе совершенной реформѣ и ввелъ въ немъ преподаваніе философіи. Это заведеніе сохранило признательную память о его управленіи и еще въ одно изъ недавнихъ ученыхъ торжествъ его слышны были великія похвалы направленію, которое далъ ему Гегель.

Съ 1807 по 1812 г. Гегель не издалъ ничего; но онъ прилежно работалъ надъ сооруженіемъ своей системы. Онъ издалъ теоретическую часть ея подъ заглавіемъ *Логики*[*], заключивъ въ нее, вмѣстѣ съ обыкновенною логикою, всю общую метафизику и означая этимъ отличительный характеръ своей философіи.

Дѣйствіе, произведенное этимъ оригинальнымъ произведеніемъ, высокое философское соображеніе, въ немъ обнаруженное, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о *Феноменологіи духа*, были причиною того, что его пригласили, въ 1816 г., профессоромъ философіи въ Гейдельбергскій университетъ. Возвращеніе національной независимости одушевило университеты новою жизнью; вездѣ съ новымъ жаромъ и новою довѣренностью снова принялись за ученіе. Гегель, который съ сожалѣніемъ отказался прежде отъ академической жизни, поспѣшилъ занять мѣсто, на которомъ онъ могъ надѣяться внушить свою философію части избраннаго нѣмецкаго юношества. Ожиданіе не обмануло его: слушатели всѣхъ факультетовъ соединились вокругъ него, и несмотря на относительную неясность, съ которою профессоръ еще предлагалъ свои идеи, всѣ были поражены ихъ глубиною и оригинальностью. Одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ Гейдельбергскаго университета, г. Даубъ, профессоръ въ богословскомъ факультетѣ, поступилъ въ число его партизановъ.

Первое изданіе его энциклопедіи философскихъ наукъ[1],

[*] Logik des Seyns, des Wesens und des Begriffs: Логика бытія, сущности и понятія. 3 части. Нюренбергъ, 1812—1816.

[1] Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften. Heidelberg, 1817.— Третіе изданіе, весьма дополненное, 1831.

которую онъ напечаталъ въ 1817 г., довершило его славу во всей Германіи, и эта заслуженная слава рѣшила прусское правительство призвать его въ новый Берлинскій университетъ, гдѣ Фихте, умершій въ началѣ 1814 г., еще не былъ замѣщенъ. Гегель, несмотря на всѣ наслажденія, которыя представляло ему пребываніе въ Гейдельбергѣ, общество такихъ людей, какъ Фоссъ, Даубъ, Крейцеръ, привлекательная страна, несмотря на всѣ увѣщанія Баденскаго правительства, долженъ былъ отвѣчать на этотъ призывъ для выгодъ самой своей философіи. Онъ прибылъ въ Берлинъ къ осени 1818 г. и съ этихъ поръ, до самой его кончины, жизнь Гегеля не представляла никакихъ другихъ событій, кромѣ постоянно возраставшаго успѣха его публичныхъ лекцій, кромѣ его извѣстности, сдѣлавшейся европейскою, кромѣ курсовъ на всѣ отрасли философіи и изданія различныхъ сочиненій. Онъ напечаталъ одно за другимъ: свою *Философію права**, два новыхъ изданія *Энциклопедіи философскихъ наукъ*, первую часть втораго изданія своей *Логики* и многія важныя статьи въ *Лѣтописяхъ ученой критики*, которыя онъ сдѣлалъ органомъ своей философіи, въ приложеніи ко всѣмъ частямъ искусства науки. Еще онъ былъ полонъ силы и энергіи, когда въ 1831 г. холера постигла Берлинъ и выбрала его одною изъ знаменитѣйшихъ жертвъ своихъ. Гегель умеръ 14 ноября этого роковаго года, черезъ 116 лѣтъ послѣ смерти Лейбница, и погребенъ, какъ онъ желалъ, подлѣ Фихте.

День его похоронъ былъ днемъ торжества его; всѣ партіи соединились, чтобы признать великость этой потери. Если нѣкоторые изъ самыхъ преданныхъ учениковъ хвалили его съ безпримѣрнымъ преувеличеніемъ, и если ничто великое въ исторіи не казалось имъ слишкомъ высокимъ, чтобъ быть предѣломъ сравненія съ ихъ знаменитымъ учителемъ, можно извинить излишеству ихъ удив-

---

* Grundlinien der Philosophie des Rechts.—Berlin, 1832.

ленія и искренности ихъ печали*. Гегель, безъ сомнѣнія, будетъ занимать высокое мѣсто въ исторіи философіи, которая, приведя всѣ эти похвалы къ ихъ настоящей цѣнѣ, увидитъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство того энтузіазма, который знаменитый мыслитель умѣлъ вдохнуть своимъ ученикамъ. Исторія поразитъ тѣмъ же порицаніемъ и пренебреженіе, болѣе притворное, нежели истинное, съ которымъ говорили объ немъ немногіе изъ его противниковъ[2], и льстивыя похвалы нѣкоторыхъ изъ его приверженцевъ, которые не усумнились приписать ему высочайшія качества и различныя достоинства Платона и Аристотеля, Спинозы и Лейбница, Канта, Фихте и Шеллинга[3].

Говорятъ, Гегель пользовался расположеніемъ своего правительства: многіе выводили изъ этого свои заключенія и вздумали поставить ему это въ вину[4]. Другіе обвиняли его въ томъ, что онъ во зло употреблялъ свое вліяніе, удаляя отъ каѳедръ философіи даровитыхъ людей, противниковъ своей системы, чтобы призвать на нихъ людей, которыхъ величайшимъ достоинствомъ былъ энтузіазмъ, истинный или ложный, къ своему учителю.

Если Гегель покровительствовалъ своихъ партизановъ, когда вѣрилъ ихъ достоинству,—ничего нѣтъ естествен-

* При всемъ этомъ нельзя не пожалѣть о неумѣренности. Г. Маргейнеке дерзалъ сравнивать его съ Іисусомъ Христомъ; Г. Ферстеръ уподоблялъ его Александру Великому; Гансъ, въ своей некрологіи, хвалитъ его съ большимъ вкусомъ, но съ такою же неумѣренностью. «Никто, говоритъ онъ, не замѣнитъ его. Кантъ, въ старости, видѣлъ Фихте, Фихте видѣлъ юность Шеллинга, Шеллингъ нашелъ подлѣ себя Гегеля. Гегель оставляетъ по себѣ множество учениковъ, но ни одного преемника,—философія теперь совершила свой кругъ, и всевозможный для нея успѣхъ ограничивается раскрытіемъ данной матеріи, по методѣ, такъ ясно указанной знаменитымъ покойникомъ».

[2] Наприм. Кругъ въ статьѣ о Гегелѣ въ *Философ. словарѣ*.

[3] Между прочимъ Муссманъ въ диссертаціи: de Idealismo.—Berlin, 1826.

[4] Въ этомъ мѣстѣ мы находимъ опять отступленіе отъ подлинника. Приводимъ французскій текстъ: «On dit que Hegel jouissait

нѣе, даже извинительнѣе; если онъ и не одинъ разъ ошибся,—опять-таки ничего нѣтъ естественнѣе. Но чтобы онъ сознательно простеръ это пристрастіе до несправедливости,—такое обвиненіе требовало-бы доказательствъ; чтобъ быть допустимымъ, оно слишкомъ противорѣчитъ тому, что̀ мы знаемъ о характерѣ философа.

Эта увѣренность насчетъ огромнаго вліянія Гегеля дѣлается впрочемъ очень загадочною, когда мы вспомнимъ, что несмотря на успѣхъ его сочиненій и публичныхъ лекцій, несмотря на европейскую славу его имени, уже въ то время, когда онъ былъ *одною* изъ величайшихъ Берлинскихъ *знаменитостей*, Берлинская Академія постоянно отказывалась принять его въ число своихъ членовъ и «когда наконецъ, говоритъ Гансъ, философическій классъ его выбралъ, то физики отвергли, поставивъ его въ одно положеніе съ Зольгеромъ и Фихте, также не получившихъ академическаго сана».

Даже по признанію его поклонниковъ, Гегелю недоставало, ни на лекціяхъ, ни въ разговорѣ, этой легкости и этого изобилія въ выраженіи, которыя часто бываютъ удѣломъ посредственности, но которыя, безъ сомнѣнія, не безполезны даже и для генія. Тѣмъ болѣе надобно удивляться его успѣху, что онъ не одолженъ имъ прелести краснорѣчія, обольщенію слова, и что предметы, о которыхъ онъ читалъ, были сухи и чужды для молодыхъ умовъ *. Надобно же, чтобъ въ этой философіи и въ спо-

---

d'une grande faveur auprès de son gouvernement, et nous avons souvent entendu avancer que cette faveur se fondait principalement sur ce que sa philosophie semblait légitimer les prétentions de l'absolutisme. Mais sans examiner ici jusqu'à quel point cette accusation, qui ne s'adresserait pas à Hegel seul, s'accorde avec le véritable esprit de sa philosophie, elle devient invraisemblable, quant à lui, lorsqu'on se rappelle que quelques-uns de ses disciples les plus avoués par lui appartiennent à l'opinion libérale la plus avançée». *Ред.*

* Почтенный авторъ, кажется, забылъ, что онъ говоритъ о нѣмецкомъ юношествѣ XIX вѣка. *Примѣч. Н. В. Станкевича.*

собѣ ея творца было что-нибудь могучее, чтобы до такой степени покорить умы, несмотря на недостатокъ краснорѣчія и всю трудность ея метода.

«Кто полюбилъ однажды, говоритъ Гансъ, глубину и твердость его лекцій, пробивавшіяся сквозь трудности изложенія, тотъ увлекался болѣе и болѣе и на вѣки заключался въ магическій кругъ очевидностію его доказательствъ и энергіею его минутныхъ вдохновеній».

Мы охотно принимаемъ, какъ похвалу, то, что̀ панегиристъ Гегеля говоритъ о немъ, какъ о свѣтскомъ человѣкѣ. «Въ его дружескихъ бесѣдахъ и въ обществѣ, наука не показывалась; онъ не любилъ въ нее наряжаться; она не переходила за предѣлы аудиторіи и кабинета. Видя его занятымъ мелкими человѣческими интересами, веселымъ и игривымъ въ кругу друзей, никто-бъ не подумалъ, какое высокое мѣсто въ мірѣ мысли занимаетъ этотъ человѣкъ, столь простой по наружности. Онъ предпочиталъ, особенно въ Берлинѣ, свѣтскую бесѣду ученой». Но мы напрасно искали въ замѣткахъ, которыя остались намъ о жизни этого великаго философа, чего-нибудь похожаго на эту высокую простоту, которой удивляются въ Кантѣ, или на эту пламенную любовь къ отчизнѣ и независимости, которая одушевляла жизнь Фихте. Это—такъ хотѣлось-бы намъ думать—скорѣе вина тѣхъ, которые писали объ его жизни, нежели вина ихъ героя. Будемъ надѣяться, что вскорѣ біографія подробная, написанная безъ ненависти и пристрастія, внушенная однимъ желаніемъ показать все, что заключаетъ въ себѣ характеристическаго такая замѣчательная индивидуальность, посвятитъ насъ во всѣ тайны его жизни и покажетъ намъ Гегеля со всѣхъ сторонъ, и какъ человѣка, и какъ мудреца, гражданина. Есть отрада, есть счастіе—любить и чтить того, кого уважаешь и кому удивляешься.

Мы видѣли, что одни важныя сочиненія, изданныя самимъ Гегелемъ, есть: *Феноменологія духа*, *Наука логики*, которой втораго изданія онъ не успѣлъ окончить; три из-

данія *Энциклопедіи философскихъ наукъ* и *Философія права*. Но онъ приготовлялъ многія другія, которыя смерть помѣшала ему окончить. Извѣстно, что многіе изъ учениковъ его соединились, чтобъ дать публикѣ полное изданіе его твореній. Оно будетъ состоять изъ 17 частей*. Содержаніе ихъ будетъ слѣдующее:

Томъ I, издаваемый г. Мишеле, заключаетъ всѣ *Философическія диссертаціи*, написанныя авторомъ въ лѣта его союза съ Шеллингомъ, т. е. съ 1801 по 1803. Ихъ четыре: 1) *О вѣрѣ и знаніи*, или о субъективной философіи. Это, какъ мы сказали, критика системъ Канта, Якоби, Фихте, разсматриваемыхъ изъ Шеллингова начала. 2) *О различіи философскихъ системъ Фихте и Шеллинга.* 3) *Объ отношеніи натуральной философіи къ философіи вообще;* это защищеніе Шеллинговой философіи преимущественно противъ Рейнгольда, обвинявшаго ее въ несогласіи съ нравственностью и религіею. 4) *О различныхъ способахъ обрабатыванія естественнаго права, какъ науки;* о мѣстѣ, которое принадлежитъ ему въ практической философіи, и объ его отношеніи къ положительному праву[1].

Томъ II, изданный докторомъ Шульце, заключаетъ *Феноменологію духа*,—сочиненіе, въ которомъ, какъ уже сказано, Гегель формально отдѣлился отъ Шеллинга, и на которое надобно смотрѣть, какъ на введеніе въ собственную философію автора. Это новое изданіе *Феноменологіи* совершенно сходно съ оригинальнымъ, кромѣ перемѣнъ, сдѣланныхъ Гегелемъ въ первыхъ 25 страницахъ предисловія и нѣкоторыхъ чисто грамматическихъ поправокъ издателя.

Томъ III, IV и V содержитъ *Науку логики*, изданную докторомъ Леопольдомъ фонъ-Геннингъ; первая часть, по второму изданію, пересмотрѣна и поправлена авторомъ;

---

* Пропущено окончаніе «dont onze ont paru». *Ред.*

[1] Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts, etc. Всѣ эти разсужденія, за исключеніемъ втораго, явившагося отдѣльно, были сначала помѣщены въ Критическомъ журналѣ философіи.

двѣ другія, по первому изданію, потому что смерть помѣшала пересмотрѣть это важное сочиненіе.

Томъ VI и VII будутъ заключать *Энциклопедію философскихъ наукъ*, по третьему изданію, вышедшему въ 1830. Это сочиненіе есть какъ-бы сокращеніе всей философіи Гегеля; другія сочиненія его суть, нѣкоторымъ образомъ, только поясненія и развитія этого.

Томъ VIII содержитъ *Философію права*, съ предисловіемъ Ганса и множествомъ замѣчаній и прибавленій, извлеченныхъ изъ курса, читаннаго авторомъ объ этомъ предметѣ въ 1823 и 1825.

Тотъ же издатель помѣститъ въ IX томѣ *Философію исторіи*, по публичнымъ лекціямъ Гегеля. Его лекціи объ эстетикѣ, пересмотрѣнныя докторомъ Готто, составятъ X томъ собранія.

XI и XII томы, пересмотрѣнные докторомъ фил. Маргейнеке, содержатъ лекціи о философіи религіозной, съ трактатомъ доказательствъ бытія Божія.

Томы XIII, XIV и XV посвящены *Исторіи философіи*, изданной Мишеле, по курсамъ Гегеля въ Берлинскомъ университетѣ, въ 1824, 1826 и 1830.

Наконецъ, томы XVI и XVII, подъ заглавіемъ смѣшанныхъ сочиненій, состоятъ изъ нѣсколькихъ не обширныхъ статей, помѣщенныхъ въ *Критическомъ журналѣ философіи*, рѣчей и критикъ.

Всѣ эти сочиненія, какъ видно, не одинаковой важности и не одинаковой подлинности. Чтобы схватить настоящую мысль Гегеля, нельзя черпать съ полнымъ довѣріемъ изъ этихъ томовъ. Особенно надобно придерживаться сочиненій, изданныхъ имъ самимъ. Критика должна раздѣлить то, что пришло прямо и безъ измѣненій отъ учителя и прибавленія, измѣненія его учениковъ; но исторія отдастъ справедливость святой ревности, съ какою они поспѣшили воздвигнуть своему главѣ памятникъ, котораго еще тщетно ожидаютъ знаменитые его предшественники, Кантъ и Фихте.

II.

О философіи вообще.

Для людей, которые внимательно и отчетливо наблюдали ходъ нѣмецкой философіи со временъ Канта, сочиненія, въ которыхъ Гегель сталъ отдѣляться отъ своего друга, Шеллинга, и излагать свою собственную систему, могли показаться нѣсколько темными; но всѣ, естественно, были болѣе или менѣе готовы понимать эту новую метаморфозу философическаго ума.

Вся исторія философіи, съ первыхъ ея началъ, у грековъ, до послѣдняго развитія въ наше время, составляетъ цѣлое, котораго ни одна часть не можетъ быть взята отдѣльно, не потерявъ своего значенія и полнаго смысла. Все въ ней связано, все составляетъ цѣпь, какъ въ исторіи политической, какъ въ исторіи цивилизаціи. Эпохи, повидимому, самыя оригинальныя и независимыя, подверглись вліянію предшествовавшихъ и объясняются вполнѣ только послѣдующими. Тѣмъ болѣе, философскія ученія, принадлежащія къ одному времени, школы и системы, общія по происхожденію и языку, въ самой распрѣ ихъ, объясняются только однѣ посредствомъ другихъ. Такъ, у древнихъ, Платонъ понятнѣе, когда знаешь Пиѳагора и Элеатовъ; Аристотель объясняется, по большей части, Платономъ, Зенонъ—Эпикуромъ. У новыхъ различныя философскія системы, слѣдовавшія одна за другою въ Германіи, начиная съ автора «Критики чистаго разума» до нашего времени, неразрывно связаны между собою! Кантъ примыкаетъ къ Юму, Фихте наслѣдуетъ Канту, Шеллингъ и Гегель оба наслѣдуютъ Фихте, и Гегель вышелъ изъ Шеллинга.

Поэтому, чтобы приготовить нашихъ читателей къ уразумѣнію Гегелевой философіи, лучше всего—было-бы предварительно изложить системы Канта, Фихте и Шеллинга

и показать, какимъ естественнымъ переходомъ соединяется съ ними система Гегеля. Но это историческое введеніе, чтобъ быть вполнѣ полезнымъ для тѣхъ, кому оно нужно, по обширности, перешло-бы границы, въ которыя мы принуждены заключить себя. Для цѣли, которую мы здѣсь себѣ предполагаемъ, намъ нѣтъ необходимости слѣдить за этимъ ходомъ и, можетъ быть, возможно будетъ дать достаточное понятіе о философіи Гегеля, изучая ее отдѣльно и объясняя самой собою. Мы должны, впрочемъ, предположить въ читателяхъ знакомство съ философскими изслѣдованіями, языкомъ и, хотя отчасти, съ духомъ новой нѣмецкой философіи. Впрочемъ, мы будемъ сравнивать, въ рѣшеніи труднѣйшихъ вопросовъ, систему Гегеля съ системами его предшественниковъ, но только по мѣрѣ того, какъ представятся эти вопросы, ссылаясь въ цѣломъ на прежнія статьи о Кантѣ, Фихте и Шеллингѣ (помѣщенныя въ Revue Germanique), равно какъ на французскій переводъ превосходнаго «Руководства къ исторіи философіи Теннеманна».

Прямое средство ввести читателей нашихъ въ систему Гегеля—это сообщить имъ, что̀ онъ самъ говоритъ о философіи вообще и о цѣли, которую онъ предположилъ себѣ въ своей. Опредѣленіе философіи, чаще всего, есть система того, который ее опредѣляетъ, приведенная въ простѣйшій видъ. Къ словамъ учителя о философіи вообще и его философіи особенно, мы присоединимъ слова нѣкоторыхъ его учениковъ. Авторъ статьи ограничитъ себя здѣсь ролью простаго повѣствователя. Мы позволимъ себѣ судить о системѣ не прежде, какъ изучивъ ее и изложивъ въ самыхъ главныхъ частяхъ.

Гегель при многихъ случаяхъ высказалъ свое мнѣніе о предметѣ философіи, особенно въ своей Энциклопедіи философскихъ наукъ, въ началѣ и въ концѣ, въ Исторіи философіи и въ Философіи права. Онъ опредѣлилъ ее, то говоря вообще и предварительно, то частно и точно. Его объясненія перваго рода очень просты, хотя уже и

проникнуты его духомъ; объясненія втораго рода, которыя нѣкоторымъ образомъ сокращаютъ его систему, могутъ быть хорошо поняты только изъ его ученія.

«То, чего я искалъ вообще въ моихъ философскихъ трудахъ и чего я ищу, говоритъ онъ въ предисловіи ко второму изданію Энциклопедіи философскихъ наукъ (Берлинъ, 1827, стр. IV), это систематическое познаніе истины. Дорога самая трудная, но одна, которая можетъ имѣть цѣну и занимательность для ума, когда онъ, пустившись однажды на путь мышленія, не хочетъ блуждать въ пустотѣ и сохраняетъ волю и твердость, нужныя для обрѣтенія истины. Онъ скоро убѣждается, что одна метода можетъ овладѣть мыслію, навести ее на вѣрный путь и постоянно удерживать на немъ».

До сихъ поръ Гегель говоритъ только то, что̀ могъ сказать всякій другой философъ. Нѣтъ философа, который бы не искалъ систематическаго познанія истины и не признавалъ необходимости метода для обузданія мысли и ея руководства на пути къ истинѣ. Но Гегель прибавляетъ, предупреждая выводъ своей системы: «Результатомъ этого методическаго изслѣдованія будетъ ничто другое, какъ возстановленіе того абсолютнаго содержанія, выше котораго мысль сначала стремилась подняться и которое она переходила, но возстановленіе въ свободнѣйшемъ элементѣ духа».

Теперь намъ невозможно еще объяснить темноту, заключающуюся, повидимому, въ этихъ послѣднихъ словахъ, не нарушая плана нашего труда. Мы къ нимъ возвратимся. «Было время, счастливое по наружности, и это время еще недалеко отъ насъ, когда философія мирно и согласно шла съ науками и общимъ развитіемъ человѣческаго ума; время, когда нѣкоторая степень познаній соглашалась съ потребностію размышленія и господствующею религіею, когда естественное право жило въ мирѣ съ государствомъ и политикою, и когда эмпирическая физика носила названіе натуральной философіи. Но этотъ миръ былъ только наружный и поверхностный; внутреннее про-

тиворѣчіе и дѣйствительный раздоръ былъ между этими познаніями и религіею, между естественнымъ правомъ и государствомъ. Потомъ сдѣлалась формальная ссора и открытая война; но въ философіи умъ торжествовалъ примиреніе съ самимъ собою, такъ что эта наука увидѣла себя въ противорѣчіи съ однимъ только противорѣчіемъ и его наружною подкраскою».

Здѣсь обнаруживается одно изъ великихъ притязаній Гегелевой философіи, именно: примирить размышленіе съ положительною религіею, съ государствомъ, со всѣмъ учрежденнымъ порядкомъ религіознымъ и политическимъ.

Сначала люди безъ сопротивленія покорствовали свѣжимъ вѣрованіямъ и законамъ. Философія еще должна была родиться; никто не спрашивалъ, зачѣмъ вещи были въ томъ, а не въ другомъ порядкѣ; допускали принятыя идеи, потому что онѣ были приняты. Эпоха простодушныхъ вѣрованій, гдѣ вѣра царствовала безъ раздѣла! Потомъ явилась философія, и, неопытная, будучи не въ состояніи объяснить вещей и не смѣя сомнѣваться въ общепринятыхъ мнѣніяхъ, сначала она казалась согласною съ ними, хотя и не была на самомъ дѣлѣ. Между размышленіемъ и принятыми идеями царствовалъ наружный миръ и глухая, скрытая, готовая разразиться война. Эта распря, прикрытая сначала какою-то молчаливою сдѣлкою, скоро уступила мѣсто открытой войнѣ: явный и громкій раздоръ возникъ между размышленіемъ и уставленнымъ порядкомъ.

Наконецъ, благодаря философіи Гегеля, уже не перемиріе, не мирный трактатъ со взаимными уступками, заключенный на время и всегда готовый рушиться, но согласіе полное, союзъ совершенный, миръ окончательный, водворился между разсужденіемъ и наслѣдственною вѣрою. Въ новой философіи духъ примирился съ самимъ собою и теперь философія противорѣчитъ одному только противорѣчію, въ которомъ старая философія находилась съ естественнымъ и историческимъ развитіемъ человѣческаго духа.

«Думать, что философія можетъ быть въ противорѣчіи съ опытнымъ познаніемъ (если оно послѣдовательно), съ настоящимъ раціональнымъ состояніемъ права, съ религіею искреннею и чистою, значитъ покоряться одному изъ дурныхъ предразсудковъ. Всѣ эти формы признаны, какъ законные, даже оправданы философіею; философская мысль проникаетъ въ ихъ содержаніе, назидается и питается имъ, какъ великими зрѣлищами природы, исторіи и искусства; ибо это содержаніе, обдуманное, переведенное на мысль, есть спекулятивная идея».

Нѣсколько другихъ извлеченій изъ того-же предисловія дополнятъ эту основную мысль Гегелевой философіи.

«Исторія философіи есть исторія открытія *мыслей объ абсолютномъ*, которое есть ихъ предметъ. Такъ, напр., можно сказать о Сократѣ, что онъ открылъ цѣль философіи, а Платонъ и особенно Аристотель изложили ее полнѣе и точнѣе.

Религія есть сознаніе истины, доступное всѣмъ людямъ, какова-бы ни была степень умственнаго ихъ образованія; но систематическое знаніе истины есть другой родъ сознанія и требуетъ труда, которому можетъ предаться только небольшое число людей. Существенный смыслъ одинъ и тотъ-же; но, какъ, по словамъ Гомера, всѣ вещи имѣютъ два названія, одно на языкѣ боговъ, другое на человѣческомъ, такъ и для выраженія этого смысла есть два языка, одинъ языкъ чувства, представленія, мысли, заключенной въ конечныя категоріи и частныя отвлеченности, и языкъ положительнаго (конкретнаго) понятія».

Гегель особенно настаиваетъ на этомъ согласіи философіи съ религіею. «Религія, говоритъ онъ, можетъ существовать безъ философіи; но не философія безъ религіи; философія необходимо заключаетъ въ себѣ религію». Дважды приводитъ онъ слѣдующія слова схоластическаго философа: «Мнѣ кажется это пренебреженіемъ, если мы, пріобщась

вѣрѣ, не будемъ стараться понять то, чему вѣруемъ» [1].

«Наука имѣетъ передъ глазами богатое содержаніе, приготовленное ей вѣками; но она имѣетъ его, не какъ что-нибудь историческое, которымъ владѣли только другіе, которое для насъ есть только прошедшее, назначенное единственно занять память и дать упражненіе исторической критикѣ, безъ пользы для познанія ума и безъ интереса для истины. Все, что есть прекраснаго, глубокаго, сокровеннаго, все было высказано въ религіяхъ, философскихъ системахъ, произведеніяхъ искусства, подъ формами болѣе или менѣе чистыми, болѣе или менѣе ясными, иногда отвратительными... У насъ нѣтъ недостатка въ, болѣе или менѣе, чистыхъ формахъ истины въ религіяхъ и миѳологіяхъ, въ гностическихъ и мистическихъ системахъ философіи, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Дѣйствительное содержаніе вѣчно юно, однѣ формы старѣютъ» [2].

Одинъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ Гегеля, но вмѣстѣ съ этимъ и одинъ изъ тѣхъ, которые слѣдуютъ ему съ независимостію и размышленіемъ, Г. Вейссе, изъ Лейпцига, намекая, безъ сомнѣнія, на эти слова берлинскаго философа, выразился такимъ образомъ: [3] «Недавно возникла философская система, которая, величіемъ и обширностію своихъ притязаній, отличается почти отъ всѣхъ предшествовавшихъ системъ. Она не только выдаетъ себя за одну истинную, одну непогрѣшительную—притязаніе, ко-

---

[1] Negligentiæ mihi videtur, si postquam confirmati simus in fide, non studemus, quod credimus, intelligere. Ансельмъ Кантерберійскій: Cur Deus homo?

[2] То же предисловіе, стр. XXVIII и XXXI. Прибавимъ къ этому слѣдующія за тѣмъ слова Гегеля: «Мы съ радостію можемъ открыть въ этихъ образахъ идею и убѣдиться, что философическая истина не есть что-нибудь отдѣльное, чуждое этихъ образовъ, но что дѣятельность ея обнаружилась въ нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ *распря*».

Примѣч. Н. В. Станкевича.

[3] Ueber den gegenwärtigen Standpunct der philosophischen Wissenchaft, in besonderer Beziehung auf das System Hegels. Leipzig, 1829, стр. I и слѣд.

торое не имѣетъ ничего необыкновеннаго и которое, болѣе или менѣе, явно обнаруживаетъ всякая новая философія; но у ней есть другое притязаніе, и оно скорѣе внушитъ къ ней довѣренность, нежели возбудитъ противъ нея неудовольствіе; это притязаніе до нѣкоторой степени имѣетъ и ученіе Шеллинга, съ которымъ она имѣетъ много общаго. Она не думаетъ оставить безъ вниманія или оспаривать предшествовавшія системы, но думаетъ объяснить ихъ, т. е. объяснить, почему вообще знаніе истины непремѣнно должно было явиться между людьми подъ формами столь различными и часто, повидимому, противорѣчащими, и потомъ, въ отношеніи каждой особенной системы, зачѣмъ, въ эпоху своего появленія и въ данныхъ обстоятельствахъ, она должна была показаться въ той формѣ, которую она приняла. Такъ, что допускаютъ одну общую философическую истину, можетъ быть очень простую, какъ общую всѣмъ системамъ, предшествовавшую всѣмъ и служащую всѣмъ имъ основаніемъ, и стараются показать, какимъ образомъ эта общая истина дѣлается частною; какъ въ каждой системѣ общая истина обогатилась открытіями въ своемъ приложеніи къ частному и индивидуальному, но и какъ это самое приложеніе, сдѣланное невѣрно и вышедъ изъ настоящихъ своихъ границъ, привело къ односторонности и лжи. Такимъ образомъ почти отгадываешь, что системы, схвативъ, каждая одну сторону истины, взаимно дополняются и, взятыя вмѣстѣ, исчерпываютъ и представляютъ всю истину. Легко постигнуть, что система самая полная и самая совершенная будетъ та, которая откроетъ тайну ихъ примиренія, т. е. законъ, по которому приложеніе общаго къ частному будетъ принимать то или другое видоизмѣненіе и слѣдовать началамъ то одной, то другой системы.

«Поэтому, системы Шеллинга и Гегеля являются не столько какъ начало, сколько какъ исполненіе и довершеніе одной возможной и истинной философіи. Но обѣщанія и притязанія Гегелевой системы простираются го-

раздо далѣе, и она представляетъ въ этомъ отношеніи характеръ, до сихъ поръ совершенно новый въ исторіи философіи.

«Этотъ предполагаемый законъ приложенія общей философической идеи къ частному, продолжаетъ Г. Вейссе, это средство согласить между собою всѣ системы философіи, можетъ быть постигнуто двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, можно себѣ представить этотъ законъ какъ начало самого себя, такъ, что при каждомъ его приложеніи онъ развивается, обогащается, видоизмѣняется, такъ какъ, прежде его, общая и первая истина, основаніе всякой философіи, и что наука будетъ имѣть такимъ образомъ безпредѣльную будущность и безпрестанный *прогрессъ*. Таковъ взглядъ Шеллинга, который ясно объявилъ, что его система не есть совершенная, но только отрывокъ всемірной системы» *.

Есть другой способъ представлять этотъ высшій законъ: именно, представлять его не какъ силу, какъ начало, но какъ дѣйствительный, данный, являющійся уже частно и индивидуально, который опредѣленъ и которымъ владѣютъ, такъ что остается желать не болѣе, какъ точной и совершенной обработки различныхъ частей науки, уже извѣстныхъ, а не произведенія новыхъ и неизвѣстныхъ доселѣ.

* Г. Вейссе приводитъ въ подтвержденіе словъ своихъ три эскиза Натуральной Философіи, сдѣланные Шеллингомъ въ различныя времена. Онъ издалъ одно за другимъ, сначала: Начертаніе системы Натуральной Философіи (Entwurf eines Systems der Naturphilosophie, Jena 1799); потомъ изложеніе системы въ Zeitschrift für die speculative Phisik, T. 11, п. 2, 1603); наконецъ трактатъ объ отношеніи идеальнаго къ реальному въ природѣ (Abhandlungen über das Verhältniss des Idealen und Realen in der Natur; 1806). По мнѣнію Г. Вейссе, изъ сравненія этихъ трехъ опытовъ, слѣдуетъ, что каждый истинный успѣхъ въ приложеніи высшаго начала философіи имѣлъ обратное вліяніе и измѣнилъ предшествовавшіе опыты приложенія. Такимъ образомъ, въ эклектизмѣ Шеллинга, если позволено приложить къ нему это слово, общее начало всякой философіи существуетъ; но при всякомъ его приложеніи оно укрѣпляется, видоиз-

«Таково притязаніе Гегелевой философіи, которая выдаетъ себя за совершенную систему, не только философіи въ собственномъ смыслѣ и разсматриваемой, какъ отдѣльная наука, но науки вообще и всѣхъ наукъ. Система Гегеля думаетъ, что нашла и владѣетъ философическою истиною во всей ея полнотѣ, во всемъ значеніи этого слова. Одно, что̀ остается еще сдѣлать, это не открытіе какой-нибудь новой истины, или истины, посредствомъ которой уже найденная и признанная могла-бы получить измѣненіе, хотя въ какой-нибудь части; возможно только болѣе приличное выраженіе этой истины и спекулятивное приложеніе философической методы и ея духа къ содержанію частныхъ наукъ. Этимъ-то занимается Гегелева школа съ такою ревностію, что скоро не останется ни одной сколько-нибудь важной отрасли знанія, къ которой-бы она не приложила началъ своихъ *.

Этимъ объясняются слова Ганса, которыми онъ оканчиваетъ свою некрологію Гегеля, и которыя мы привели уже выше:

«Философія теперь совершила свой кругъ, и всякій возможный успѣхъ для нея будетъ не болѣе, какъ развитіе данной матеріи, такъ ясно и чисто показанной знаменитымъ покойникомъ».

мѣняется и въ то же время видоизмѣняетъ его прежнія приложенія, и такъ до безконечности. Новая философія, которую онъ намѣренъ дать намъ, будетъ только новое приложеніе, успѣхъ его общаго начала: видоизмѣняя свою систему, онъ ее разовьетъ, усовершенствуетъ. Онъ остается вѣрнымъ своему прежнему ученію, но дастъ ему новыя видоизмѣненія, чтобы развить его. И что̀ Шеллингъ дѣлаетъ въ отношеніи къ своей частной философіи, философскій умъ дѣлаетъ въ отношеніи къ философіи вообще.

* Такъ, чтобы привести не болѣе двухъ примѣровъ, Г. Розенкранцъ, одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ учениковъ Гегеля, приложилъ его философію къ богословію, въ своей «Энциклопедіи богословскихъ наукъ» и къ исторіи поэзіи въ своей «Исторіи нѣмецкой поэзіи въ средніе вѣка».

«Система, о которой мы разсуждаемъ, говоритъ еще Г. Вейссе, объявляетъ себя послѣднимъ звеномъ не только философіи, но и науки вообще. Она выдаетъ себя за единственную и одну возможную цѣлость, во-первыхъ, всѣхъ философическихъ системъ, которыя возникали до нашего времени, и, во-вторыхъ, всѣхъ наукъ, какъ единство, органическая цѣлость тѣхъ и другихъ. Это первая система, которая, строго поддерживая единство теоретической философіи, не исключаетъ никакой науки и объявляетъ, что она готова отвѣчать на всякій ученый вопросъ, или, по крайней мѣрѣ, владѣетъ ключомъ, котораго законное употребленіе непогрѣшительно отвѣчаетъ на все; это первая система, которая выдаетъ себя не только за справедливую, но и за обладающую всѣми видами истины».

«Въ разсужденіи права, нравственности, государства, говоритъ самъ Гегель, истина древна и высказана въ положительныхъ законахъ въ нравственности и религіи общественной. Что еще нужно этой истинѣ, непосредственнымъ обладаніемъ которой не удовлетворяется мыслящій умъ? нужно *понимать* ее и облечь раціональною формою это содержаніе само по себѣ раціональное, чтобы это содержаніе явилось оправданнымъ въ глазахъ мысли свободной и самодѣятельной, которая не удовлетворяется даннымъ (хотя-бы то было во внѣшней и положительной власти государства, или въ общемъ согласіи человѣческаго рода, или, наконецъ, во власти чувства, подтвержденной непосредственнымъ свидѣтельствомъ ума), которая исходитъ изъ самой себя и которая, поэтому, хочетъ знать свою связь непосредственно съ истиной*.

Мы не боимся умножать выписки: одно это можетъ удостовѣрить нашихъ читателей, что мы предлагаемъ имъ настоящую философію Гегеля и въ то же время послужитъ лучшимъ средствомъ познакомить ихъ съ духомъ этой философіи.

* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Предисл. стр. 17. (?)

«Исторія философіи представляетъ намъ, говоритъ онъ*, рядъ благородныхъ умовъ, галлерею героевъ мыслящаго ума, которые силою этого ума проникли сущность вещей, природы и разума, сущность Бога, и которые своими трудами скопили драгоцѣннѣйшее сокровище, сокровище раціональнаго знанія. Между тѣмъ, какъ въ политической исторіи вездѣ обнаруживается индивидуальное дѣйствіе; какъ отдѣльныя лица, каждое по своимъ свойствамъ, способностямъ, страстямъ, энергіи или слабости характера, суть творцы своихъ дѣйствій; въ исторіи философіи, напротивъ, личность не столько участвуетъ въ событіяхъ, и творенія въ ней тѣмъ превосходнѣе, что менѣе произведены индивидуальностію, а болѣе свободною мыслію, мыслію человѣческою, составляющею общій характеръ человѣчества.

«Дѣйствія мысли кажутся намъ сначала историческими фактами, принадлежащими прошедшему и чуждыми нашего настоящаго. Но, въ самомъ дѣлѣ, все, что составляетъ нашу настоящую жизнь, есть вмѣстѣ историческое; или, говоря точнѣе, какъ въ исторіи мысли, прошедшее есть только одна сторона этой мысли, такъ все, что въ насъ есть непреходящаго, тѣсно соединено съ нашею историческою жизнію.

Весь этотъ удѣлъ раціональнаго знанія, который теперь въ нашемъ обладаніи, возникъ не изъ одного настоящаго: это, по большей части, наслѣдство, плодъ труда всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Какъ искусства общежитія, масса средствъ и удобностей, учрежденія и обычаи жизни общественной и политической, суть слѣдствіе размышленій и изобрѣтеній, нуждъ и бѣдности, ума и воли въ прошедшемъ; такъ степенью, на которой стоимъ въ наукѣ и особенно въ философіи, мы одолжены *преданію*, которое чрезъ все, что есть преходящаго и прошедшаго, составляетъ, по выраженію Гердера, священную цѣпь;

* Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Ч. I, стр. 11 и слѣд. (изданіе Мишеле, XIII томъ полныхъ сочиненій).

которое сохранило и предало намъ то, что собрали угаснувшія поколѣнія.

«Но это преданіе не есть только бережливая хозяйка, довольная тѣмъ, что сохраняетъ ввѣренное ей достояніе, чтобы неприкосновенное передать его будущимъ племенамъ: оно весьма отлично отъ хода природы, которая въ безконечномъ разнообразіи и безконечномъ движеніи своихъ явленій и продуктовъ, движется безъ измѣненія и прогресса въ границахъ ея первоначальныхъ законовъ. Содержаніе этой традиціи есть все, что міръ произвелъ разумнаго, а умъ, вообще, не останавливается. Народъ, взятый отдѣльно, можетъ быть въ неизмѣнномъ положеніи касательно искусствъ и знаній. Но умъ міра не отдыхаетъ въ такомъ равнодушіи. Его жизнь есть дѣйствіе. Это дѣйствіе имѣетъ данную матерію, составляющую его предметъ, матерію, которую оно не только увеличиваетъ, но разрабатываетъ и преобразуетъ *. Умственныя сокровища, собранныя каждымъ вѣкомъ, составляютъ наслѣдство, скопленію котораго содѣйствовало все прошедшее; святилище, въ которое всѣ человѣческія поколѣнія съ радостію и благодарностію положили все, что ихъ вело чрезъ жизнь, все, что они извлекли изъ нѣдръ природы и духа. Это наслѣдство составляетъ душу новаго поколѣнія, его духовную субстанцію, его правила, его умственное богатство, его предразсудки, и въ то время, когда это наслѣдство принято, оно преобразуется и улучшается духомъ, сохраненное и обогащенное.

«Присвоивая себѣ переданное знаніе, мы дѣлаемъ изъ него нѣчто новое, свойственное намъ. Наша философія родилась только вслѣдствіе предшествовавшей и вышла

* Т. е. умъ не ограничивается прибавленіемъ знанія къ знанію, или прикладываніемъ; но по мѣрѣ того, какъ старыя знанія обогащаются новыми, они въ то же время измѣняются и преобразуются. Каждый успѣхъ, прибавивъ что-нибудь къ пріобрѣтеннымъ уже богатствамъ, обратно дѣйствуетъ на нихъ, измѣняя ихъ и очищая. Это не простой вкладъ, это ссуда, сдѣланная на условіи увеличенія и улучшенія.

изъ нея съ необходимостію. Такимъ образомъ, исторія философіи не разсказываетъ намъ о происхожденіи и участи вещей, намъ чуждыхъ, но о нашемъ собственномъ происхожденіи и рожденіи, о развитіи нашего собственнаго знанія...

«Все, что исторія философіи покажетъ намъ, это будутъ дѣйствія свободной мысли, исторія умственнаго міра, исторія мысли, которая ищетъ и открываетъ самую себя. Отличительный характеръ мысли въ томъ, что она находитъ себя не иначе, какъ производя себя; не существуетъ дѣйствительно иначе, какъ только находя, сознавая себя. Ея произведенія, это философскія системы... Мысль есть существенно мысль; она абсолютна, она вѣчна».

Если теперь, не проникая еще далѣе, въ систему, сократить все, изложенное нами, мы будемъ имѣть слѣдующіе результаты:

До появленія Гегеля, философія, или мысль, обдуманная и методическая, была въ противорѣчіи съ наукою, вѣрованіями и законами положительными и традиціонными, другими словами: умъ былъ въ противорѣчіи съ самимъ собою. Въ новой философіи духъ торжествовалъ свой внутренній миръ. Эта философія считаетъ себя въ согласіи (въ разсужденіи сущности) съ народными вѣрованіями и преданіями, съ настоящимъ политическимъ и религіознымъ порядкомъ; она признала и провозгласила существенное тождество результатовъ мысли свободной и произвольной съ мыслію естественною и необходимою.

Особенно согласіе царствуетъ между этою философіею и религіею. Религія и систематическое знаніе имѣютъ одинаковое внутреннее значеніе. Это два различныхъ способа сознавать одну и ту же истину, которые различаются между собою какъ два языка, выражающіе однѣ идеи разными словами. Философія есть уразумѣваемая религія, вѣра, переведенная на разумъ.

Болѣе, философія Гегеля признаетъ во всѣхъ предшествовавшихъ системахъ болѣе или менѣе чистыя формы истины, формы устарѣлыя содержанія всегда новаго, вѣчной истины.

Въ исторіи философіи индивидуальное дѣйствіе гораздо менѣе замѣтно, нежели въ политической; оно въ ней менѣе свободно и болѣе зависимо отъ прогрессивнаго хода человѣческаго ума вообще.

Все, что составляетъ насъ, даже все, что есть въ насъ самаго существеннаго и индивидуальнаго, все это большею частію—историческое; наша философія, все наше знаніе, есть произведеніе прошедшихъ вѣковъ, наслѣдство отъ поколѣній, намъ предшествовавшихъ. Преданіе сдѣлало насъ такими, каковы мы теперь; но, присвоивая себѣ его сущность, мы ее преобразуемъ, и разрабатывая ее, прибавляемъ новые элементы. Философскія системы суть равно произведенія одного ума; но этотъ умъ безпрестанно въ прогрессѣ, и съ каждымъ новымъ прогрессомъ онъ возвращается къ прошедшему и обогащаетъ его, видоизмѣняя.

Исторія философіи есть исторія прогрессивнаго открытія истины; это исторія мысли свободной и методической, занятой уразумѣніемъ и объясненіемъ произведеній мысли естественной.

Однако, не все въ этихъ произведеніяхъ равно хорошо, равно истинно. Надобно отличать формы отъ сущности, общія правила отъ ихъ приложенія, и отдѣлять индивидуальности отъ всеобщаго ума. На этомъ условіи, системы прошедшаго суть хранилища истины о правѣ, государствѣ, нравственности, религіи. Все дѣло въ томъ, чтобъ найти высшее правило, по которому трансцендентальнымъ высшимъ эклектизмомъ можно было найти истину вездѣ и обнажить ее отъ различныхъ формъ, въ которыя она одѣвалась сообразно времени и мѣсту.

Философія Гегеля считаетъ себя владѣтельницею такого правила, общаго закона, котораго приложеніе вездѣ даетъ узнать истину въ частномъ; всемірной и непогрѣшительной

формулы соглашенія; символики, которая съ равнымъ успѣхомъ прилагается ко всѣмъ философскимъ системамъ, ко всѣмъ миѳологіямъ, ко всѣмъ произведеніямъ человѣческаго ума; начала, которое достаточно хорошо приложить, чтобы согласить всѣ различія, чтобы разрѣшить всякую дисгармонію и возстановить вездѣ согласіе и единство*.

Эти богатыя обѣщанія стоютъ изслѣдованія: если не всѣ они новы, то всѣ чрезвычайно важны. Далѣе мы увидимъ, до какой степени оправдала ихъ изучаемая нами система.

III.

Воззрѣнія Гегеля на исторію философіи.

«Воззрѣнія каждой системы на исторію науки, къ которой она относится, даютъ самое вѣрное понятіе объ этой системѣ, настоящую мѣру ея началъ!» Это положеніе Г. Кузена[1] особенно справедливо въ приложеніи къ философіи и, тѣмъ болѣе, философіи Гегеля.

Видя невозможность приступить прямо къ изученію его системы, принужденные проникать въ нее посторонними путями, мы опять воспользуемся для этого средствомъ, которое даютъ намъ его *Лекціи объ Исторіи Философіи.*

---

* Пропущено: «Ainsi, cette philosophie ne prétend pas seulement expliquer les productions de la pensée, comme on explique des faits, des phénomènes; mais elle les soutient vraies pour le fond, et veut en tirer toute la vérité qu'elles renferment. Ensuite elle ne prétend pas seulement reconnaître la vérité dans le passé; mais elle déclare la posséder pour tout l'avenir, ne laissant aux penseurs futurs d'autre soin que de la détailler, de l'élaborer, de l'appliquer et de la revêtir de formes nouvelles. Enfin, elle ne se dit pas seulement en possession de la vérité philosophique tout entière; elle se donne encore pour la régulatrice de toutes les sciences, qu'elle prétend ramener toutes à l'unité». *Ред.*

[1] Предисловіе ко второму изданію Fragmens, p. LII.

Этого мало, что Гегель судилъ, болѣе даже, нежели прилично историку, всѣ ученія прошедшаго по своему ученію; что его лекціи объ Исторіи Науки проникнуты изобильно его системою; вся его философія выводитъ себя изъ Исторіи и говоритъ, что воспользовалась ея наслѣдствомъ. Мы не намѣрены здѣсь критиковать его *лекцій*, или изслѣдывать, до какой степени простираютъ онѣ вѣрность въ изображеніи философскихъ переворотовъ, мы займемся особенно воззрѣніями автора на предшествовавшія системы, отношеніями, въ которыхъ онъ поставляетъ ихъ къ своей. Когда мы поймемъ, какимъ образомъ Гегель во всѣхъ прежнихъ философскихъ системахъ видитъ только приготовленія къ своей, намъ легче будетъ понимать и судить его собственную философію.

Уже въ предъидущемъ параграфѣ мы дали общее понятіе о томъ, какимъ образомъ берлинскій философъ представляетъ себѣ исторію мысли. То, что мы предложимъ здѣсь, будетъ только раскрытіемъ этого общаго понятія.

Раскройте прежнихъ историковъ философіи: Діогена Лаэрція, Станлея, Брукера, Теинемана и др.; что̀ они представляютъ намъ? Одни видятъ вездѣ только лица и школы, отдѣльные факты и группы фактовъ; другіе, сцѣпляя факты и системы, и судя объ нихъ на основаніи какого-нибудь современнаго ученія, видятъ вездѣ антагонизмъ и раздоръ, различныя и враждебныя направленія. Совсѣмъ не таковъ Гегель, для когораго духъ философическій, геній человѣческій—*одинъ;* въ его ходѣ чрезъ вѣка, всѣ его направленія, повидимому столь различныя, стремятся непрестанно къ одному концу; онъ приближается въ безконечной прогрессіи, претерпѣвая превращенія, но всегда тожественный въ сущности, къ предопредѣленной цѣли. Гегель будетъ судить о всѣхъ философскихъ системахъ на основаніи своей; онъ не подвергнется въ этомъ никакой опасности, потому что онъ принимаетъ всѣ системы; онъ не будетъ бояться представить ихъ въ надлежащемъ видѣ, потому что во всѣхъ онъ увидитъ развитіе всемірнаго

духа, облекающаго различными формами одно содержаніе и одну истину.

Когда, въ октябрѣ 1816 года, Гегель открылъ, въ Гейдельбергѣ, свой первый курсъ исторіи философіи, онъ выразился такъ:

«Всемірный духъ (der Weltgeist) въ послѣднія времена былъ слишкомъ занятъ дѣйствительностію, чтобы войти въ себя и сосредоточиться; теперь, когда нѣмецкая нація возвратила свою національность, основаніе всякой *живой жизни* [*], мы можемъ надѣяться, что рядомъ съ Государствомъ возникнетъ и Церковь, что, заботясь о царствѣ міра сего, снова помыслятъ и о царствіи Божіемъ; другими словами, что, рядомъ съ политическими интересами и повседневною дѣйствительностію, процвѣтетъ, наконецъ, наука, свободный и раціональный міръ ума.

«Мы увидимъ въ Исторіи Философіи, что въ другихъ странахъ Европы, гдѣ науки воздѣлываются съ ревностію и славою, осталось одно только имя философіи; что даже память, идея ея погибла и что она существуетъ у одной только нѣмецкой націи [2]. Намъ довѣрено отъ природы храненіе этого священнаго огня, какъ Эвмольпидамъ аѳинскимъ было довѣрено храненіе Элевзинскихъ таинствъ; обитателямъ Самоѳракіи храненіе религіи болѣе чистой и болѣе возвышенной, или какъ, еще древнѣе, Всемірный

---

[*] Der Grund alles lebendigen Lebens.

[2] Можно думать, что Гегель, произнося эти слова, не зналъ, что̀ происходило во Франціи и Шотландіи; иначе надобно заключить, что Г. Ройе-Колларъ, Г. Дежерандо, Г. Мень-де-Биранъ, Г. Ларомигьеръ въ Парижѣ, Дюгальдъ Стюартъ, Томасъ Браунъ въ Эдинбургѣ—не философы въ глазахъ Гегеля. *Примѣч. Вилльма.*

Ненадобно упускать изъ виду понятія нѣмцевъ (особенно Гегеля) о философіи, какъ чисто раціональномъ выраженіи истины, доступной намъ подъ другою формою въ религіи; такомъ выраженіи, гдѣ не должно быть ничего предложеннаго на вѣру и ничего несогласнаго или просто *чуждаго* общему и единому началу, безъ котораго нѣтъ системы, нѣтъ философіи.

Примѣч. Н. В. Станкевича.

Духъ открылся еврейской націи, что изъ ней выйдетъ Онъ обновленный».

Мы не станемъ показывать, что есть ложнаго, даже нелѣпаго въ этихъ словахъ: мы стараемся узнать духъ Гегеля, смыслъ его философіи. Станемъ продолжать.

«Я посвятилъ жизнь мою наукѣ, прибавляетъ ораторъ; я радуюсь, что могу ввести васъ въ нее. Я надѣюсь заслужить и пріобрѣсть вашу довѣренность; но теперь объ одномъ позволено мнѣ просить васъ: чтобы вы приносили на наши лекціи довѣренность къ наукѣ и къ самимъ себѣ. Мужество истины, вѣра въ могущество ума, вотъ первое условіе фисософіи. Человѣкъ, будучи умомъ, можетъ и долженъ считать себя достойнымъ всего, что есть только возвышеннаго; никакая идея о силѣ ума его не можетъ быть слишкомъ высока. Во внутренней и скрытной природѣ вселенной нѣтъ силы, которая-бы могла противиться мужеству знанія: она должна ему открыться; должна открыть для его глазъ и для его наслажденія свои богатства и глубины».

Таково содержаніе первой лекціи Гегеля и въ то же время начало его Исторіи Науки.

Вотъ какимъ образомъ потомъ нашъ философъ объясняетъ необходимость введенія въ эту Исторію:

«Нѣтъ ничего справедливѣе, какъ требовать отъ какой-нибудь исторіи, чтобы она сообщала факты безъ пристрастія и безъ всякаго другаго интереса, кромѣ интереса истины. Но это общее мѣсто, которое не поведетъ далеко, потому что всякая исторія тѣсно связана съ понятіемъ, которое мы имѣемъ о ея предметѣ. Это понятіе опредѣляетъ выборъ фактовъ и точки воззрѣнія, по которымъ они располагаются. Такъ можетъ случиться, что какой-нибудь читатель, въ исторіи какой-нибудь страны, по понятію, составленному имъ о государствѣ, не найдетъ ничего изъ того, чтò онъ искалъ. Такъ въ какой-нибудь Исторіи Философіи найдутъ, можетъ быть, совсѣмъ не то, чтò обыкновенно считаютъ философіею.

«Во всякой другой исторіи содержаніе опредѣлено впередъ, по крайней мѣрѣ, въ существенной части; но Исторія Философіи отличается тѣмъ, что о предметѣ ея господствуютъ самыя несогласныя мнѣнія. Но если не установилось понятіе о томъ, что̀ должно быть предметомъ исторіи, самая эта исторія не будетъ имѣть ничего положительнаго.

«Болѣе: если существуютъ различныя понятія о философской наукѣ, одно настоящее можетъ дать вамъ возможность понимать сочиненія философовъ, трудившихся въ этомъ смыслѣ. Когда дѣло идетъ о мысляхъ, недовольно схватить грамматическій смыслъ въ ихъ выраженіи. Можно пріобрѣсти историческое знаніе мнѣній философовъ, можно много заниматься аргументами, на которыхъ основываются ихъ положенія, не уразумѣвая этихъ мнѣній. У насъ есть многотомныя Исторіи Философіи, даже ученыя, которымъ не достаетъ одного: знанія предмета, который онѣ такъ длинно излагали»*.

Изъ этихъ разсужденій Гегель выводитъ необходимость сдѣлать введеніе въ Исторію Философіи, чтобы въ немъ установить идею науки, которой судьбу и послѣдовательныя преобразованія онъ долженъ изобразить. Но здѣсь большее затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, изложить идею философіи систематически, значитъ составить трактатъ самой философіи. Опредѣленіе философіи только по наружности есть ея начало. Это опредѣленіе, поставленное прежде всего, можетъ быть отыскано только въ цѣломъ науки и находится на концѣ. Поэтому Гегель объявляетъ, что въ его введеніи идею философіи должны предполагать, какъ предварительно данную; что все, сказанное въ немъ объ Исторіи Философіи, должно быть принимаемо болѣе какъ результатъ, который оправдается самою Исторіею, нежели какъ положеніе, которое сейчасъ можетъ быть утверждено.

* Hegels Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, herausgegeben von K. L. Michelet. T. I, стр. 7.

Это родъ аргумента, поставленный въ началѣ; сокращенное указаніе того, чтò будетъ слѣдовать[*].

Мы предложимъ извлеченіе изъ этого примѣчательнаго введенія, употребляя, сколько будетъ возможно, собственныя выраженія автора. Въ немъ все характеристическое и бросаетъ яркій свѣтъ на изучаемую нами философію.

Интересъ этой исторіи заключается преимущественно въ связи этого *мнимаго*[2] прошедшаго съ настоящимъ состояніемъ философіи. Факты, ее составляющіе, продолжаются не въ однихъ слѣдствіяхъ, подобно другимъ событіямъ, но имѣютъ совершенно особаго рода производительность. Вотъ основная мысль Гегелевыхъ лекцій объ этой части историческихъ наукъ,—мысль, которую онъ преимущественно предполагаетъ раскрыть въ своемъ введеніи.

Исторія философіи есть исторія мыслящаго разума; его произведенія тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе они суть плоды индивидуальной мысли. Эти произведенія должны быть разсматриваемы не только какъ историческіе факты. Наше настоящее состояніе есть произведеніе исторіи, преданія, которое не ограничивается тѣмъ, чтобы сообщать намъ сокровища, собранныя вѣками: оно обогащается, проходя чрезъ вѣка и, продолжаясь и сообщаясь, видоизмѣняется и преобразуется. Получая отъ него наслѣдство, мы дѣлаемъ къ нему прибавку и улучшаемъ его. Отъ этого-то происходитъ, что наша философія иначе не можетъ существовать, какъ въ ближайшемъ отношеніи съ предшествовавшею, и что первая необходимо выходитъ изъ послѣдней. Но она выходитъ оттуда не страдательно; это не простое движеніе въ пространствѣ и времени. Зрѣлище, которое представляется нашему воображенію, составляетъ дѣйствія свободной мысли, исторія мысленнаго міра, исторія фактовъ, которыми онъ сказался.

Мыслію возвышается человѣкъ надъ животнымъ. Все человѣческое есть человѣческое только посредствомъ мысли;

[*] Hegels Vorlesungen, etc. T. I, стр. 9.

[2] Dieser scheinbaren Vergangenheit. T. I, стр. 11.

слѣдовательно, все, что есть благороднѣйшаго, лучшаго, это мысль, занятая сама собою, ищущая и находящая самую себя. Исторія Философіи есть исторія открытія мысли мыслію.

Но мысль, которая есть мысль въ сущности своей, абсолютна, вѣчна. То, что существуетъ дѣйствительно, заключается только въ мысли и не есть истинно только сегодня или завтра, но независимо отъ времени. Какимъ-же образомъ міръ мысли можетъ имѣть исторію? Это будетъ первый вопросъ, которымъ мы займемся. Потомъ, кромѣ философіи есть множество другихъ произведеній умственныхъ, каковы религіи, искусства и науки, гражданскія устройства обществъ, и проч. Слѣдовательно, надобно будетъ наблюдать вліяніе этихъ произведеній на философію. Потомъ надобно будетъ, прежде, нежели войдемъ въ подробности, получить идею о цѣломъ, подъ опасеніемъ не увидѣть *философіи*, среди столькихъ различныхъ философій.

Поэтому во введеніи будетъ говориться:

I. Объ идеѣ Исторіи Философіи, ея важности и цѣли. Самый занимательный пунктъ этихъ изслѣдованій будетъ тотъ, въ которомъ покажутъ, какимъ образомъ Исторія Философіи сама дѣлается Философіею.

II. О самомъ понятіи Философіи, чтобы найти въ немъ мѣру того, чтȯ должно быть допущено въ ея Исторію и чтȯ исключено изъ нея; объ отношеніяхъ религіи и другихъ наукъ къ собственной Философіи.

III. Далѣе займетъ насъ Исторія Философіи, разсматриваемая какъ органическое цѣлое и ея раздѣленіе.

Гегель не считаетъ нужнымъ говорить о пользѣ этого ученія и о его различныхъ методахъ; но, чтобы не отступить отъ обычая, онъ соглашается сказать мимоходомъ объ источникахъ этой исторіи.

I. Идея исторіи философіи.

Первая мысль, которая здѣсь представляется, есть та, что выраженіе *«Исторія Философіи»* заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль философіи есть истина, а истина вѣчна. Истина не имѣетъ исторіи, потому что исторія простирается только на то, что переходчиво, что прошло. Чтобы лучше уразумѣть смыслъ этого противорѣчія, надобно прежде всего отличать исторію внѣшнихъ судебъ науки отъ исторіи самаго ея предмета. Потомъ надобно взять во вниманіе то, что Исторія Философіи имѣетъ совершенно особенный характеръ, котораго нѣтъ въ исторіи другихъ наукъ.

Христіанство имѣетъ исторію своего учрежденія, распространенія своихъ установленій; но какъ религія, какъ ученіе, оно не имѣетъ исторіи о себѣ самомъ: исторія христіанскаго ученія есть только исторія его приложеній, его злоупотребленій и реформы. Такъ точно есть и Исторія Философіи, ея началъ, ея успѣховъ между людьми, ея упадка и возрожденія, тѣхъ, которые распространяли или оспаривали ее своимъ ученіемъ, ея отношенія съ принятыми религіями и общественными установленіями: это совершенно внѣшняя исторія философіи, а не исторія ея предмета.

Другія науки имѣютъ исторію и въ отношеніи къ своему содержанію. Это содержаніе большею частію сохранено и передано неприкосновенное; прочее оставлено или измѣнено; цѣлое приращается со временемъ. Вообще науки приращаются чрезъ *прикладываніе* (juxtapositio): факты прибавляются къ фактамъ, свѣдѣнія къ свѣдѣніямъ, и, чаще всего, исторія ихъ ограничивается реестромъ прибавленій.

«Исторія Философіи не представляетъ ни неизмѣнности даннаго содержанія, къ которому ничего нельзя прибавить, какъ Религія Евангельская; ни простаго приращенія пріобрѣтенныхъ сокровищъ, какъ науки физическія и матема-

тическія. Напротивъ, она представляетъ намъ, повидимому, только безпрестанные перевороты *цѣлаго*,—перевороты и измѣненія, которыя наконецъ перестаютъ имѣть общую цѣль, ихъ соединявшую. Наконецъ самый предметъ, раціональное знаніе, исчезаетъ, и наука видитъ себя принужденною раздѣлить съ ничтожествомъ имя и притязаніе философіи, утратившія свое значеніе» *.

Послѣ этихъ замѣчаній, въ которыхъ вопросъ только постановляется, а не рѣшается, нашъ авторъ разбираетъ различные методы въ Исторіи Философіи,—методы, которые онъ называетъ пошлыми. Онъ возстаетъ, во-первыхъ, противъ тѣхъ, которые видятъ здѣсь только сборъ философическихъ мнѣній, пищу для празднаго любопытства или, много, для учености; средство упражнять мысль. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего безполезнѣе, ничего незанимательнѣе, какъ простой рядъ мнѣній, каковъ-бы ни былъ ихъ предметъ. Онъ отрицаетъ существованіе *философскихъ* мнѣній[1]. Мнѣнія чисто субъективны; философія есть объэктивная наука истины, необходимость въ мірѣ наукъ, *понимающее знаніе*[2]. Другіе съ намѣреніемъ, болѣе замѣтнымъ, налегая на слово *мнѣніе*, хотятъ видѣть въ Исторіи Философіи одни тщетныя произведенія разума, предоставленнаго самому себѣ и не могущаго, по ихъ мнѣнію, найти истину собственными своими силами. Философіи противополагаютъ они авторитетъ преданія и Откровенія[3]. Другіе еще, враги всякой теоріи, противопоставляя

---

* Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. T. I, стр. 22.

[1] Es giebt keine philosophische Meinungen.

[2] Die Philosophie ist objective Wissenschaft der Wahrheit, wissenschaftliche Nothwendigkeit, begreifendes Erkennen. T. I, стр. 24.

[3] Гегель, какъ мы видѣли уже выше, не только не дерзаетъ оспаривать достоинство Откровенія или непосредственнаго знанія истины, напротивъ, признаетъ его необходимость, какъ знанія общедоступнаго. Философія есть только другой путь къ той-же цѣли. Вѣчный Промыслъ заботился о человѣкѣ и на низшей ступени умственнаго совершенства и сообщилъ ему непосредственно то, до чего онъ впослѣдствіи долженъ доходить собственнымъ разумомъ, даромъ того

разумъ самому себѣ, употребляютъ Исторію Философіи какъ средство, чтобы доказать исключительный авторитетъ чувства, здраваго смысла, духовной вѣры. Не такова цѣль этой Исторіи.

Говоря потомъ о заключеніяхъ, которыя съ выгодой для себя извлекъ скептицизмъ изъ Исторіи Философіи, чтобы доказать тщету философскаго знанія, авторъ выражается, въ сущности, такимъ образомъ: «При видѣ столькихъ мнѣній и системъ, столь различныхъ, вы въ замѣшательствѣ: если величайшіе геніи ошибались, какъ не ошибаться всѣмъ? Не ясное-ли это доказательство, что философія тщетно стремится къ истинѣ? Говорятъ: или вездѣ заблужденіе, или, если какая-нибудь философія истинна, то по какимъ признакамъ узнать ее; всякая выдаетъ себя за справедливую и каждая предлагаетъ свой особый *критерій* (мѣру истины). Всякая новая философія возникаетъ съ притязаніемъ, не только опровергнуть всѣ прежнія системы, но еще и замѣнить ихъ всѣ, какъ-будто бы она наконецъ нашла истину. Но какъ научаетъ насъ опытъ, скоро оказывается, что къ этой философіи также могутъ быть примѣнены слова апостола Петра къ Ананіи[*]:

«Вотъ стопы тѣхъ, которые погребутъ тебя на твоемъ порогѣ!»

Другими словами: «философія, назначенная низвергнуть и замѣнить вашу, не замедлитъ явиться»[2].

Изъ этого видно, что Гегель не отрицаетъ различія философскихъ ученій; но онъ не допускаетъ вывода, который обыкновенно дѣлаютъ изъ этого различія, и говоритъ объ этомъ фактѣ слѣдующимъ образомъ: «Во-первыхъ, какъ-бы ни были различны философскія системы, онѣ имѣ-

же Промысла. Пока умъ былъ на первой половинѣ дороги къ истинѣ, его порывы могли быть временно опасными для безотчетныхъ убѣжденій. Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ болѣе сближаются дороги. Торжество истины будетъ торжествомъ и религіи.

[*] Дѣян. Апост. V, 9.

[2] См. вышепривед. соч. I, стр. 28 и 29.

ютъ общимъ по крайней мѣрѣ то, что суть системы *философіи*. Слѣдовательно, если-бъ кто-нибудь владѣлъ въ самомъ дѣлѣ философскою системою, всегда имѣлъ-бы философію*. Но надобно идти далѣе и посмотрѣть, что̀ такое въ сущности это различіе ученій? Надобно показать, что эти измѣненія не только ничего не доказываютъ противъ возможности философіи, но даже были необходимы для существованія философіи, какъ науки, что они входятъ въ ея сущность... Конечно, впрочемъ, здѣсь мы говоримъ на основаніи предположенія, что философія имѣетъ цѣлію обнять истину мыслію и понятіемъ, а не признать, что нѣтъ знанія или, что настоящая истина ускользаетъ отъ насъ, и что одна истина, которая въ нашей власти, есть временная и относительная.

«Впрочемъ, все здѣсь зависитъ отъ хорошаго опредѣленія того, что̀ мы называемъ *развитіемъ* (evolutio). Факты Исторіи Философіи не суть рядъ случайныхъ приключеній съ какими-нибудь странствующими рыцарями, которые бьются, какъ попало, за истину и которые не оставляютъ по себѣ никакого слѣда. Въ движеніи мыслящаго ума необходимо есть связь и единство.

Чтобы хорошо объяснить, что̀ онъ понимаетъ подъ словомъ: «Исторія Философіи», авторъ старается опредѣлить то, что̀ онъ называетъ *развитіемъ* или эволюціею и понятіемъ *конкретнаго* (положительнаго, не отвлеченнаго), и заключаетъ, что философія есть *познаніе развитія конкретнаго*. Постараемся слѣдовать за нимъ въ его объясненіяхъ, которыя одни могутъ дать намъ истинное понятіе о его ученіи. Здѣсь вся его мысль не только объ Исторіи Философіи, но нѣкоторымъ образомъ и о всей философіи.

Истина *одна*, сказали мы, въ смыслѣ болѣе глубокомъ,

---

* Авторъ напоминаетъ здѣсь сравненіе, сдѣланное имъ въ Энциклопедіи Философскихъ Наукъ, § 13. Онъ сравниваетъ тѣхъ, которые видятъ вездѣ разность и которые въ частномъ отказываются видѣть общее, съ больнымъ, который, спросивъ плодовъ, не беретъ вишенъ, сливъ и пр., говоря, что это вишни, сливы и пр., а не плоды.

точка отправленія и цѣль философіи въ томъ, чтобы признать эту истину за *единую*, но въ то же время смотрѣть на нее, какъ на источникъ, изъ котораго истекаетъ все прочее, всѣ законы природы, всѣ феномены жизни и сознанія. Чтобы понять это, необходимо опредѣлить два понятія: понятіе *развитія* и понятіе *конкретнаго*».

Здѣсь Гегель различаетъ три рода мысли, или три произведенія мысли вообще: *мысль*, которую онъ называетъ формальною и которая есть ничто иное, какъ мысль, разсматриваемая независимо отъ содержанія: *понятіе*, которое есть мысль болѣе опредѣленная, и *идея* или мысль во всей своей цѣлости и совершенно опредѣленная*. Одна идея есть истинное. Натура идеи—*развиваться*, и только чрезъ это сдѣлаться тѣмъ, что̀ она есть.

«Чтобы понять, что̀ такое развитіе или *эволюція*, чрезъ которую идея производится и довершается, надо различать два состоянія: одно, которое извѣстно подъ именемъ расположенія, способности, возможности и которое я называю *бытіемъ въ самомъ себѣ*[1]. Второе есть дѣйствительность, вещественность (реальность) или то, что̀ я называю *бытіемъ для себя*[2].

Такъ, рождающееся дитя имѣетъ разумъ въ способности, въ зародышѣ; онъ владѣетъ только *дѣйствительною возможностію* разума: онъ разуменъ *въ себѣ* (an sich); но, только развиваясь, дѣлается онъ *для себя* (für sich) тѣмъ, чѣмъ сначала былъ въ себѣ; тогда онъ имѣетъ разумъ для себя, т. е. въ дѣйствительности, реально. Разсмотримъ это ближе.

«Изъ этого слѣдуетъ, что существующее въ себѣ, су-

---

* Das Product des Denkens ist das Gedachte überhaupt: der Gedanke ist formell; Begriff, der mehr bestimmte Gedanke; Idee, der Gedanke in seiner Totalität, an und für sich seienden Bestimmung. Ib. стр. 33.

[1] L'être en soi, das Ansichseyn, potentia, δύναμις.

[2] Das fürsichseyn, actus, ἐνέργεια. Просимъ читателя запомнить эти выраженія: ansichseyn, fürsichseyn, an und für sich seyn; онѣ, такъ-сказать, основаніе Гегелева философскаго языка.

ществуетъ для человѣка по стольку, по скольку оно дѣлается предметомъ его сознанія. Этотъ предметъ есть то, что онъ есть до способности; дѣлаясь имъ для себя, или дѣйствительно, онъ, такъ-сказать, удвоился; но сохранился и не сдѣлался другимъ. Человѣкъ, который одаренъ разумомъ въ возможности, остался тѣмъ-же, чтȏ онъ былъ, сдѣлавшись дѣйствительно разумнымъ; но разница между тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и тѣмъ, что онъ есть, неизмѣрима. Новаго содержанія не произошло; но въ формѣ совершилось чудесное преобразованіе. На этомъ основаны всѣ различія, которыя встрѣчаются въ исторіи міра. Всѣ люди разумны; форма этой разумности, свободная воля: вотъ ея натура. И, не смотря на то, есть люди въ состояніи невольничества и рѣшившіеся сносить свое рабство[*]. Они свободны въ *себѣ*, въ возможности, но они не существуютъ, какъ свободные, они не свободны для себя, *actu*. Такимъ образомъ всякое усиліе познать, всякое дѣйствіе не имѣетъ другой цѣли, какъ обнаружить скрытое, овеществить или сдѣлать дѣйствительнымъ (actualiser) то, чтȏ существуетъ только въ возможности, опредметить то, чтȏ существуетъ въ зародышѣ.

«Получить существованіе, значитъ претерпѣть перемѣну и, несмотря на то, остаться однимъ и тѣмъ-же. Образъ и слѣдствіе перемѣны состоятъ подъ управленіемъ бытія въ себѣ[2]. Растеніе не теряется въ произвольномъ развитіи. Это развитіе опредѣлено зародышемъ. Зародышъ имѣетъ потребность развиться. Эта потребность стремится къ существованію. Происходятъ различныя вещи, но все уже заключено въ зародышѣ, хотя невидимо и *идеально*. Это произведеніе во внѣшность, это развитіе имѣетъ предѣлъ, предуставленный конецъ, послѣднюю точку развитія, которая есть плодъ, т.-е. воспроизведеніе зародыша, возвращеніе

---

[*] Гегель разумѣетъ здѣсь людей, потерявшихъ права личности и собственности; таковы были илоты въ древнія времена, негры въ новѣйшія — вещи, а не люди. *Прим. Н. В. Станкевича.*

[2] Das Ansich regiert den Verlauf. T. I, стр. 34.

къ первобытному состоянію. Дѣйствительно, зародышъ хотѣлъ только произвести самого себя, возвратиться къ себѣ. Правда, что субъектъ, изъ котораго началось развитіе, и послѣдній результатъ этого послѣдняго суть два недѣлимыя, но содержаніе ихъ тождественно.

«Иначе бываетъ съ умомъ. Въ немъ начало и конецъ совпадаютъ; они суть одна и та-же натура; они существуютъ другъ для друга, и поэтому только есть существованіе для себя или дѣйствительность. Двойство только въ формѣ, тождество — въ сущности. Умъ, развиваясь, выходитъ изъ себя, развертывается и въ то-же время возвращается къ себѣ или сознаетъ себя. Это дѣйствіе возвращенія къ себѣ*, сознанія самого себя, можно принять за высшую и абсолютную цѣль ума. Вотъ куда онъ стремится. Все, что̀ происходитъ въ небѣ и на землѣ, все, что̀ происходитъ вѣчно, имѣетъ одну цѣль, чтобы умъ позналъ себя, нашелъ себя, сдѣлался предметомъ своей собственной дѣятельности, *сдѣлался для самого себя;* если онъ, повидимому, раздвояется, отчуждается, выходитъ изъ себя, то это единственно для того, чтобы найти себя, чтобы лучше войти въ себя. По этому-то онъ свободенъ.»

Такъ раскрываетъ нашъ философъ понятіе развитія или эволюціи; теперь вотъ какъ опредѣляетъ онъ то, что у него называется понятіемъ *конкретнаго.*

«Говоря о развитіи, можно спросить: но изъ чего-же дѣлается это развитіе? Что̀ составляетъ его абсолютное содержаніе? Обыкновенно представляютъ себѣ, что развитіе есть дѣятельность безъ содержанія, чистое отвлеченіе. Но эта дѣятельность конкретная, она не отлична отъ дѣйствія. Возможность и дѣйствительность суть только два различные момента одной дѣятельности; дѣйствіе существенно *одно,* и это-то составляетъ *конкретное.* Не только дѣйствіе конкретно, но и субъектъ и начало дѣятельности есть также конкретный, такъ какъ и его произведеніе. Ходъ развитія есть вмѣстѣ и его содержаніе, самая идея.

* Diess Zusichselbst kommen. T. I, стр. 35.

«Мысль, что философская наука занимается одними отвлеченностями, пустыми общностями, что, напротивъ, наблюденіе, психологическое сознаніе, чувство жизни есть конкретное—есть вещественность—есть пошлый предразсудокъ. Правда, философія заключена въ область мысли и, слѣдовательно, занимается общностями; ея содержаніе отвлеченно, но только въ формѣ, въ своемъ элементѣ; идея существенно конкретна; это единство, разнообразно опредѣнное. Этимъ-то раціональное знаніе отличается отъ познаній разсудка[*]. Философія должна показать, вопреки разсудку, что истинное, идея, не состоитъ въ пустыхъ общностяхъ, не въ общемъ, которое *въ себѣ* есть частное и опредѣленное. Размышленіе разсудка производитъ отвлеченную теорію; философія возвращаетъ къ конкретному, которое одно истинно».

Все это ведетъ къ тому, чтобы показать, что различія не существуютъ дѣйствительно, а суть только моменты развитія и логическое произведеніе безъ реальности.

Такъ какъ идея конкретна, то ея развитіе тождественно съ тѣмъ, что̀ авторъ называетъ движеніемъ конкретнаго. Это движеніе есть ничто иное, какъ развитіе, посредствомъ котораго то, что существуетъ, *въ себѣ* или въ возможности, дѣлается для себя или дѣйствительнымъ. Различія, которыя примѣчаются въ теченіи развитія идеи, суть только новыя формы.

«Конкретное въ себѣ, возможное (virtuel), должно сдѣлаться для себя, дѣйствительнымъ (actuel); оно просто и однако различно[2]. Это внутренніе противорѣчіе конкретнаго есть побудительная причина (le mobile) его развитія. Тогда рождаются разности; онѣ въ свою очередь исчезаютъ въ

[*] Чтобы понять это, надо вспомнить различіе, поставленное выше между понятіемъ (Begriff), и идеею (Idee) и прибавить, что разумъ (ratio, Vernunft) есть способность идей, а разсудокъ (Verstand),—способность понятій.

[2] Т. е. оно просто въ себѣ, но стремится къ существованію, къ бытію для себя, и это стремленіе есть начало (principium) его развитія. Такъ Шеллингъ принималъ абсолютное единство, которое стремится развиться, которое жаждетъ существованія.

единствѣ. Есть движеніе* и покой въ движеніи. Разность едва существуетъ, какъ она уже исчезаетъ; и изъ ней выходитъ полное и конкретное единство».

Чтобы болѣе объяснить понятія конкретнаго—а оно еще очень въ этомъ нуждается—Гегель приводитъ нѣкоторые примѣры. «Цвѣтокъ, говоритъ онъ, несмотря на свои разныя качества, *одинъ*. Ни одно изъ его качествъ не можетъ быть чуждо ни одному его листку, и каждая часть листка имѣетъ тѣ-же свойства, какъ и цѣлый листокъ. Такимъ-же образомъ частичка золота имѣетъ всѣ тѣ-же качества, какъ и масса, который она подлежитъ. Въ чувственныхъ вещахъ мы безъ труда допускаемъ такое соединеніе разностей, между тѣмъ какъ въ невещественныхъ разсудокъ противополагаетъ ихъ однѣ другимъ... Мы говоримъ, что человѣкъ имѣетъ свободу и свободѣ противополагаемъ необходимость. Если умъ свободенъ, говорятъ, онъ не подверженъ необходимости, и наоборотъ. Одно исключается другимъ. Здѣсь мы принимаемъ разности, какъ взаимно другъ друга исключающія и не могущія быть соединенными или *конкретными*. Но въ реальности умъ конкретенъ и его качества суть свобода и необходимость. Онъ свободенъ въ своей необходимости и только въ ней находитъ свою свободу. Природа исключительно предана необходимости. Свобода безъ необходимости есть чистое отвлеченіе, произвольность, свобода *чисто* формальная».

Гёте сказалъ: «то, что образовалось, становится всегда матеріею новаго образованія. Это начало Гегель прилагаетъ къ своей теоріи развитія». Плодъ развитія есть результатъ движенія. Но это результатъ только одной степени развитія, и потому-то онъ дѣлается началомъ, точкою отправленія новой формы. Духъ входитъ въ себя и дѣлаетъ изъ самого себя предметъ своей мысли. Потомъ изъ понятія, въ которомъ онъ схватилъ себя и которое есть

* Это-то движеніе Гегель, также какъ и Шеллингъ, любитъ называть процессомъ. Только то, что процедируетъ или движется, у Шеллинга есть абсолютъ, у Гегеля — идея.

онъ самъ, его форма, его настоящее состояніе, — онъ дѣлаетъ новый предметъ своей дѣятельности. Такимъ образомъ то, что образовалось сначала, преобразуется еще, опредѣляется и дѣлается точнѣе. Эволюція конкретнаго есть рядъ развитій, который не долженъ быть представляемъ какъ прямая линія, продолжающаяся въ безконечность, но какъ кругъ, который возвращается въ самого себя. Этотъ кругъ имѣетъ периферіею множество круговъ» [1].

Посредствомъ этихъ объясненій, которыя мы сочли обязанностію привести почти буквально, потому что они основныя, авторъ доходитъ до слѣдующаго важнаго положенія: «Философія есть знаніе развитія конкретнаго». Развитіе дѣлается изъ самого себя, необходимо, органически, и философія есть только обдуманное и сложное его сознаніе. «Истинное, говоритъ авторъ [2], опредѣленное въ себѣ, имѣетъ потребность развиться. *Идея*, конкретная и развивающаяся, есть органическая система, цѣлость», которая заключаетъ въ себя богатство степеней и *моментовъ* [3]. Философія есть не другое что, какъ знаніе этого развитія, и, какъ мысль методическая и обдуманная, она есть это самое развитіе. Чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ развитіе, тѣмъ ближе философія подходитъ къ совершенству. Чѣмъ болѣе развивается идея, тѣмъ точнѣе она дѣлается и тѣмъ болѣе опредѣляется. Чѣмъ болѣе растяженія (экстенсіи), тѣмъ болѣе напряженія (интенсіи). Вотъ что философія: одна идея царствуетъ въ ея цѣломъ и всѣхъ частяхъ ея, какъ живой человѣкъ одушевленъ однимъ началомъ жизни. Всѣ части, которыя въ ней производятся, равно какъ ихъ систематизированіе, выходятъ изъ одной тожественной идеи. Всѣ частныя системы суть только различныя формы одной и той-же жизни. Только въ одномъ этомъ единствѣ имѣютъ онѣ реальность, и ихъ разности, ихъ частныя опредѣленности, взятыя вмѣстѣ, суть только выраженія формъ, заклю-

---

[1] Т. I, стр. 39.

[2] Ibid. стр. 40.

[3] См. объясненіе этого термина на стр. 186. *Ред.*

ченныхъ въ идеѣ. Идея есть вмѣстѣ центръ и окружность, источникъ свѣта, который во всѣхъ своихъ изліяніяхъ не выходитъ никогда изъ самого себя; она есть система необходимости и своей собственной необходимости которая, слѣдовательно, есть и ея свобода».

Безъ труда можно предвидѣть приложеніе этихъ началъ къ Исторіи Философіи: изъ нихъ явно слѣдуетъ тождество этой Исторіи и самой Философіи. Философія, какъ ея Исторія, будетъ развивающеюся системою. Исторія есть только прогрессивная и необходимая эволюція идеи или мысли во всей ея полнотѣ; Философія есть ничто иное, какъ знаніе этого развитія. Легко вывести заключеніе; но пусть авторъ опять говоритъ за себя; въ этомъ случаѣ онъ объясняется съ большею энергіею и съ достаточною ясностію, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, которые нѣсколько ознакомились съ его терминологіею.

Вотъ что мы читаемъ прежде всего въ его Энциклопедіи Философскихъ Наукъ*: «Исторія Философіи производитъ степени развитія подъ формою случайной послѣдовательности (сукцессіи) и исключительнаго развитія началъ и системъ. Но работникъ, въ этомъ трудѣ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, все одинъ живой духъ, побуждаемый своею мыслительною натурою сознавать то, что̀ онъ есть, и который, по мѣрѣ того, какъ одна степень его развитія дѣлается предметомъ его мысли, уже становится на высшую степень. Исторія Философіи показываетъ въ различныхъ системахъ одну и ту-же философію на различныхъ степеняхъ развитія; а въ различныхъ началахъ, послужившихъ къ основанію системъ,—отрасли одного и того-же цѣлаго. Философія, послѣдняя по времени, есть результатъ всѣхъ предшествовавшихъ и, слѣдовательно, должна заключать начала всѣхъ; слѣд. она есть — если только это истинная философія — самая развитая, самая богатая и самая конкретная. Это развитіе мысли, предметъ Исторіи Философіи, представляется и въ

* Третье изданіе, §§ 13 и 14.

Философіи, но только освобожденное отъ исторической внѣшности*. Мысль свободная и истинная конкретна; она есть и идея, идея во всей своей всеобщности или *абсолютъ*».

Въ своихъ лекціяхъ объ Исторіи Философіи**, чтобы объяснить основное положеніе своей системы — *Философія и ея Исторія тождественны въ сущности* и въ прогрессивномъ ходѣ — Гегель различаетъ два вида, не въ самомъ развитіи, но въ его явленіи. «Развитіе различныхъ степеней въ ходѣ мысли, говоритъ онъ, можетъ совершаться съ сознаніемъ необходимости, съ которою одна степень слѣдуетъ за другою и выходитъ изъ нея, и по которой только такая-то форма теперь можетъ явиться, или это развитіе можетъ совершаться безъ сознанія и казаться случайнымъ, такъ что пріобрѣтенное понятіе тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ вслѣдствіе своей природы и производитъ свои послѣдствія, но только связь остается не познанною и не объясненною. Такъ, въ физической природѣ вѣтви, листы, цвѣты, плодъ одного и того-же растенія выходятъ изъ него, каждое для себя, между тѣмъ какъ внутренняя идея опредѣляетъ эту послѣдовательность. Также точно въ дитяти всѣ способности раскрываются такъ просто, что родители, въ первый разъ дѣлающіе такой опытъ, удивляются этому чуду и въ этомъ ряду явленій видятъ только форму послѣдовательности во времени».

Первый видъ развитія, отличающійся сознаніемъ необходимости, есть, по мнѣнію Гегеля, предметъ Философіи; второй видъ, въ которомъ разные моменты развитія представляются во времени, подъ фирмою фактовъ, случившихся въ такихъ-то мѣстахъ, между такими-то народами, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ политическихъ обстоятельствъ, есть зрѣлище, представляемое намъ Исторіею Философіи.

---

* Г. Вилльмъ переводитъ: случайности (contingence),—Гегель: befreit von jener geschichtlichen Aeusserlichkeit, rein im Elemente des Denkens. § 14.
Прим. Н. В. Станкевича.

** Т. 1, стр. 42.

«По этому я утверждаю, говоритъ Гегель, что послѣдовательность философскихъ системъ въ исторіи равна послѣдовательности логическихъ опредѣленій идеи. Я утверждаю, что если очистить основныя начала системъ, являющихся въ исторіи, отъ всего, что принадлежитъ ко внѣшней ихъ формѣ и частному примѣненію, то мы увидимъ различныя степени идеи, опредѣляемой логически. И наоборотъ, діалектическое движеніе идеи представляетъ главные моменты историческаго движенія. Правда, что надобно узнавать идеи подъ формами, которыя дала имъ исторія...

«Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что изученіе Исторіи Философіи есть изученіе самой Философіи. Но въ нее надобно принести знаніе идеи, точно такъ, какъ для того, чтобы судить о дѣйствіяхъ человѣческихъ, надобно имѣть понятіе о справедливомъ и должномъ. Безъ этого знанія, исторія философическаго знанія представитъ безпорядочную кучу мнѣній. Показать эту идею и объяснить ее фактами, такова задача историка философіи».

Послѣ этихъ общихъ понятій объ отношеніяхъ Философіи къ ея Исторіи, Гегель переходитъ къ приложенію этихъ идей къ самой Исторіи. Онъ возвращается къ выше предложенному вопросу: какимъ образомъ философія имѣетъ исторію, или является развивающеюся во времени. Этотъ вопросъ предлагается въ одной только системѣ Гегеля, и вотъ какъ онъ рѣшилъ: природа равна себѣ; ея измѣненія суть только повторенія; ея движенія кругообразны. Бытіе духа — въ его дѣйствіи; его дѣйствіе — въ знаніи самого себя. Я есмь непосредственно, но только какъ живой организмъ; какъ духъ, я существую, только поколику знаю себя. А сущность этого знанія составляетъ то, что я — объектъ самому себѣ. Такимъ образомъ, различая себя отъ самого себя духъ получаетъ существованіе; онъ полагаетъ себя, какъ внѣ себя. Эта внѣшность есть общій и отличительный характеръ натуральнаго существованія, а одинъ изъ видовъ внѣшности есть время.

«Это существованіе во времени есть моментъ не только

индивидуальнаго сознанія, но и развитія философической идеи въ элементѣ мысли. Идея разсматриваемая въ покоѣ, во внутреннемъ созерцаніи, не есть во времени. Но идея какъ конкретная, какъ единство разностей, развивается мыслію и полагаетъ себя во внѣшности: такъ въ элементѣ мысли чистая философія является какъ существованіе, развивающееся во времени. Но этотъ элементъ мысли не долженъ быть принятъ исключительно, какъ дѣятельность индивидуальнаго сознанія. Духъ не открывается исключительно, какъ индивидуальная и конечная мысль, но какъ духъ конкретный и всемірный*. Эта *конкретная всеобщность* заключаетъ всѣ виды и фасы, подъ которыми, сообразно съ идеею, духъ дѣлается самому себѣ объектомъ. Его развитіе не совершается въ мысли индивидуума, не представляется въ индивидуальномъ сознаніи. Богатство формъ его наполняетъ исторію міра. Въ этой великой и всеобщей эволюціи духа случается, что такая-то форма, такая-то степень идеи обнаруживается у такого-то народа, раньше чѣмъ у другого; такъ что данный народъ и данное время выражаетъ только эту форму, между тѣмъ какъ высшая степень является только чрезъ нѣсколько вѣковъ и у другой націи»[1].

Итакъ, мыслящій духъ развивается необходимо во времени; онъ не развивается во всей цѣлости, ни въ недѣлимомъ, ни въ народѣ, ии въ эпохѣ, но во всемъ человѣчествѣ. Каждая эпоха, каждая нація представляютъ одинъ его видъ, одну степень, одну форму. Эти виды, эти формы разнообразны; но они кажутся въ противорѣчіи, только сравниваемыя отдѣльно. Это историческое развитіе совершается съ раціональною (умственною) необходимостію; и человѣкъ, который жилъ-бы отъ самаго происхожденія философіи и зналъ всѣ послѣдовательные успѣхи ума,

---

* Здѣсь надобно вспомнить, что Гегель смотритъ на индивидуальную мысль, какъ на отвлеченіе, которое, по его мнѣнію, есть часть дѣятельности всемірнаго духа, называемаго имъ по сему конкретнымъ.

[1] Ibid. T. I, стр. 45.

развивающагося въ вѣкахъ, совершенно почувствовалъ-бы эту необходимость, но не отрекся-бы ни отъ одного изъ прежнихъ убѣжденій; его идеи преобразовались-бы и дополнились, но не перемѣнились; онѣ представляли-бы, наконецъ, удивительное единство, гармонію, элементовъ различныхъ, но безъ диссонанса. Развившійся духъ есть только произведеніе во внѣшность того, что̀ первоначально заключалось въ немъ, и противорѣчіе не можетъ имѣть мѣста между возможностію или способностію и раціональною дѣйствительностію.

«Вслѣдствіе этихъ понятій о конкретномъ и о развитіи, говоритъ авторъ, свойство разнообразія принимаетъ совсѣмъ другой смыслъ; все, что говорили о перемѣнахъ въ философіи, ложно предполагая, что разнообразное постоянно приводится чрезъ это къ настоящей цѣнѣ, чрезъ это исчезаютъ всѣ возраженія историческаго мистицизма... Тѣ, которые принимаютъ разнообразіе за постоянное и нѣчто абсолютное, не знаютъ его природы и діалектики. Разнообразіе не имѣетъ ничего постояннаго; оно только преходящій моментъ движенія эволюціи. Конкретная идея философіи есть дѣятельность развитія, состоящая въ произвожденіи разностей, которыя заключены въ ней, въ способности (virtuellement). Эти различія, находящіяся въ идеѣ, полагаются, какъ мысли; они производятся необходимо, одна здѣсь, другая тамъ... Различія содержатъ идею подъ частною формою. Эти формы суть столько-же и системы философій. Онѣ суть ничто иное, какъ первоначальныя различія идеи; взятыя вмѣстѣ, онѣ представляютъ все ея содержаніе. Каждая форма есть система; но системы явившись сначала, какъ независимыя, кажутся наконецъ моментами прехожденія. За расширеніемъ слѣдуетъ сжатіе, возвращеніе къ единству. Потомъ начинается новый періодъ развитія. Можно-бы думать, что этотъ прогрессъ безконеченъ; но мы увидимъ впослѣдствіи, что онъ имѣетъ абсолютный предѣлъ. Вотъ одинъ истинный способъ созерцать построеніе храма Разума, имѣющаго сознаніе о

себѣ самомъ. Онъ строится раціонально, внутреннимъ архитекторомъ[*].

Въ сущности этого ученія, притязаніе на раціональное развитіе человѣческаго духа чрезъ всѣ событія исторіи есть ничто иное, по мнѣнію автора, какъ вѣра въ Провидѣніе, приложенная къ Исторіи Философіи: «Все, что есть благороднѣйшаго въ мірѣ, говоритъ Гегель,—это мысль. Зачѣмъ-же думать, что разумъ царствуетъ только въ физической природѣ, почему и не въ духовной области? Нельзя, допустивъ, въ самомъ дѣлѣ, управленіе міра Промысломъ, смотрѣть въ то-же время на событія міра умственнаго, т. е. на различныя философіи, какъ на случайности». На возраженіе противъ этой системы, извлеченное изъ продолжительности времени, въ которое совершается обработываніе философіи, Гегель отвѣчаетъ, что, въ самомъ дѣлѣ, сначала эта продолжительность можетъ удивить почти такъ же, какъ обширность пространствъ, изслѣдуемыхъ астрономіею; но надобно вспомнить, что всемірному духу спѣшить нечего, что ему времени довольно, потому что онъ вѣченъ.

Гегель примѣняетъ къ нему слова, обращаемыя Св. Писаніемъ къ Богу: «Тысяча лѣтъ предъ Тобою, какъ день одинъ». Какъ-бы много поколѣній и переворотовъ не издержалъ онъ, чтобы дойти до полнаго сознанія: ему это не дорого стоитъ; не довольно-ли богатъ онъ людьми и націями, чтобы позволить себѣ это долгое и обильное потребленіе? Природа самымъ близкимъ путемъ достигаетъ своихъ цѣлей, но духъ идетъ отдаленными дорогами, переходами медленными и нечувствительными и долго обезпечиваетъ свои успѣхи[*]. Если вы будете настаивать въ пользу поколѣній, которыя кажутся пожертвованными всеобщему развитію, Гегель будетъ отвѣчать, что для каждой націи достаточна форма, подъ которую она выра-

---

[*] Ibhid. Стр. 47.

[*] Стр. 49.

ботываетъ свое положеніе и свою вселенную*. Изъ этихъ разсужденій выходятъ слѣдующія заключенія для Исторіи Философіи:

1) Все цѣлое этой Исторіи имѣло ходъ прогрессивный, раціональный, необходимый, опредѣленный способностью духа, возможностію идеи. Нѣтъ ничего постояннаго въ историческомъ развитіи Философіи. Всякая система, которой форма не совершенно тождествена съ содержаніемъ идеи, преходяща.

2) Каждая философія была необходима и есть еще; ни одна не погибла; *всѣ Философіи*, какъ моменты одного цѣлаго, положительно сохранились въ *Философіи*. Но надобно различать особенное начало каждой системы и его приложеніе. Одни начала сохранились; Философія, самая новѣйшая, есть результатъ всѣхъ предшествовавшихъ началъ, и въ этомъ-то смыслѣ ни одна Философія не была отринута: отвергнуто было не начало, но только притязаніе этого начала быть послѣднимъ опредѣленіемъ абсолютнаго; такъ, напр., мы принимаемъ начало атомистовъ, не будучи атомистами: мы отрицаемъ начало, какъ исключительное и абсолютное. Это отрицаніе, впрочемъ, встрѣчается во всякомъ видѣ развитія. Такъ, возрастаніе дерева есть отрицаніе зародыша, цвѣты отрицаніе листьевъ, потому что листья не суть послѣднее и истинное существованіе дерева; цвѣты, наконецъ, отрицаются плодомъ: плодъ есть послѣдній результатъ, результатъ абсолютный; но, чтобы онъ достигъ вещественнаго бытія, всѣ предшествовавшія явленія были необходимы.

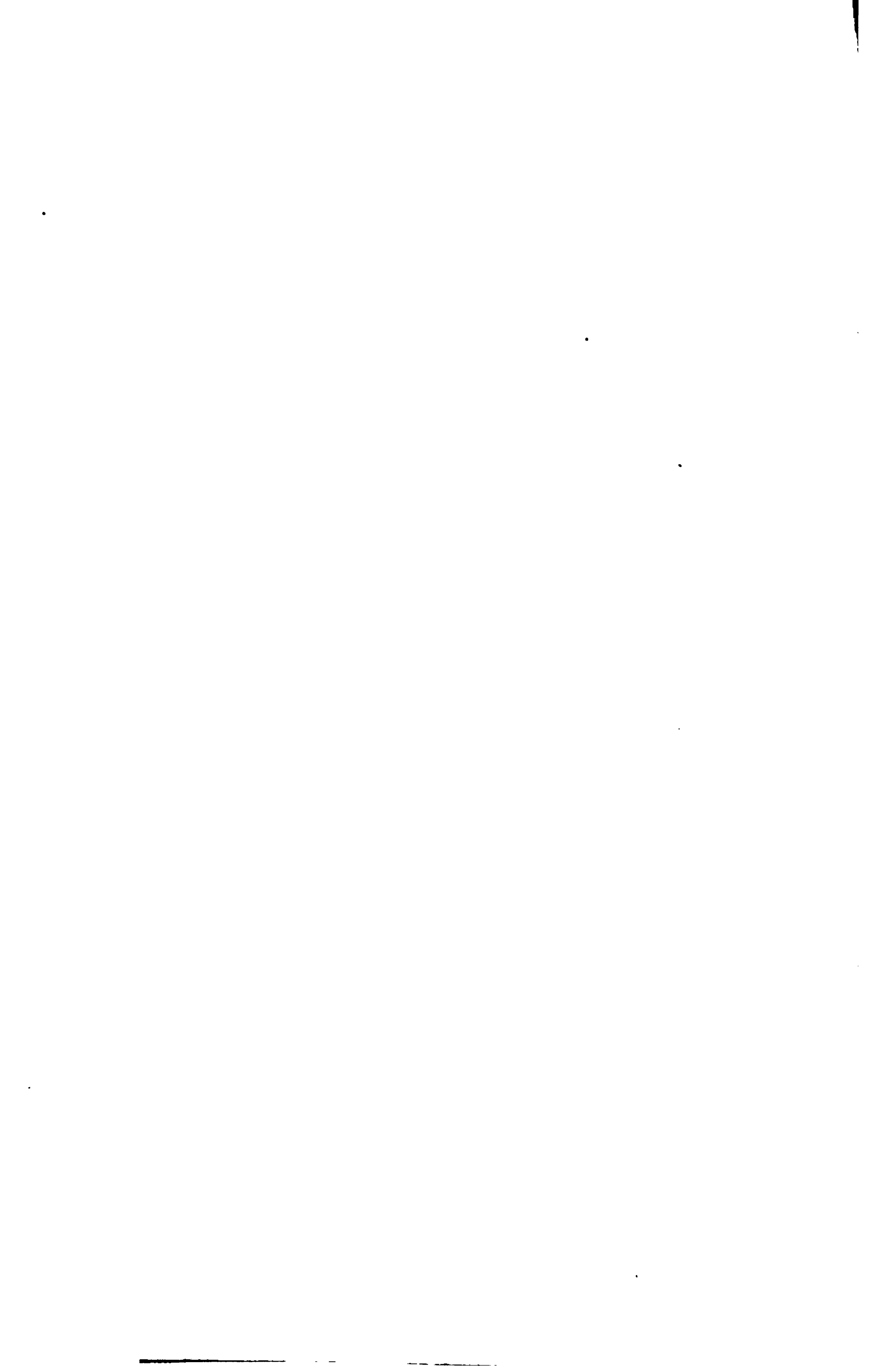
3) Итакъ, на начала особенно должно быть обращаемо вниманіе историка философіи: каждое начало господствовало нѣсколько времени и опредѣляло форму, подъ которою смотрѣли на вселенную. Вотъ что называютъ системою. Системы должны занимать насъ каждый разъ, когда начала были довольно могущественны, чтобы произвести полную философію.

---

* Стр. 47.

4) Наконецъ, Исторія Философіи, хотя исторія, не есть прошедшее для насъ. Содержаніе этихъ лѣтописей составляютъ систематическія произведенія раціональности, и потому-то онѣ не имѣютъ ничего погибающаго. На этомъ полѣ выросла истина, а истина вѣчна, и въ одно время существуетъ не болѣе, какъ и въ другое. Тѣла умовъ, герои этой исторіи, ихъ временная жизнь — все прошло; но ихъ творенія, ихъ мысли не послѣдовали за ними; они не выдумали раціональное содержаніе своихъ трудовъ; оно имъ не приснилось: философія не сомнамбулизмъ; ихъ подвигъ есть произведеніе въ свѣтѣ сознанія того, что̀ крылось въ нѣдрахъ духа, превращеніе его субстанціи въ знаніе: это прогрессивное пробужденіе. Творенія философовъ сложены не въ одномъ храмѣ воспоминанія, и теперь они должны быть для насъ такъ же близкими и живыми, какъ во время своего происхожденія. Пріобрѣтенія мысли, напечатлѣнныя въ мысли, составляютъ настоящее бытіе нашего духа. Знанія не суть одна ученость; предметъ Исторіи Философіи не старѣетъ: онъ есть вѣчно-настоящій, дѣйствительный, живой.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Современный отзывъ о трагедіи «Василій Шуйскій»*.

Трагедія Василій Шуйскій, со всѣми ея несовершенствами, есть очень пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Мы слышали, что авторъ оной шестнадцати лѣтъ. Начало раннее, но прекрасное. Это не безотчетливо снизанная изъ звучныхъ стиховъ повѣсть или такъ-называемая поэма. Трудъ, совершонный господиномъ Станкевичемъ, есть, по выраженію художниковъ, трудъ академическій. Онъ попробовалъ силы свои на предметѣ, ожидающемъ еще писателя зрѣлаго и великаго, и показалъ исполненіемъ, что̀ можетъ сдѣлать истинный талантъ въ его лѣта. Стихи вездѣ хороши, чувствъ много и двѣ-три сцены счастливо сображены. Но отъ историческаго трагика требуется бо̀льшаго. Онъ долженъ воображеніемъ оживить людей, знакомыхъ намъ изъ преданій, обнаружить характеры ихъ, раскрыть тайны ихъ сердецъ и искусно дополнивъ промежутки жизни, извѣстной намъ только отрывками, достойными памяти народной, озарить яркимъ свѣтомъ лица и дѣйствія, остающіяся въ исторіи загадочными. Возьмемъ для примѣра характеръ Шуйскаго, замѣчательнѣйшій въ русскихъ лѣтописяхъ, блѣднѣйшій въ безжизненномъ романѣ Димитрій Самозванецъ. Онъ, какъ Протей, поминутно измѣняется на политическомъ своемъ поприщѣ: то видишь его льстецомъ и участникомъ въ злодѣяніи страшномъ, то тайнымъ заговорщикомъ, то раскаявшимся преступникомъ, то явнымъ врагомъ Самозванца, то царемъ слабымъ, то великимъ и, наконецъ, сверженный съ престола и плѣнный, является онъ трогательнымъ образцомъ страдальца невиннаго и благороднаго. Какъ связать всѣ эти противоположности? Кто пойметъ эту душу многочувствовавшую, этотъ разумъ многообразный? Трагикъ, но въ пору зрѣлости своего та-

* Литературная Газета за 1830 г., томъ II, стр. 16.

ланта, изучившій и обдумавшій дѣла людей давно прошедшихъ и жизнь настоящую и испытавшій всѣ пружины сердца, дарованнаго человѣку мудрымъ Провидѣніемъ.

Ошибки молодого поэта — ошибки его возраста: характеры не поняты и едва обрисованы, обычаи не соблюдены и предпріятія истинно поэтическія не выполнены. Есть нѣсколько погрѣшностей противъ языка и въ особенности противъ словоудареній. Напримѣръ: слово ненависть во многихъ мѣстахъ трагедіи употреблено съ удареніемъ, ему не свойственнымъ, на второмъ слогѣ: нена̀висть. Все это поправится въ свое время; желаемъ только автору терпѣнія и страсти безослабно себя усовершенствовать, и надѣемся отъ него большихъ успѣховъ на просторномъ полѣ русской драматургіи.

II.

Письмо Н. В. Станкевича къ редактору «Молвы»[*].

М. Г.! Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ печатно говорить о мелочахъ, недостойныхъ вниманія читающей публики. Но я поставленъ въ это положеніе обязательностію издателей «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива», помѣстившихъ стихи мои въ № 16 своего журнала за нынѣшній 1834 годъ[2]. Стихи эти отосланы были нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ покойному О. М. Сомову вмѣстѣ съ другими, давно напечатанными въ «Литературной Газетѣ» и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Не думаю, чтобы г. Сомовъ отдалъ ихъ г. Гречу при своей жизни (тѣмъ менѣе, отказалъ въ духовномъ завѣщаніи); иначе, для чего печатать ихъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ? Наслѣдниковъ покойнаго я не имѣю чести знать, точно также, какъ и отношеній, въ какихъ они находятся съ издателями «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива»...

---

[*] Молва, 1834 г. № 20, стр. 310.

[2] «На могилу сельской дѣвицы». См. стр. 59 настоящей книги. *Ред.*

Чтобы предупредить недоразумѣнія людей, которымъ знакомы мои литературныя мнѣнія, я долженъ сказать, что стихи помѣщены въ «Сынѣ Отечества» безъ моего вѣдома и, даже, противъ моего желанія: зная настоящую цѣну своимъ дѣтскимъ опытамъ, теперь я не рѣшился бы ихъ печатать.

Прошу васъ, М. Г., дать мѣсто письму моему въ «Молвѣ»,— хотя, признаюсь вамъ,— входя въ первый разъ въ литературныя сплетни, я подписываю подъ нимъ мое имя съ тѣмъ-же почти неудовольствіемъ, съ какимъ видѣлъ его въ журналѣ, издаваемомъ гг. Гречемъ и Булгаринымъ.

Н. Станкевичъ.

Мая 11, 1834.
Москва.

III.

Литературные пріемы г. А. Славина.

Въ «Современникѣ» за 1847 г.* въ отдѣлѣ «Смѣси» помѣщена статья И. И. Панаева, озаглавленная «Новый Поэтъ», въ концѣ которой онъ говоритъ о стихотворной дѣятельности нѣкоего г. А. Славина. Считаю не лишнимъ привести это мѣсто здѣсь цѣликомъ, какъ любопытное свидѣтельство о литературныхъ пріемахъ г. Славина, съ рѣдкою безцеремонностью выдававшаго чужія, исковерканныя имъ лишь мѣстами стихотворенія, за произведенія собственной музы. *Ред.*

«...въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» съ нѣкотораго времени замѣчалъ я стихи, отмѣчаемые то буквами А. С., то полной фамиліей А. Славинъ. На меня, много лѣтъ не пропускавшаго непрочитаннымъ ни одного русскаго стиха, стихотворенія г. Славина всегда производили странное дѣйствіе—не то, чтобъ я ихъ самъ написалъ или читалъ, а такъ все кажется, будто я ихъ зналъ наизусть, когда

---

* Въ № 1, стр. 64 — 71.

еще о г. Славинѣ не было и помина... Впечатлѣніе странное, разгадка котораго скоро сдѣлалась для меня мучительной задачей, задѣвшей за-живо мое самолюбіе. Наконецъ попался мнѣ 11-й № «Репертуара» за 1846 г. *; я наткнулся на стихотвореніе, подписанное А. С., и тотчасъ увидѣлъ, что г. А. Славинъ открылъ новый способъ писать стихи. Способъ очень благовоспитанный: возьми книжку стараго журнала, напримѣръ «Телескопа», сыщи тамъ стихотвореніе, какое понравится, ну хоть стихотвореніе г. Станкевича «Мгновеніе», — заглавіе уничтожъ вовсе, замѣнивъ его звѣздочкой, а хватитъ смыслу — придумай другое; нѣсколько словъ измѣни, удержавъ, впрочемъ, риѳмы (потому что новыя рифмы подбирать трудно), и — смѣло выдавай за свое. Что стихотвореніе г. Славина, о которомъ я говорю, написано именно такимъ способомъ, — я сейчасъ вамъ докажу. Сличайте[2]:

Есть у души высокія мгновенья,
Когда далекая и чуждая заботъ —
Она озарена лучемъ преображенья
И вдохновеніемъ живетъ.

Въ ней все восторгъ... смолкаютъ сердца муки
И воцаряются гармонія и миръ —
Внимайте — жизнь перелилась вся въ звуки
И возстаетъ изъ звуковъ новый міръ.

Тотъ міръ повитъ чудесной пеленою,
Въ немъ неба міръ и славы отраженъ,
И дышетъ все любовью неземною...
Онъ вѣрой и блаженствомъ окрещенъ.

Раскрылись небеса! смотрите царь творенья, —
На всемъ видна его руки печать...
Какъ хорошо душѣ.... въ минуту вдохновенья
Желалъ-бы я предъ Господомъ предстать.

А. С.

---

* Стр. 293.

[2] И. И. Панаевъ приводитъ оба стихотворенія, помѣщая одно en regard съ другимъ. Я не нашелъ этого нужнымъ, такъ какъ «Мгновеніе» напечатано въ настоящей книгѣ на стр. 35. *Ред.*

IV.

Списокъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ напечатаны сочиненія Н. В. Станкевича.

1. «Бабочка» за 1829 г. №№ 18, 20, 47, 55, 62, 103.
2. «Бабочка» за 1830 г. №№ 2, 8, 16, 21, 22, 26, 32, 45, 47.
3. «Атеней» за 1830 г. Іюль, стр. 118—130; Августъ, стр. 198.
4. «Литературная газета» за 1831 г. №№ 7 и 18, стр. 54 и 146.
5. «Телескопъ» за 1831 г., ч. II, стр. 470—473.
6. «Сѣверные Цвѣты», альманахъ на 1831 г., стр. 30—31.
7. «Телескопъ» за 1832 г. ,ч. VIII, стр. 173.
8. «Сѣверные Цвѣты» ,альманахъ на 1832 г. с. 173, 147—148.
9. «Молва» за 1832 г. №№ 70 и 75.
10. «Денница» ,альманахъ на 1834 г., стр. 21, 127—128.
11. «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» за 1834 г. № 16.
12. «Телескопъ» за 1834 г. ч. XXI, стр. 290—316.
13. «Телескопъ» за 1835 г. ч. XXVIII, стр. 3—28; 145—166; 256—294.
14. «Телескопъ» за 1836 г., ч. XXXIII, стр. 24—25 и 298—300; ч. XXXIV, стр. 159—181.

КОНЕЦЪ.

3 2044 021 097 118